DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.9

ISSN 2072-909X

Российское правосудие

2026. № 9

Научно-практический журнал

Основан в 2006 году
Издается ежемесячно

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, индексируется в РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index и «Белый список». Размещен на Национальной платформе научных журналов

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-89449 от 21 апреля 2025 г.
Агентство «Книга-сервис», «Интернет-каталог», индекс 36605
Главный редактор: **И. Р. Рамазанов**
Ответственный секретарь: **Т. Ф. Кудрявцева**
Верстка: **Г. С. Гордиенко**
Корректор: **К. В. Чегулова**
© Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, 2026
Адрес редакции: 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.
Тел.: (495) 332-51-19.
E-mail: rajmagazine@yandex.ru
При перепечатке и цитировании материалов ссылка на журнал «Российское правосудие» обязательна.
Отпечатано в: ОАО «Паблит». Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Подписано в печать 27.08.2026
Выход в свет: 14.09.2026
Формат 70×100/16.
Объем 9,1 усл. печ. л. Тираж 220 экз.
Свободная цена.

Редакционный совет:

Тисен О. Н., ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук

Капустин А. Я., президент Российской Ассоциации международного права, заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Клеандров М. И., главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Нешатаева Т. Н., заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Рябзин Р. А., судья Верховного Суда Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 1 класса, кандидат юридических наук

Спиридонов А. А., директор Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса, доктор юридических наук

Тимошин Н. В., Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, судья высшего квалификационного класса

Хабриева Т. Я., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик Российской академии наук, вице-президент Российской академии наук, действительный член Международной ассоциации сравнительного права, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Editors:

O. N. Tisen, Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law)

A. Ya. Kapustin, President of the Russian Association of International Law, Head of the Department of International Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

M. I. Kleandrov, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Law), Professor

T. N. Neshataeva, Head of the Department of International Law of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

R. A. Ryabzin, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Active State Counselor of Justice of the Russian Federation, 1st class, Cand. Sci. (Law)

A. A. Spiridonov, Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation, 1st class, Dr. Sci. (Law)

N. V. Timoshin, Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation – Chairman of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Top Qualification Class Judge

T. Ya. Habrieva, Director of Institute of Legislation and Comparative Law under Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice President of Russian Academy of Science, Honored Lawyer of the Russian Federation

Редакционная коллегия:

Бирюков П. Н., заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Болтанова Е. С., заведующий кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

Бриллиантов А. В., заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Бурдина Е. В., заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент, член Совета судей Российской Федерации

Габов А. В., и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук

Дедов Д. И., профессор кафедры конституционного и муниципального права МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

Женетль С. З., профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Загорский Г. И., профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук

Качалова О. В., заведующий кафедрой уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Кононов П. И., профессор кафедры публично-правовых наук Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Корнев В. Н., заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Краснова И. О., заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Никитин С. В., заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Стахов А. И., заведующий кафедрой административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Сырых В. М., главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Содержание

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Жолобов Я. Б., Заремба Н. Г. **Формирование судейского корпуса Санкт-Петербурга в пореформенный период (к 160-летию начала реализации Судебных уставов 1864 г.) 5**

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Пресняков М. В. **Ограничения, связанные с государственной или муниципальной службой: особенности правовой природы и разграничение со смежными правовыми концептами 13**

Терентьев Р. В. **История законодательства об административных правонарушениях в контексте реализации принципа независимости судебной власти.....23**

АРБИТРАЖНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Ванин В. В., Лескова Ю. Г. **Преодоление нерешительного состояния при обусловленном исполнении обязательств из синаллагматических договоров в судебно-арбитражной практике 32**

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Андрианова М. В. **Изменение размеров государственной пошлины в контексте повышения эффективности гражданского судопроизводства.....42**

Шигонина Л. А. **Допустимость автономии воли в трансграничных семейных отношениях в Российской Федерации и мусульманских странах – участницах БРИКС....50**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Праскова Т. В. **Проблемы реализации положений ст. 339 УПК РФ при постановке перед присяжными заседателями вопроса о виновности 60**

Скрипченко Н. Ю., Сунгурова Е. Д. **Нормативное исключение оказания медицинской помощи из сферы действия ст. 238 УК РФ: социальная потребность и проблемы применения 68**

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Карпович В. Э., Овчинников Е. К. **Субъекты исполнения обязанностей по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения в государствах – участниках Содружества Независимых Государств: основные подходы 75**

КРИМИНОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Корсаков К. В. **Криминологическая модель профилактики вовлечения российской молодежи в террористические и экстремистские организации 85**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Мысливский П. П. **Международно-правовое регулирование статуса международных служащих постоянно действующих органов Евразийского экономического союза (к 10-летию практики Суда ЕАЭС) 94**

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА

Жаксылыков М. Б. **Алгоритмизация как основа цифровой модели конкурсного отбора судей в Республике Казахстан 105**

Content

HISTORY OF THE STATE AND LAW

Ya. B. Zholobov, N. G. Zarembo. **The formation of the judiciary of St. Petersburg in the post-reform period (to the 160th anniversary of the beginning of the implementation of the Judicial Statutes of 1864) 5**

ADMINISTRATIVE LAW. ADMINISTRATIVE PROCEDURE

M. V. Presnyakov. **Restrictions related to state or municipal service: features of the legal nature and distinction with related legal concepts 13**

R. V. Terentev. **History of legislation on administrative offenses in the context of implementing the principle of judicial independence 23**

ARBITRATION PROCEEDINGS

V. V. Vanin, Yu. G. Leskova. **Overcoming indecisiveness in the conditional performance of obligations from synallagmatic contracts in judicial and arbitration practice 32**

CIVIL LAW. CIVIL PROCEDURE

M. V. Andrianova. **Changing the size of the state fee in the context of improving the effectiveness of civil proceedings 42**

L. A. Shigonina. **The permissibility of will autonomy in cross-border family relations in the Russian Federation and the Muslim BRICS member countries 50**

CRIMINAL LAW. CRIMINAL PROCEDURE

T. V. Praskova. **Problems of implementing the provisions of Art. 339 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation when asking the jury about guilt 60**

N. Yu. Skripchenko, E. D. Sungurova. **Normative exclusion of medical care from the scope of Art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation: social need and problems of application 68**

INTERNATIONAL CO-OPERATION FOR CRIME PREVENTION

V. E. Karpovich, E. K. Ovchinnikov**. Subjects of fulfillment of duties on countering money laundering, terrorist financing and the financing of proliferation of weapons of mass destruction in the member States of the Commonwealth of Independent States: basic approaches 75**

CRIMINOLOGY: THEORY AND PRACTICE

K. V. Korsakov. **Criminological model for preventing Russian youth from joining terrorist and extremist organizations 85**

INTERNATIONAL LAW

P. P. Myslivskiy. **International law regulation of the status of international servants of permanent bodies of the Eurasian Economic Union (for the 10th anniversary of the practice of the Court of the EAEU) 94**

LAW AND THE STATE: INTERNATIONAL PRACTICE

M. B. Zhaksylykov. **Algorithmization as the basis of a digital model of judicial selection in the Republic of Kazakhstan 105**

Российское правосудие. 2026. № 9. С. 5–12
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 9. P. 5–12
УДК 347.962, 343.16 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.9.5-12

Научная статья

Формирование судейского корпуса Санкт-Петербурга в пореформенный период (к 160-летию начала реализации Судебных уставов 1864 г.)

Ярослав Борисович Жолобов[1], Наталья Геннадьевна Заремба[2]

[1] Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, psh_zholobov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2033-0897

[2] Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург, Российская Федерация, natalzar@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0008-4817

Аннотация. Формирование судейского корпуса – одна из задач судебной реформы в любую эпоху. В 2026 году исполняется 160 лет с открытия судебных палат, окружных и мировых судов в Санкт-Петербурге, с которых началась реализация положений Судебных уставов 1864 г. В связи с тем, что Судебная реформа Александра II до сих пор считается одной из самых эффективных и является ориентиром для проведения судебной реформы в Российской Федерации, начавшейся в 1991 г., обращение к дореволюционному опыту подготовки и подбора кадров для судебной системы может помочь в осмыслении современных проблем и способствовать поиску их решения. Цель исследования состоит в анализе кадровой политики Министерства юстиции на этапе формирования судов Санкт-Петербурга в рамках реализации Судебных уставов 1864 г., а также выявлении ее роли в успешности Судебной реформы.
В работе использовались общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, дескриптивный, хронологический), а также специальные методы, применяемые в юридических исследованиях (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой). Теоретической основой выступили научные труды дореволюционных юристов и современных ученых.
На основании изучения материалов Российского государственного исторического архива показано, что подготовка и подбор кадров для судебной системы являлись одной из задач Судебной реформы 1864 г. Ведущую роль в новом судейском корпусе, создаваемом Министерством юстиции, играли выпускники Училища правоведения – первого в России специализированного высшего учебного заведения для подготовки специалистов для судебной системы. Выявлено значение сочетания опыта дореформенных судов и зарубежных достижений при учреждении новых судов. Сделан вывод о том, что при открытии судебных органов в 1866 г. ощущался кадровый «голод», что приводило к неполной укомплектованности судов и, соответственно, повышению нагрузки на судей.

Ключевые слова: Судебные уставы 1864 г., Судебная реформа, судья, кадры, Правительствующий Сенат, Министерство юстиции, Судебная палата, окружной суд, мировой суд

Для цитирования: Жолобов Я. Б., Заремба Н. Г. Формирование судейского корпуса Санкт-Петербурга в пореформенный период (к 160-летию начала реализации Судебных уставов 1864 г.) // Российское правосудие. 2026. № 9. С. 5–12. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.5-12.

© Жолобов Я. Б., Заремба Н. Г., 2026

Original article

The Formation of the Judiciary of St. Petersburg in the Post-Reform Period (to the 160th Anniversary of the Beginning of the Implementation of the Judicial Statutes of 1864)

Yaroslav B. Zholobov[1], Natalia G. Zarembo[2]

[1] North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation, psh_zholobov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2033-0897
[2] Russian State Historical Archive, St. Petersburg, Russian Federation, natalzar@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0008-4817

Abstract. The formation of the judiciary is one of the tasks of judicial reform in any era. The year 2026 marks the 160th anniversary of the establishment of the judicial chambers, district courts and justices of the peace in St. Petersburg, the inception point for implementation of the Judicial Statutes of 1864. Given that the Judicial Reform of Alexander II considered one of the most effective and serves as a guideline for the judicial reform in the Russian Federation initiated in 1991, examining the pre-revolutionary practices of judicial personnel training and selection offers valuable insights into contemporary challenges and aids in devising solutions. The purpose of the study is to analyze the personnel policy employed by the Ministry of Justice as the St. Petersburg courts were being constituted, concurrent with the enactment of the Judicial Statutes of 1864, as well as to identify its role in the success of the Judicial Reform.

This study employed general scientific methods, including analysis, synthesis, deduction, induction, descriptive and chronological ones, alongside special methods of legal research such as formal-legal, historical-legal and comparative-legal ones. The theoretical foundation was drawn from the scientific contributions of pre-revolutionary lawyers and modern scientists.

The analysis of the materials from the Russian State Historical Archive indicates that the training and selection of personnel for the judicial system was one of the tasks of the Judicial Reform of 1864. The leading role in staffing the new judiciary formed by the Ministry of Justice was played by graduates of the School of Jurisprudence, the first specialized higher educational institution in Russia to train specialists for the judicial system. The importance of combining the experience of pre-reform courts and foreign achievements in the establishment of new courts was revealed. It was concluded that the opening of the judicial bodies in 1866 was marked by the staff shortage, resulting in understaffed courts and a subsequent increase in judicial workload.

Keywords: Judicial Statutes of 1864, Judicial Reform, judge, personnel, Governing Senate, Ministry of Justice, Judicial Chamber, district court, justices of the peace

For citation: Zholobov Ya. B., Zarembo N. G. The formation of the judiciary of St. Petersburg in the post-reform period (to the 160th anniversary of the beginning of the implementation of the Judicial Statutes of 1864). *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(9):5-12. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.5-12.

В 2026 году отмечается 160 лет с начала формирования новой судебной системы России, основанной на Судебных уставах от 20 ноября 1864 г.[1] Судебная реформа Александра II не только стала одной из самых результативных и эффективных за всю историю существования Российского государства, но и вызвала огромный общественный резонанс, зародила веру в правосудие, позволив утвердить такие его принципы, как равенство всех перед законом и судом, устность и гласность судопроизводства, всесословность при организации судоустройства, возможность рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей и т. д. Многие ее идеи были взяты за основу при разработке начавшейся в 1991 г. судебной реформы Российской Федерации, нацеленной

[1] Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXXIX. Отд-ние II. СПб. : Тип. Второго отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. № 41476; Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXXIX. Отд-ние II. № 41477.

на последовательное совершенствование как системы судоустройства, так и судопроизводства[2].

После принятия Судебных уставов 1864 г. основную роль в реализации их положений играло Министерство юстиции, одной из задач которого было формирование нового судейского корпуса, способного претворить в жизнь новые идеи, обладавшего не только глубокими профессиональными знаниями, но и высокими нравственными качествами. Об объективных трудностях ее выполнения свидетельствовали даже цифры: одновременно нужно было назначить 8 сенаторов, 50 председателей судебных мест и их товарищей, 144 члена судебных палат и окружных судов, 192 судебных следователя, 123 чина прокурорского надзора [1, с. 5].

Необходимо отметить, что правительственные круги еще на стадии разработки положений Судебной реформы понимали важность кадрового вопроса. Морское министерство, занимавшееся с 1857 г. разработкой проекта Судебных уставов, в 1862 г. подготовило «Основные положения преобразования судебной части России»[3], а уже в 1863 г. последовало принятие нового Университетского устава[4], уделившего большое внимание таким учебным дисциплинам на юридических факультетах, как гражданское право и гражданское судоустройство и судопроизводство, а также уголовное право и уголовное судоустройство и судопроизводство. Надежды возлагались и на выпускников Училища правоведения – первого в России высшего учебного заведения, готовившего специалистов именно для судебной системы.

Огромную роль в подборе кадров для судебной системы играл министр юстиции Дмитрий Николаевич Замятнин (1805–1881). Будучи очень общительным человеком, он всеми возможными способами собирал информацию о тех, кто мог бы работать в новых судах. Так, однажды случайно вместе с министром в поезде ехал астраханский губернский прокурор Владимир Васильевич Фриш (1824–1890). В связи с тем, что Д. Н. Замятнин предпочитал скромно одеваться, он, не выдав себя, внимательно выслушал рассказ попутчика о перипетиях его борьбы на прокурорской должности. Каково же было удивление В. В. Фриша, когда вскоре ему была предложена должность начальника отделения департамента Сената [2, с. 142]! В феврале 1866 г. он стал первым председателем департамента Санкт-Петербургской судебной палаты[5].

Кроме того, Д. Н. Замятнин всегда расспрашивал служащих Министерства юстиции об однокурсниках и знакомых, которые могли бы быть полезны для судебной сферы, запрашивал информацию о выпускниках юридических факультетов российских университетов и т. д. Активно изучался штат Правительствующего Сената. Так, в Санкт-Петербургский окружной суд было предложено перейти обер-секретарю второго департамента Сената Н. Н. Герарду (1838–1929)[6], ставшему затем в 1867–1869 гг. мировым судьей и даже в 1868–1869 гг. – председателем петербургских мировых съездов; обер-секретарю четвертого департамента Сената В. А. Ратькову-Рожнову (1834–1912), который стал товарищем председателя Санкт-

---

[2] Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-I «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

[3] Основные положения преобразования судебной части в России от 29 сентября 1862 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXXVII. № 38761. СПб. : Тип. Второго отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1865.

[4] Высочайше утвержденный Общий устав Императорских российских университетов // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXXVIII. Отд-ние I. № 39752. СПб. : Тип. Второго отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1865.

[5] Сенатские ведомости. 1866. № 11. 8 февр.

[6] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 6336. Л. 2–3.

Петербургского окружного суда, а затем членом Санкт-Петербургской окружной палаты[7], и т. д.

Штат окружных судов и судебных палат представлялся министром юстиции и утверждался Государственным Советом. Списки кандидатов в мировые судьи составлялись уездными присутствиями в составе членов уездной земской управы, уездного предводителя дворянства, уездного исправника, полицмейстера, городского головы, мировых посредников уезда и местного уездного судьи[8].

В первую очередь должны были начать работу суды в Санкт-Петербурге. Датой их открытия было выбрано 17 апреля – день рождения императора Александра II.

Огромное значение имело назначение председателей судов. Министр юстиции нес персональную ответственность за подбор руководящего состава судов. Так, в своем докладе Александру II накануне открытия новых судебных органов в Санкт-Петербурге Д. Н. Замятнин писал, что лица, предназначенные на новые судебные должности, как по своим способностям и нравственным качествам, так и по их направлению и образу мыслей вполне заслуживают испрашиваемых ими назначений[9].

Приказом Министерства юстиции от 6 февраля 1866 г. старшим председателем Санкт-Петербургской судебной палаты с оставлением в должности сенатора был назначен тайный советник Михаил Федорович Гольтгоер (1823–1899), председателем департамента Санкт-Петербургской судебной палаты – уже упоминавшийся В. В. Фриш, а председателем Санкт-Петербургского окружного суда – Георгий Николаевич Мотовилов (1834–1880)[10]. Кроме того, именно министр юстиции ходатайствовал перед императором о достойном вознаграждении за труд председателей вновь открывшихся судов. В частности, М. Ф. Гольтгоер получил 1500 руб. подъемных, а также «прогонные и столовые» деньги[11]. Это были большие суммы, поскольку чиновник среднего звена в этот период получал около полутора тысяч рублей в год.

Очень быстро стало понятно, что министр юстиции не ошибся с руководящим составом новых судов Петербурга разного уровня, поскольку они сразу включились в работу. В частности, уже 8 апреля 1866 г. председатель Санкт-Петербургского окружного суда Г. Н. Мотовилов направил министру юстиции Д. Н. Замятнину записку, в которой констатировал, что Судебные уставы от 20 ноября 1864 г. с точки зрения правил, направленных на сохранение порядка и благочиния на судебных заседаниях, не представляют собой ничего цельного и требуют развитий и пояснений, и поэтому предлагал возложить на председателей судов обязанность ознакомления присутствовавших как с правилами поведения в здании суда, так и с последствиями их нарушения, представив разработанный проект Правил для посетителей судебных заседаний[12]. Проект вызвал широкое обсуждение, например, свои замечания внес М. Ф. Гольтгоер[13].

В июле 1866 г. правильность назначения Г. Н. Мотовилова была безусловно доказана еще раз. Он, несмотря на болезнь, фактически спас первые заседания с участием присяжных за-

---

[7] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 6336. Л. 6.

[8] Высочайше утвержденное 19 октября 1865 г. Положение о введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XL. Отд-ние II. № 42587. СПб. : Тип. Второго отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867.

[9] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5612. Л. 9.

[10] Там же. Д. 3441. Л. 3–4.

[11] Там же. Д. 5612. Л. 11.

[12] Там же. Д. 5900. Л. 8–9.

[13] Там же. Л. 17.

седателей (дело Родионова о краже со взломом и дело Маркова, помогшего незнакомцу снять полсти с саней), поскольку товарищ председателя Санкт-Петербургского окружного суда со своей задачей не справился [3, с. 37–38].

Важная роль принадлежала и заместителям председателей судов. Так, на должности товарищей председателя Санкт-Петербургского окружного суда были предложены: Александр Иванович Синицын (1833–1884), бывший Плоцкий губернатор, работавший в то время в департаменте Министерства юстиции; Владимир Сергеевич Панафидин (1829 или 1832–?), который до реформы был председателем Минской уголовной палаты; Николай Владимирович Граве (1836–1908) – обер-секретарь Общего собрания первого и третьего департаментов Правительствующего Сената; Александр Александрович Книрим (1837–1904) – чиновник особых поручений Министерства юстиции[14].

Таким образом, Министерство юстиции делало ставку как на собственные кадры, так и на тех, кто имел опыт работы в судебной системе. Интересно, что все кандидаты окончили Училище правоведения, т. е. имели не просто высшее юридическое образование, а специализированную профессиональную подготовку[15]. Однако то, что из шести товарищей председателя были назначены только четыре, свидетельствовало о кадровом «голоде», наблюдавшемся на первом этапе проведения Судебной реформы даже в столице.

С «рядовыми» членами Судебной палаты и Окружного суда была приблизительно такая же ситуация. Из 10 членов Судебной палаты было назначено шесть: барон Б. Ф. Гойнинген-Гюне – юрисконсульт при Министерстве юстиции; А. Ф. Зубарев – председатель департамента Санкт-Петербургской гражданской палаты; А. Е. Ковалевский – обер-прокурорский стол в Правительствующем Сенате; Н. И. Ланге – петербургский губернский прокурор; А. Н. Маркович – председатель Санкт-Петербургской уголовной палаты; князь Н. И. Шаховской – член консультации при Министерстве юстиции[16]. Из 18 членов Окружного суда, предполагавшихся Судебными уставами 1864 г., были избраны только 11 (В. И. Вогаевский, И. К. Грум-Гржимайло, А. А. Джунковский, А. С. Ильяшенко, Ф. В. Лерхе, В. И. Лихачев, П. И. Миловецкий, В. А. Сербинович, А. П. Славинский, П. П. Тимофеев, И. Н. Шахов) [4, с. 14–15].

Несмотря на все старания, открыть в Петербурге мировые суды вместе с Судебной палатой и Окружным судом не удалось. Главные сложности состояли в нахождении помещений и организации земствами выборов мировых судей. Мировые суды начали работу с 17 мая 1866 г.

На первом этапе Судебной реформы жители Петербурга стремились стать мировыми судьями. Например, сохранилась жалоба на имя столичного городского головы коллежского советника Леонарда Христиановича Познера по поводу того, что на основе ссылок на несоответствие имущественному цензу его не внесли в список лиц, баллотировавшихся в мировые судьи[17].

Первые мировые судьи Санкт-Петербурга были людьми очень разными. Среди них были блестящие юристы (например, Оскар Ильич Квист (1827–1890) – выпускник Училища правоведения, имевший опыт работы в департаменте Сената, в должности губернского прокурора, ставший первым председателем петербургского съезда мировых судей), представители других профессий, которые, получив опыт работы в качестве мирового судьи, затем на-

[14] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 4046. Л. 26.
[15] Там же. Л. 33.
[16] Там же. Л. 32.
[17] Список лиц, подлежащих баллотированию в почетные и участковые мировые судьи Санкт-Петербурга на пятое трехлетие, 1878–1881 гг. СПб. : Тип. Шредера, 1878. С. 15.

всегда связали свою судьбу с юриспруденцией (к примеру, Николай Андрианович Неклюдов (1840–1896) – математик по образованию, который одним из первых стал применять в науке уголовного права и процесса статистический метод, а затем занимал высокие должности в Правительствующем Сенате и Министерстве внутренних дел). Были среди них и лица, не получившие серьезной юридической подготовки, но имевшие большой жизненный опыт, который помогал им при рассмотрении дел (например, Алексей Фомич Тиздель (1822–1902) – военный в отставке, на заседания которого на Стремянной улице в Петербурге постоянно стекались интересовавшиеся ходом Судебной реформы [5, с. 495–496]).

Очень большое значение имела и работа сенаторов. Так, Виктор Антонович Арцимович (1820–1893), который еще в 1850-е гг. предпринимал огромные усилия для совершенствования правосудия в Сибири [6], в только что учрежденном уголовном кассационном департаменте Сената первым дал толкование Судебным уставам 1864 г., что значительно облегчило работу судейского корпуса [7, с. 86].

Позже постепенно сложилась система перехода в кассационные департаменты Сената из окружных судов и судебных палат. Так, Николай Николаевич Мясоедов (1839–1908), окончив в 1860 г. юридический факультет Московского университета, сначала работал судебным следователем, потом в гражданском отделении Судебной палаты Санкт-Петербурга, а затем стал сенатором гражданского кассационного департамента Сената и первоприсутствующим этого департамента до самой смерти.

Интересно, что министр юстиции Д. Н. Замятнин привлекал вновь назначенных судей для дальнейшего изучения возможностей реформирования судебной системы, в том числе использования зарубежного опыта. Например, когда в мае 1866 г. в Германию, Бельгию и Францию на лечение должен был отправиться председатель департамента Санкт-Петербургской судебной палаты В. В. Фриш, он попросил его собрать сведения об устройстве судебных мест и об организации делопроизводства в судах[18].

Правовой статус судьи предполагал не только профессиональные обязательства, но и определенное вмешательство в личную жизнь.

Так, в Российском государственном историческом архиве хранятся прошение товарища председателя Санкт-Петербургского окружного суда Александра Александровича Книрима о получении разрешения жениться на дочери барона Эльснера Ольге[19] и положительный ответ на него.

Говоря о формировании судейского корпуса в первые годы реализации Судебных уставов 1864 г., нельзя не упомянуть об институте кандидатов на судебные должности, который был введен ст. 407–419 «Учреждения судебных установлений»[20] и на современном этапе активно привлекает внимание исследователей [8, с. 301–302]. Право назначения на данные должности было у лиц, имевших высшее юридическое образование или аттестат выдержавшего экзамен по юридическим наукам и назначенные министром юстиции. Они распределялись по окружным судам и судебным палатам или назначались к лицам прокурорского надзора, считались государственными служащими, но изначально жалованья не получали. Кандидаты на судебные должности обязаны были посещать судебные заседания, чтобы набираться опыта, а также выполнять поручения председателя суда или прокурора.

---

[18] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 3442. Л. 1.

[19] Там же. Д. 4032. Л. 4.

[20] Именной, данный Сенату, указ от 20 ноября 1864 г. «Об учреждении судебных установлений и о Судебных уставах» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXXIX. Отд-ние II. № 41473.

Несмотря на все усилия, на первом этапе суды не были полностью укомплектованы. Так, 13 сентября 1866 г. на имя министра юстиции Д. Н. Замятнина поступило донесение М. Ф. Гольтгоера о необходимости назначения новых четырех членов Санкт-Петербургской судебной палаты в связи с недостаточностью штата и большим количеством поступивших дел[21].

Безусловно, суды Санкт-Петербурга разного уровня стали кузницей кадров для судебных органов различных частей Российской империи. Так, Владимир Сергеевич Панафидин 19 марта 1866 г. был назначен товарищем председателя Санкт-Петербургского окружного суда, но уже 2 октября стал членом Московской судебной палаты [9, с. 73]; Павел Петрович Тимофеев был назначен членом Санкт-Петербургского окружного суда 13 апреля 1866 г., а 17 октября 1868 г. стал товарищем председателя Елецкого окружного суда [9, с. 87].

Таким образом, в 1866 г. Санкт-Петербург стал первым городом Российской империи, где начали работать новые судебные органы, руководствовавшиеся положениями и принципами, закрепленными в Судебных уставах 1864 г. Одной из важнейших задач Судебной реформы Александра II, выполнение которой легло на Министерство юстиции, стало формирование нового судейского корпуса, способного реализовать как организационную трансформацию судебной системы, так и необходимые процессуальные изменения, связанные с переходом к всесословному, устному, гласному и равному суду. Огромная роль в этом процессе принадлежала лично министру юстиции Российской империи Д. Н. Замятнину.

Как показал анализ биографических справок представителей судебной системы в 1866 г., большинство из них являлись выпускниками Училища правоведения, что подтверждало необходимость в данный период подготовки не только юристов широкого профиля, но и лиц, имевших специализированную профессиональную подготовку для работы в судебной системе, хотя выпускники юридических факультетов университетов тоже играли важную роль. Несмотря на определенный кадровый «голод», Министерству юстиции удалось в короткий срок обеспечить суды высококвалифицированными кадрами, что достигалось с помощью опоры как на дореформенные суды, так и на западноевропейский опыт, который продолжал изучаться. В первые годы проведения Судебной реформы 1864 г. Петербург поставлял кадры для судов различных районов Российской империи, но постепенно ситуация выравнивалась.

Список источников

1. Замятнин Д. Н. Всеподданнейший доклад 25.12.1866 г. о деятельности новых судебных установлений. СПб. : [Б. и.], 1866. 32 с.

2. Дорская А. А. Роль Министерства юстиции в подготовке и проведении первого этапа Судебной реформы 1864 г. // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2016. № 4. С. 138–149.

3. Кони А. Ф. Новые меха и новое вино: из истории первых дней судебной реформы. Речь в годовом собрании Петербургского юридического общества 26 января 1892 г. // Книжки «Недели»: Журнал романов и повестей. 1892. № 3. С. 5–50.

4. Сапунков А. А. Формирование системы общих судов Российской империи: Санкт-Петербургский судебный округ в период формирования и реорганизации 1865–1878 гг. // Сибирский юридический вестник. 2020. № 4. С. 10–18.

5. Кони А. Ф. На жизненном пути : в 2 т. Т. 1 : Из записок судебного деятеля. Житейские встречи. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1913. 750 с.

6. Крестьянников Е. А. В. А. Арцимович и сибирское правосудие (середина XIX столетия) // История государства и права. 2013. № 23. С. 20–26.

7. Олимпиева И. В. Вклад В. А. Арцимовича в модернизацию России // Научный альманах. 2025. № 6-1. С. 86–90.

[21] Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 64. Д. 6346. Л. 6–7.

8. Зайцев Л. Н. Исторический опыт института кандидатов на судебные должности по судебной реформе 1864 г. для проведения правового эксперимента в современной России // Юридическая техника. Ежегодник № 19 : Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника). Н. Новгород : Юникопи, 2025. С. 301–305.

9. Мурзанов Н. А. Список судебных деятелей первого призыва учреждений, открытых в 1866–1876 гг. Пг. : Сенат. тип., 1914. 99 с.

References

1. Zamyatnin D. N. *The most humble report on the activities of new court bodies dated 25 December 1866*. St. Petersburg: [S. n.]; 1866. 32 p. (In Russ.)

2. Dorskaya A. A. Role of the Ministry of Justice in the preparation and holding of the first phase of Judicial Reform of 1864. *RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law*. 2016;(4):138-149. (In Russ.)

3. Koni A. F. New wineskins and new wine: From the history of the early days of judicial reform. Speech at the annual meeting of the St. Petersburg Law Society on January 26, 1892. *Knizhki "Nedeli": Zhurnal romanov i povestej = Books of the "Week": Magazine of Novels and Short Stories*. 1892;(3):5-50. (In Russ.)

4. Sapunkov A. A. Formation of the system of general courts of the Russian Empire: St. Petersburg Judicial District during the formation and reorganization of 1865–1878. *Siberian Law Herald*. 2020;(4):10-18. (In Russ.)

5. Koni A. F. *On the path of life*. In 2 vols. Vol. 1. From the notes of the judicial figure. Everyday meetings. Moscow: Printing House of Partnership of I. D. Sytin; 1913. 750 p. (In Russ.)

6. Krestyannikov E. A. V. A. Artsimovich and Siberian justice (middle of the XIX century). *History of the State and Law*. 2013;(23):20-26. (In Russ.)

7. Olympieva I. V. V. A. Artsimovich's contribution to the modernization of Russia. *Science Almanac*. 2025;(6-1):86-90. (In Russ.)

8. Zaitsev L. N. Historical experience of the institute of candidates for judicial positions on judicial reform in 1864 for conducting a legal experiment in modern Russia. *Juridical Techniques. Yearbook No. 19: Experiment in legal regulation (doctrine, practice, technique).* Nizhny Novgorod: Yunikopi; 2025. Pp. 301–305. (In Russ.)

9. Murzanov N. A. *List of judicial figures of the first cohort of institutions opened in 1866–1876*. Petrograd: Senate Printing House; 1914. 99 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Я. Б. Жолобов – кандидат юридических наук, доцент, директор;

Н. Г. Заремба – кандидат исторических наук, начальник отдела научно-справочного аппарата.

Information about the authors

Ya. B. Zholobov – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Director;

N. G. Zarembo – Candidate of Science (History), Head of the Department of Scientific and Reference Apparatus.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 16.06.2026; одобрена после рецензирования 29.06.2026; принята к публикации 01.07.2026.

The article was submitted 16.06.2026; approved after reviewing 29.06.2026; accepted for publication 01.07.2026.

Российское правосудие. 2026. № 9. С. 13–22
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 9. P. 13–22
УДК 342.98 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.9.13-22

Ограничения, связанные с государственной или муниципальной службой: особенности правовой природы и разграничение со смежными правовыми концептами

Михаил Вячеславович Пресняков
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Саратов, Российская Федерация, m.v.presnyakov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8757-6392

Аннотация. В доктрине и законодательстве о государственной и муниципальной службе отсутствует единообразное понимание категории «ограничения». Наблюдается концептуальное смешение ограничений со смежными правовыми явлениями: запретами, дисциплинарными проступками и коррупционными правонарушениями. Поэтому целями исследования являются комплексный анализ правовой природы ограничений, связанных с государственной и муниципальной службой, а также их разграничение со смежными правовыми концептами.

В работе использованы диалектический метод, позволивший рассмотреть правовые явления в их развитии и взаимосвязи, метод системного анализа для изучения структуры законодательства о службе, а также формально-юридический метод для толкования правовых норм.

Выявлена необходимость дифференциации правовых последствий в зависимости от того, совершено ли деяние при поступлении на службу (ограничение) или в период ее прохождения (дисциплинарный/коррупционный проступок), в связи с чем предложены соответствующие законодательные изменения. Установлено, что отсутствие процедурных гарантий и пресекательных сроков при увольнении за нарушение ограничений, а также различие в правовом регулировании государственной и муниципальной службы приводят к нарушению конституционных принципов и требуют законодательного восполнения.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, муниципальная служба, ограничения, связанные со службой, запреты на службе, правовая природа ограничений, дисциплинарный проступок, коррупционное правонарушение, прекращение служебного контракта, правовые гарантии служащих

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Совершенствование правового регулирования государственной и муниципальной службы в контексте развития системы публичного управления» № 12.5-2026-1.

Для цитирования: Пресняков М. В. Ограничения, связанные с государственной или муниципальной службой: особенности правовой природы и разграничение со смежными правовыми концептами // Российское правосудие. 2026. № 9. С. 13–22. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.13-22.

© Пресняков М. В., 2026

Original article

Restrictions Related to State or Municipal Service: Features of the Legal Nature and Distinction with Related Legal Concepts

Mikhail V. Presnyakov

P. A. Stolypin Volga Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russian Federation, m.v.presnyakov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-8757-6392

Abstract. There is a lack of uniform understanding of the category of "restriction" in public and municipal service doctrine and law. There is a conceptual mixing of restrictions with related legal phenomena: prohibitions, disciplinary offenses and corruption offenses. The purposes of the study are comprehensive analysis of the legal nature of restrictions related to state and municipal service, as well as their distinction with related legal concepts.

The work used a dialectical method that made it possible to consider legal phenomena in their development and relationship, a system analysis method for studying the structure of service legislation, as well as a formal legal method for interpreting legal norms.

The need was identified to differentiate legal consequences depending on whether the act was committed upon entry into the service (restriction) or during its passage (disciplinary/corruption offense), in connection with which appropriate legislative changes were proposed. It has been established that the lack of procedural guarantees and preventive deadlines for dismissal for violation of restrictions, as well as the difference in the legal regulation of state and municipal services, leads to a violation of constitutional principles and requires legislative replenishment.

Keywords: state civil service, municipal service, restrictions related to service, bans on service, legal nature of restrictions, disciplinary offense, corruption offense, termination of service contract, legal guarantees of employees

Acknowledgment: the article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme "Improving the legal regulation of state and municipal service in the context of developing the public administration system" № 12.5-2026-1.

For citation: Presnyakov M. V. Restrictions related to state or municipal service: features of the legal nature and distinction with related legal concepts. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(9):13-22. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.13-22.

Проблемы идентификации ограничений, связанных с государственной или муниципальной службой, в качестве самостоятельной юридической категории

Понятие «ограничения» в связи с регулированием служебных отношений понимается весьма неоднозначно как в доктрине, так и в действующем законодательстве. Например, высказывается точка зрения, что запрет обладает исключительным режимом вытеснения нежелательного поведения из социальной среды, а ограничения устанавливают границы, определяющие критерии социально допустимого поведения [1]. В. А. Козбаненко рассматривал ограничения в качестве установленных законом пределов, выходить за рамки которых нельзя, но в которых могут совершаться любые действия либо только те, которые предписаны, а все остальные запрещены [2, с. 94]. Данная точка зрения во многом вытекает из позиции, высказанной А. В. Малько, согласно которой ограничение рассматривается как установление границ (пределов), в рамках которых субъекты права должны действовать, запрет же трактуется как требование воздержаться от конкретного, четко определенного действия [3]. Здесь следует, однако, иметь в виду, что автор анализировал не ограничения, связанные со службой, а более общее теоретико-правовое понятие «правовое ограничение».

Непосредственно в служебном законодательстве под ограничениями понимаются обстоятельства или действия лица, с которыми закон связывает невозможность поступления на государственную или муниципальную службу и невозможность ее прохождения [4]. А если

обратиться к Федеральному закону «О противодействии коррупции»[1], конкретно – к ст. 12.1 и 12.2, то ограничениями здесь называются запреты, предусмотренные служебным законодательством: заниматься предпринимательской деятельностью, использовать в личных целях служебную информацию, получать подарки и т. п.

Смешение ограничений и запретов весьма характерно для российского законодательства. Однако это концептуально отличные категории, которые характеризуются различным порядком применения и разными правовыми последствиями их несоблюдения [4]. Во-первых, несоблюдение ограничений в силу того, что по прямому указанию закона их наличие прямо исключает пребывание на государственной или муниципальной службе (ст. 16 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[2] и ст. 13 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации»[3]), выступает императивным основанием увольнения, т. е. влечет обязанность представителя нанимателя (работодателя) расторгнуть служебные отношения. При невыполнении этой обязанности возможны меры прокурорского реагирования и вынесение предписания о необходимости расторжения служебного контракта или трудового договора. Нарушение запретов в соответствии со ст. 33 Закона о государственной гражданской службе и ст. 19 Закона о муниципальной службе может быть основанием увольнения гражданского или муниципального служащего, т. е. представитель нанимателя самостоятельно решает, насколько серьезно нарушение запрета, оценивает его тяжесть и вину служащего и принимает решение, прекращать ли с ним служебные отношения.

Во-вторых, круг лиц, подпадающих под действие служебных ограничений (на оба типа публичной службы – и государственную, и муниципальную), заметно шире, чем в ситуации с запретами. Если последние обращены к уже состоящим на службе сотрудникам и регулируют их профессиональное поведение, то ограничения адресованы не только тем, кто состоит в служебных отношениях, но и соискателям – гражданам, намеревающимся занять вакантные должности. Данный превентивный механизм призван обеспечить своего рода «входной фильтр», не допуская на службу лиц, чье несоответствие установленным критериям может дискредитировать саму систему публичного управления.

Подтверждением данного подхода служит, например, содержание ст. 13 Закона о муниципальной службе, где закреплено императивное правило: наличие установленных ограничений является *безусловным препятствием* для замещения должности, исключающим саму возможность приема на службу, и одновременно – основанием для прекращения служебных отношений.

Аналогичный подход был изначально и к государственной гражданской службе. Однако Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 645-ФЗ[4] внес существенные коррективы в эту логику, изменив редакцию ст. 16 Закона о государственной гражданской службе: формулировка

---

[1] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.

[2] Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Закон о государственной гражданской службе) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

[3] Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (далее – Закон о муниципальной службе) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 10. Ст. 1152.

[4] Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 645-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной гражданской службе Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 92.

этой статьи в настоящее время устанавливает, что наличие ограничений препятствует именно нахождению на службе. Параллельно законодатель дополнил ст. 21 «Право поступления на гражданскую службу» ч. 3, которая содержит бланкетную (отсылочную) норму, указывающую, что перечень обстоятельств, препятствующих поступлению на службу, определяется со ссылкой на ст. 16. Формально это создает два автономных, хотя и пересекающихся, перечня: для кандидатов и для служащих.

Несмотря на внешнюю стройность, предложенная конструкция породила определенные правоприменительные коллизии. Особого внимания заслуживает анализ исключений, установленных новой редакцией: п. 10 ч. 1 ст. 16 (утрата доверия), как нам представляется, был осознанно исключен законодателем из числа препятствий для поступления. Это решение представляется теоретически обоснованным, поскольку утрата доверия является следствием уже совершенного коррупционного правонарушения и выступает не столько ограничением, сколько специфической мерой юридической ответственности, применяемой к лицу, состоявшему в служебных отношениях.

Однако исключение п. 13 из числа обстоятельств, препятствующих поступлению на службу (статус иностранного агента), не поддается аналогичному логическому объяснению и может квалифицироваться скорее как технико-юридическая ошибка (законодательный пробел). Подобное разграничение приводит к абсурдным и парадоксальным последствиям, дискредитирующим саму идею правового регулирования.

Представим гипотетическую, но вполне реалистичную ситуацию: гражданин, обладающий статусом иностранного агента, подает документы для участия в конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы. Формально, руководствуясь действующей редакцией ст. 21, представитель нанимателя не имеет законных оснований для отказа такому кандидату на этапе приема документов или назначения. Более того, если данный кандидат успешно пройдет все конкурсные процедуры и будет признан победителем, отказ в назначении будет неправомерным. Однако с момента назначения на должность вступает в силу императивное требование п. 13 ч. 1 ст. 16, предписывающее представителю нанимателя немедленно освободить служащего от замещаемой должности и уволить его. Таким образом, правоприменитель вынужден совершить заведомо бессмысленную последовательность действий: назначить лицо на должность, чтобы сразу же его уволить.

В связи с этим представляется целесообразным пересмотреть избранный законодателем подход к дифференциации ограничений «на службе» и «при поступлении на службу». Исключение п. 13 из «входного фильтра» – очевидный законодательный недосмотр, требующий, по нашему мнению, скорейшего исправления. Однако проблема глубже: она кроется в самом принципе построения двух параллельных перечней. Наиболее очевидным решением видится возвращение к унифицированному (единому) перечню ограничений и для поступающих на службу, и для уже обладающих статусом государственного гражданского служащего. Наконец, характеризуя сущность и специфику ограничений как особого рода антикоррупционных стандартов, необходимо остановиться на их двойственном характере. Условно ограничения как юридические факты, влекущие невозможность пребывания на государственной и муниципальной службе, можно подразделить на две группы: а) действия, т. е. те из них, которые связаны с волевым поведением лица, и б) события или обстоятельства, не обусловленные таким поведением. При этом последние сами по себе могут быть обусловлены не только событиями, не зависящими от воли человека (как, например, недееспособность или наличие специального заболевания), но и предшествующим поведением лица, которое не имеет отношения к возникновению служебных отношений, например наличие судимости. Судимость несомненно является юридическим следствием волевого поведения человека, причем про-

тивоправного и виновного, но по отношению к служебному правоотношению это поведение (деяние) само по себе значения не имеет – учитываются лишь юридические последствия.

Другой случай, например, отказ от прохождения допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, или непредставление (или представление заведомо недостоверных) сведений об имуществе, доходах, обязательствах имущественного характера. В данном случае действия (бездействие) лица непосредственно касаются служебного правоотношения – исполнения обязанности или требования, необходимого для его возникновения. Проблема заключается в том, что, пока гражданин не зачислен на государственную гражданскую или муниципальную службу, т. е. не является государственным или муниципальным служащим, обязанности, в том числе статусные, на него распространяться не могут. Так, обычных граждан, не государственных или муниципальных служащих невозможно принуждать к раскрытию своих доходов. В этом смысле обязанность предоставить сведения о доходах и имуществе или оформить допуск к государственной тайне выступает условием возникновения служебного правоотношения.

Таким образом, те ограничения, которые связаны с волевыми действиями лица, по своей сути представляют собой последствия неисполнения указанных обязанностей. Отсюда, во-первых, возникает вопрос о необходимости квалификации действий по субъективной стороне: будет ли являться несоблюдением соответствующего ограничения невиновное неисполнение обязанности или неисполнение в силу каких-то чрезвычайных, непреодолимых обстоятельств? Во-вторых, с учетом того, что ограничения распространяются не только на лиц, поступающих на государственную или муниципальную службу, но и на уже пребывающих на ней, возникает проблема разграничения ограничений и дисциплинарных проступков (или коррупционных правонарушений – в зависимости от характера деяния). Неисполнение соответствующих обязанностей лицами, уже состоящими на государственной или муниципальной службе, представляет собой дисциплинарный проступок. В результате применяются различные правовые последствия: либо увольнение за несоблюдение ограничений, связанных с государственной или муниципальной службой, либо увольнение или применение иного дисциплинарного взыскания за совершение дисциплинарного проступка (коррупционного правонарушения). Причем порядок применения этих правовых последствий различен, как и объем гарантий, который при этом предоставляется государственному или муниципальному служащему.

Разграничение ограничений, дисциплинарных проступков и коррупционных правонарушений

Среди таких «пограничных» с дисциплинарными проступками ограничений можно выделить:

• отказ от прохождения процедуры допуска к государственной тайне, если исполнение должностных обязанностей такой допуск предполагает (п. 3 ст. 16 Закона о государственной гражданской службе и п. 3 ст. 13 Закона о муниципальной службе);

• представление подложных документов или заведомо ложных сведений относительно тех обстоятельств, которые могут препятствовать замещению должностей (п. 8 ст. 16 Закона о государственной гражданской службе и п. 8 ст. 13 Закона о муниципальной службе);

• непредставление сведений об интернет-страницах или сайтах, где гражданин размещал общедоступную информацию, которая позволяет его идентифицировать (п. 12 ст. 16 Закона о государственной гражданской службе и п. 9.1 ст. 13 Закона о муниципальной службе).

Во всех анализируемых случаях суть ограничения сводится к совершению лицом конкретного волевого акта. Принципиальное значение здесь имеет, когда совершено это деяние: на этапе поступления на службу или в период ее непосредственного прохождения.

Отдельного внимания заслуживает механизм представления данных о доходах и имуществе (а также подачи недостоверных сведений). В этом вопросе законодатель проводит четкую границу: подобное действие квалифицируется как ограничение только при трудоустройстве на службу, но не в ходе ее последующего осуществления. Данное уточнение (именно «при поступлении на службу») было включено Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ[5] в формулировку понятия «коррупционное правонарушение», которое повлекло возникновение такого основания для расторжения служебных отношений, как увольнение из-за утраты доверия. В частности, ст. 59.2 Закона о государственной гражданской службе пополнилась новым составом: непредставление или представление заведомо ложной информации о доходах, имуществе и имущественных обязательствах. Таким образом, законодатель провел концептуальное разграничение между ограничением, препятствующим возникновению государственно-служебных правоотношений, и коррупционным деликтом, совершенным уже действующим служащим, который влечет за собой увольнение по дискредитирующим основаниям (утрата доверия).

В контексте настоящего исследования крайне показательной представляется правовая позиция, сформулированная Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 6 апреля 2020 г. № 14-П[6]. Анализируя природу ответственности за нарушения в сфере представления сведений о доходах, Суд выявил фундаментальное различие в правовой квалификации данных действий. Согласно позиции Суда, если искаженные или отсутствующие сведения выявлены на стадии поступления на службу, это является непреодолимым препятствием для назначения на должность, т. е. классическим ограничением. Прекращение служебного контракта в таком случае – это не санкция, а скорее механизм правового восстановления (restitutio ad integrum), возвращающий стороны в исходное положение, существовавшее до нарушения правил допуска к службе.

Совершенно иной правовой режим возникает, если аналогичное деяние (непредставление сведений) совершается лицом, уже обладающим статусом гражданского служащего. В этой ситуации деяние трансформируется в правонарушение, за которое предусмотрена мера публично-правовой ответственности, выражающаяся в увольнении. Здесь на первый план выходит не просто восстановление статус-кво, а реакция государства на неисполнение текущих служебных обязанностей, подрывающее доверие к служащему.

Представляется, что выявленная Конституционным Судом юридико-нормативная логика обладает универсальным характером и должна быть экстраполирована на иные случаи несоблюдения ограничений, основанные на волевом поведении индивида, где закон связывает правовые последствия с активными действиями лица. Следовательно, если деяние (например, сокрытие данных, представление неполной информации) имело место до момента назначения на должность и подписания служебного контракта, оно должно квалифицироваться исключительно как ограничение, связанное с поступлением на государственную (муници-

---

[5] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6730.

[6] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2020 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 части 1 статьи 37 и пункта 2 части 1 статьи 59.2 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”, а также пункта 2 части 1 статьи 13.1 Федерального закона “О противодействии коррупции” в связи с жалобой гражданина И. Н. Котяша». Доступ из СПС «Гарант».

пальную) службу. Следствием этого является отказ в назначении либо прекращение уже возникших, но дефектных служебных отношений без наложения дисциплинарного взыскания.

Если же тождественное по составу деяние совершается лицом, уже состоящим на службе, его надлежит рассматривать сквозь призму служебной дисциплины. В таком случае содеянное приобретает характер дисциплинарного проступка, а расторжение служебного контракта выступает в качестве адекватной и соразмерной меры дисциплинарного взыскания (вплоть до увольнения), направленной на обеспечение надлежащего функционирования служебных отношений и поддержание их законности.

При этом если говорить о непредставлении или представлении заведомо ложных (недостоверных) сведений об обстоятельствах, препятствующих поступлению на службу, а также о сайтах или страницах сети «Интернет», на которых была размещена информация, позволяющая идентифицировать государственного или муниципального служащего, то вышеуказанные ограничения, как мы говорили, являются «условно антикоррупционными», т. е. цель их законодательного закрепления, помимо прочего, охватывает и аспект противодействия коррупции. Соответственно, при определенных обстоятельствах нарушение указанных ограничений становится коррупционным правонарушением.

На наш взгляд, в соответствии с таким подходом следовало бы дополнить п. 3, 8 и 9.1 ч. 1 ст. 13 Закона о муниципальной службе и ч. 3, 8 и 12 ст. 16 Закона о государственной гражданской службе указанием на то, что ограничением является совершение указанного в них деяния исключительно при поступлении на службу. В том же случае, когда их совершает гражданский или муниципальный служащий, они выступают в качестве дисциплинарного проступка, и в данной ситуации должна назначаться служебная проверка, по итогам которой в порядке, установленном законом, может применяться соответствующее дисциплинарное взыскание.

Если же в ходе служебной проверки будут выявлены коррупционные факторы (наличие личной заинтересованности), то в соответствии с аргументированным нами выше предложением материалы должны передаваться в комиссию по соблюдению требований к служебному поведению, а уже на основании ее заключения инициируется процедура привлечения к ответственности за совершение коррупционного правонарушения.

В последнем случае ситуация осложняется тем, что действующее законодательство предусматривает увольнение гражданского (муниципального) служащего за совершение коррупционного правонарушения только в случаях, прямо установленных законом. В отношении гражданского служащего ст. 59.2 Закона о государственной гражданской службе предусматривает шесть таких составов коррупционных правонарушений, а для муниципального служащего закон содержит только два основания увольнения за совершение коррупционного правонарушения (ст. 27.1 Закона о муниципальной службе). При совершении любых других коррупционных правонарушений, в том числе и названных выше, закон разрешает применять иные, не связанные с увольнением меры дисциплинарной ответственности [4]. Это отдельная проблема, требующая комплексного решения на законодательном уровне, к которой мы и обращаемся.

Проблема порядка прекращения служебных правоотношений в связи с нарушением ограничений, связанных с государственной или муниципальной службой

Установлены четкие правила прекращения служебного контракта с государственным гражданским служащим или трудового договора с муниципальным служащим за совершение дисциплинарного проступка или коррупционного правонарушения, определен порядок применения соответствующего дисциплинарного взыскания. Увольнение же за нарушение

ограничений, связанных с государственной или муниципальной службой, никак не регламентировано процедурно.

Вопрос об отсутствии правил и порядка расторжения служебного контракта в связи с несоблюдением ограничений, связанных с государственной службой, обсуждался в Конституционном Суде Российской Федерации.

> *Первым в этом ряду было обращение с жалобой гражданки, в которой она просила Суд признать положение п. 13 ст. 33 Закона о государственной гражданской службе не соответствующим Конституции России в связи с тем, что оно в силу того, что не относится к увольнению по инициативе представителя нанимателя, допускает прекращение служебных отношений без предоставления соответствующих гарантий гражданскому служащему. В частности, допускается расторжение служебного контракта в период временной нетрудоспособности, с беременной женщиной или с гражданским служащим, на иждивении которого находится малолетний ребенок, и т. п.*[7]

Конституционный Суд констатировал, что данная норма находится во взаимосвязи с обязанностью гражданского служащего соблюдать служебные обязанности, в частности с п. 11 ст. 15, согласно которому гражданский служащий должен воздерживаться от нарушения запретов и ограничений, связанных с государственной службой. На этом основании Суд пришел к выводу, что положение п. 13 ч. 1 ст. 33 оправданно с позиции «цели обеспечения поддержания высокого уровня отправления государственной гражданской службы, ее эффективного функционирования». Поэтому непредоставление дополнительных гарантий при увольнении по данному основанию не может рассматриваться как нарушение конституционных прав граждан.

Аналогичная аргументация приводилась Судом и по двум другим жалобам подобного рода[8].

Действительно, например, в случаях недееспособности лица или наличия у него неснятой или непогашенной судимости вряд ли следует откладывать увольнение до достижения его ребенком трех лет (а в случае, если это одинокая мать, – 14 лет!). Однако при общем согласии с доводами Суда следует отметить, что в данном случае имеет место нарушение принципов равенства и справедливости, которое выражается в применении различного правового регулирования к лицам, фактически находящимся в одинаковой ситуации.

Рассмотрим конкретный случай. Женщина, занимающая должность гражданской службы и воспитывающая ребенка в возрасте до трех лет, представляет недостоверные сведения о своих доходах, тем самым совершая коррупционное правонарушение. Увольнение такой служащей в связи с утратой доверия невозможно, поскольку данное увольнение квалифицируется как расторжение служебного контракта по инициативе представителя нанимателя,

---

[7] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2013 г. № 1755-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Громовой Анастасии Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 13 части 1 статьи 33 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”». Доступ из СПС «Гарант».

[8] Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2018 г. № 3318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Александрова Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части 1 статьи 33 Федерального закона “О государственной гражданской службе”», от 29 мая 2014 г. № 1002-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фонова Алексея Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части 1 статьи 33 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации”». Доступ из СПС «Гарант».

а следовательно, подпадает под действие ст. 261 ТК РФ с ее специальными гарантиями для указанной категории лиц.

Иначе складывается ситуация, когда то же противоправное деяние совершено не в период прохождения службы, а при поступлении на гражданскую службу. В этом случае содеянное рассматривается как несоблюдение ограничений, установленных законодательством о гражданской службе. Соответственно, гарантии, предусмотренные ст. 261 ТК РФ, на такого кандидата уже не распространяются.

Показательно, что на муниципальной службе порядок увольнения регулируется иначе. Согласно ст. 19 Закона о муниципальной службе увольнение за несоблюдение ограничений прямо отнесено к расторжению трудового договора по инициативе работодателя. Из этого следует, что все соответствующие гарантии, включая предусмотренные трудовым законодательством, должны быть предоставлены муниципальному служащему в полном объеме.

Как нам представляется, подобная ситуация связана с некритичным подходом законодателя к урегулированию вопросов, связанных с предоставлением государственных гарантий гражданским и муниципальным служащим при увольнении по инициативе представителя нанимателя[9].

Тем не менее полное отсутствие нормативного регулирования правил и порядка прекращения служебных отношений в связи с нарушением ограничений представляет собой серьезный дефект служебного законодательства, который чреват возможностью неконституционных практик. Например, действующим законодательством не установлено никаких пресекательных сроков в отношении такого увольнения, что, по нашему мнению, нарушает конституционный принцип правовой определенности.

Безусловно, если ограничение носит постоянный, длящийся характер (например, недееспособность или наличие заболевания, препятствующего прохождению государственной или муниципальной службы), это вполне оправданно и понятно. Однако как быть, если речь идет о названных выше ограничениях-деяниях?

Так, если гражданский (муниципальный) служащий не представил или представил недостоверные сведения о своих доходах, имуществе, обязательствах имущественного характера, то это образует состав коррупционного правонарушения, влекущего дисциплинарное взыскание в виде увольнения с государственной (муниципальной) службы. При этом данное дисциплинарное взыскание может быть наложено в течение шести месяцев со дня поступления информации о его совершении, но в любом случае не позднее трех лет с момента совершения.

Однако если то же самое деяние было совершено при поступлении на службу, то оно квалифицируется уже как несоблюдение ограничения, связанного с государственной или муниципальной службой. В этом случае каких-либо предельных сроков применения правовых последствий в виде увольнения не предусмотрено.

Еще более неопределенная ситуация – в случае представления ложных сведений о соблюдении ограничений, запретов или требований, которые обусловливают возможность поступления на службу, или сведений об интернет-страницах или сайтах, где гражданин размещал общедоступную информацию. В этом случае непредставление или представление ложных сведений представляет собой ограничение, связанное с государственной или муниципальной службой вне зависимости от того, представляются они при поступлении на службу или при ее прохождении.

---

[9] См. об этом: [5].

Список источников

1. Ишкаев М. Р. К вопросу о соотношении правовых запретов и смежных правовых понятий // Власть. 2015. № 9. С. 104–105.

2. Козбаненко В. А. Правовой статус государственных служащих: структура и содержание. М. : Ин-т повышения квалификации гос. служащих, 2003. 155 с.

3. Малько А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 238–248.

4. Пресняков М. В. Антикоррупционные стандарты на государственной службе: проблемы правовой определенности // Административное право и процесс. 2019. № 11. С. 6–12.

5. Пресняков М. В. Гарантии при увольнении государственных и муниципальных служащих по инициативе представителя нанимателя (руководителя) // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 6. С. 69–79.

References

1. Ishkaev M. R. The problem of correlation of legal prohibitions and allied legal concepts. *The Authority*. 2015;(9):104-105. (In Russ.)

2. Kozbanenko V. A. *Legal status of civil servants: structure and content*. Moscow: Institute of Advanced Training of Civil Servants; 2003. 155 p. (In Russ.)

3. Malko A. V. Restrictions in law: problems of theory, practice, politics. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technology.* 2018;(12):238-248. (In Russ.)

4. Presnyakov M. V. Anticorruption standards at the public service: issues of legal certainty. *Administrative Law and Procedure.* 2019;(11):6-12. (In Russ.)

5. Presnyakov M. V. Guarantees in case of dismissal of state and municipal employees at the initiative of the employer's representative (manager). *Journal of Russian Law.* 2024;28(6):69-79. (In Russ.)

Информация об авторе

М. В. Пресняков – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры служебного и трудового права.

Information about the author

M. V. Presnyakov – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor at the Service and Labor Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 23.02.2026; одобрена после рецензирования 19.03.2026; принята к публикации 01.07.2026.

The article was submitted 23.02.2026; approved after reviewing 19.03.2026; accepted for publication 01.07.2026.

Российское правосудие. 2026. № 9. С. 23–31
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 9. P. 23–31
УДК 34.04; 342.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.9.23-31

Научная статья

История законодательства об административных правонарушениях в контексте реализации принципа независимости судебной власти

Роман Владимирович Терентьев
Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, trv-2008@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9436-7182

Аннотация. Проведен анализ отдельных этапов развития законодательства об административных правонарушениях в контексте современных подходов к пониманию сущности административной ответственности и современных задач по реформированию данной сферы правового регулирования. Особое внимание уделяется исторической преемственности норм, регулирующих применение мер ответственности за административные правонарушения. Цель исследования – выявить отдельные историко-правовые предпосылки формирования института административной ответственности в России и определить перспективы его развития применительно к реализации принципа разделения судебных и исполнительно-распорядительных функций органов публичной власти.
Исследование основано на историко-правовом методе, включающем анализ нормативных актов, архивных материалов, научных публикаций и сравнительно-правовой подход.
Сформулированы выводы: развитие института административной ответственности тесно связано с реализацией принципа разделения властей и независимости судебной системы; внесудебные формы назначения наказаний характерны для периодов ослабления судебной власти и носят исключительный характер. Перспективы реформирования КоАП РФ видятся в усилении роли суда и отказе от компромиссных моделей, сложившихся в условиях отсутствия четкого разделения полномочий между административными и судебными органами.

Ключевые слова: административная ответственность, законодательство об административных правонарушениях, КоАП РФ, судебный приказ, полицейский приказ, разделение властей, независимость суда, Судебная реформа 1864 г., реформа местного суда 1912 г.

Для цитирования: Терентьев Р. В. История законодательства об административных правонарушениях в контексте реализации принципа независимости судебной власти // Российское правосудие. 2026. № 9. С. 23–31. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.23-31.

Original article

History of Legislation on Administrative Offenses in the Context of Implementing the Principle of Judicial Independence

Roman V. Terentev

North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation, trv-2008@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9436-7182

© Терентьев Р. В., 2026

Abstract. The article is devoted to the analysis of specific stages in the development of legislation on administrative offenses in the context of modern approaches to understanding the essence of administrative responsibility and current tasks of reforming this area of legal regulation. Particular attention is paid to the historical continuity of the norms regulating the application of liability measures for administrative offenses. The authors aim to identify specific historical and legal prerequisites for the formation of the institution of administrative responsibility in Russia and to determine the prospects for its development in relation to the implementation of the principle of separation of judicial and executive-administrative functions of public authorities.

The research is based on the historical-legal method, which includes the analysis of regulatory acts, archival materials, scientific publications, and a comparative legal approach.

Conclusions have been formulated: the development of the institution of administrative liability is closely linked to the implementation of the principle of separation of powers and the independence of the judicial system; extrajudicial forms of imposing penalties are characteristic of periods of a weakened judiciary and are of an exceptional nature. The prospects for reforming the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation are seen in strengthening the role of the court and abandoning the compromise models that developed in the absence of a clear separation of powers between administrative and judicial bodies.

Keywords: administrative liability, legislation on administrative offenses, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, judicial order, police order, separation of powers, judicial independence, Judicial Reform of 1864, Local Court Reform of 1912

For citation: Terentev R. V. History of legislation on administrative offenses in the context of implementing the principle of judicial independence. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(9):23-31. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.23-31.

Актуальность определения основных направлений реформирования современного законодательства, регламентирующего применение мер административной ответственности, не вызывает сомнений. Речь идет не столько о совершенствовании существующих норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, сколько о переосмыслении места производства по делам об административных правонарушениях в отечественной правовой системе. Следует согласиться с мнением С. Д. Князева, в соответствии с которым «конституционные дефекты административной ответственности обусловливаются отсутствием до настоящего времени надлежащей ясности в вопросе о сущности, юридической природе и предназначении этого вида ответственности, особенно в соотношении с ответственностью уголовной» [1, с. 84]. Осмысление сущности и перспектив развития института административной ответственности может быть осуществлено разными путями, в том числе с применением историко-правовых методов исследования.

История российского законодательства об административных правонарушениях не обойдена вниманием специалистов, выступая как в качестве самостоятельного предмета изучения [2; 3], так и в качестве составной части истории административного законодательства.

Вместе с тем анализ предлагаемых исследователями основных этапов развития норм, устанавливающих ответственность за административные правонарушения, приводит к выводу о том, что периодизация такой истории зависит от понимания сущности административной ответственности и административного правонарушения. Кроме того, выбор подхода к изучению истории законодательства об административных правонарушениях зачастую зависит от выбора концепции развития современного законодательства в данной сфере.

Появление современной системы норм, регламентирующих применение мер административной ответственности, безусловно связано с советским периодом развития государства и права. Формирование основных принципов и порядка привлечения к административной ответственности, зафиксированных в современном Кодексе Российской Федерации об админи-

стративных правонарушениях, справедливо связывается с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке»[1] и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1962 г., утвердившим «Положение об административных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских Советов трудящихся и о порядке производства по делам об административных правонарушениях»[2], действие которого распространялось не только на административные комиссии, но и на другие органы государственной власти, если в данной сфере отсутствовало специальное законодательство.

Основные подходы к установлению мер административной ответственности, закрепленные названными выше указами, получили свое развитие в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях 1980 г.[3] и Кодексе РСФСР об административных правонарушениях 1984 г.[4], послужившем образцом для ныне действующего акта.

Более сложным представляется ответ на вопрос, в какой мере законодательство об административных правонарушениях, существовавшее до начала 50-х гг. XX в., оказало влияние на действующую систему норм, регламентирующую применение мер административной ответственности.

С одной стороны, начиная с коренного слома существовавшей системы государственно-правового регулирования в 1917 г. и до середины 50-х гг. XX в. принято значительное количество нормативных правовых актов, устанавливающих меры административной ответственности. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 23 июня 1921 г. «О порядке наложения административных взысканий»[5] положил начало постоянно разраставшейся практике применения мер ответственности в административном порядке, для систематизации которой были приняты указы 1961 г.[6] и 1962 г.[7] При этом открытым остается вопрос о том, насколько меры ответственности, предусмотренные нормами 20-х и 30-х гг. XX в., соответствуют современному пониманию административной ответственности и административного правонарушения. Заслуживающий внимания подход к этой проблеме предпринят В. Г. Гюлумяном, осветившим постепенную трансформацию понимания сущности административной ответственности в советский период развития отечественного права. В. Г. Гюлумян отмечает: «В Декрете [Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 23 июня 1921 г.] административный порядок привлечения к ответственности противопоставлялся судебной ответственности, т. е. ответственности, налагаемой в судебном порядке. Тем самым существенным признаком, лежащим у истоков признания административной ответственности, является назначение наказания в административном порядке; это делалось в упрощенных процедурах административным органом, а не судом» [4, с. 153]. Дальнейшая история развития законодательства об административных

---

[1] Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 35. Ст. 368.
[2] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 13. Ст. 166.
[3] Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 44. Ст. 909.
[4] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909.
[5] Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 52. Ст. 310.
[6] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 35. Ст. 368.
[7] Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 марта 1962 г. «Об утверждении Положения об административных комиссиях при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся РСФСР и о порядке производства по делам об административных нарушениях» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 13. Ст. 166.

правонарушениях связана с отнесением к подведомственности судов ряда дел, которые до этого разрешались в административном порядке, что повлекло за собой трансформацию самого понятия административной ответственности как применения наказаний за совершение административных правонарушений, вне зависимости от того, каков этот порядок – судебный или внесудебный [4].

В соответствии с описанным выше подходом история законодательства об административных правонарушениях до 50-х гг. XX в. – это история, связанная с применением мер внесудебной (административной) ответственности, в то время как последующий период связан с характеристикой законодательства, устанавливающего применение мер ответственности (как в судебном, так и во внесудебном порядке) за административное правонарушение, которое стало пониматься как особое противоправное деяние, обладающее рядом специфических признаков.

Еще более сложной будет задача по установлению связи современного законодательства об административных правонарушениях с нормами отечественного права, существовавшими до 1917 г. Тем не менее такие попытки предприняты большинством исследователей. При этом история института административной ответственности зачастую рассматривается через призму его современного, во многом противоречивого понимания.

Распространенными являются подходы, связывающие появление обособленных мер административной ответственности с концом XVIII в. [5], когда были приняты Указ «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» (1781 г.)[8] и «Устав благочиния» (1782 г.)[9]. Редкое исследование истории института административной ответственности обходится без характеристики Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., разделившего правонарушения на преступления и проступки. В этом перечне нельзя не упомянуть «Сельский полицейский устав для государственных крестьян», который входил в Устав о благоустройстве в казенных селениях [6]. Такой подход представляется вполне оправданным, так как связывает появление особых мер ответственности с появлением полицейского (административного) законодательства, регламентирующего сферу исполнительно-распорядительной деятельности органов публичной власти. При этом остается открытым вопрос о том, какие критерии позволяют признать формирование особого вида юридической ответственности, являющегося прообразом современной системы наказаний за административные правонарушения.

Современное понимание административной ответственности строится на разграничении преступлений и административных правонарушений, хотя четких критериев такого разграничения отечественная доктрина не сформулировала. Таким образом, любая классификация правонарушений на более опасные (преступления) и менее опасные (проступки) рассматривается как прообраз общепринятой классификации противоправных деяний. Несмотря на кажущуюся простоту и обоснованность, такой подход скорее оправдывает существование современной противоречивой системы норм об административных правонарушениях, нежели учитывает тенденции развития правовых норм в конце XIX – начале XX в.

По нашему мнению, существует возможность выдвинуть гипотезу о том, что фиксация института административной ответственности возможна в тех случаях, когда законодательство исходит из необходимости разграничения полномочий административных и судебных органов в условиях реализации принципа независимости суда от органов публичной администрации. Примером этого могут быть преобразования судебной системы России второй

[8] Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XXI. СПб. : Тип. Второго отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 15.147.

[9] Там же. № 15.379.

половины XIX в. После реализации основных положений Судебной реформы 1864 г. деление правонарушений на преступления и проступки не оказывало влияния на определение порядка назначения наказаний, так как все они являлись частью системы уголовного, а не административного права. Отступления от судебного порядка назначения наказаний за противоправные деяния, предусмотренные законодательством второй половины XIX в., могут быть названы прообразом появления системы *административных* наказаний, т. е. наказаний, назначаемых во внесудебном порядке при наличии независимых судебных учреждений. Как справедливо отметила О. Е. Шишкина, «как с точки зрения законодательного регулирования, так и с точки зрения восприятия академическим сообществом преступления и проступки были предметом регулирования уголовного права» [6, с. 90]. Тем не менее О. Е. Шишкина в цитируемом исследовании приходит к выводу о формировании во второй половине XIX в. наряду с мерами уголовной ответственности отдельных мер административного принуждения, которые могут рассматриваться как предшественники будущего института административной ответственности. Автор упоминает, в том числе, меры, принимаемые волостными судами, юрисдикционные полномочия земских начальников, административные меры, связанные с цензурой, институт административной высылки и ссылки. Такой подход вполне оправдан, но, по нашему мнению, должен применяться в учетом динамики развития этих норм, которая свидетельствует о том, что меры, направленные на введение института административной (внесудебной) ответственности, носили временный характер, противоречили общему направлению развития как материального, так и процессуального характера и не могли сочетаться с принципами независимости судебной власти и осуществления правосудия только судом. Необходимо отметить, что все указанные меры (введение института земских начальников, чрезвычайные полномочия администрации) обычно ассоциируются с периодом контрреформ, направленных, в том числе, на сохранение сословного строя, ограничение гражданских прав и свобод, недопущение революционных преобразований.

В начале XX в. проведена одна из знаковых реформ в сфере отечественного судоустройства – реформа местного суда, завершившаяся принятием Закона 1912 г. «О преобразовании местного суда»[10]. Принятие этого Закона свидетельствует о том, что последовательное разделение судебных и исполнительно-распорядительных полномочий неизбежно приводит к ликвидации или существенному ограничению возможности назначения наказания в административном порядке. Анализ хода работы над законопроектом показывает, что судебные полномочия земских начальников, судебные полномочия волостного суда и волостной администрации рассматривались большинством юристов, политиков, чиновников того времени как рудимент прошлой эпохи, как тормоз на пути преобразований в сфере судоустройства и судопроизводства. Несмотря на сложную судьбу законопроекта, серьезных попыток сохранения судебных полномочий земских начальников, лиц, осуществлявших административные функции в уезде, предпринято не было, а подобные предложения рассматривались как одиозные. Вектор развития отечественной юстиции прямо указывал на необходимость дальнейшего ограничения различных мер, являвшихся, по сути, наказаниями, но применяемых в административном (полицейском) порядке.

Весьма характерна в этом смысле судьба института «полицейских приказов», попытка утверждения которых была предпринята в процессе подготовки законопроекта. Предложенный институт полицейских приказов – это не что иное, как прообраз современных мер административной ответственности, применяемых уполномоченными органами публичной

[10] Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXXII. Отд-ние I. Петроград : Гос. тип., 1915. № 37328.

администрации с возможностью их обжалования в судебном порядке. Малейшие ограничения принципа независимости судебной власти вызывали противодействие со стороны большинства разработчиков реформы местного суда, включая представителей Министерства юстиции.

Попытка обсуждения реализации института полицейских приказов была предпринята в процессе обсуждения возможной реформы местного суда в Совете министров в 1907 г. [7, с. 44]. От МВД и корпуса жандармов поступили предложения дополнить Судебные уставы нормами о полицейских приказах, которые предусматривают полномочия полиции по наложению штрафов и кратковременному заключению под стражу без судебного решения[11], против чего категорически возражал министр юстиции[12]. Несмотря на это, Совет министров отказался исключить возможность введения полицейских приказов: «По мнению Совета министров, представляется более правильным оставить вопрос о полицейских приказах открытым...»[13], хотя неприятие подобного института депутатами Государственной Думы было очевидно. В дальнейшем к вопросу о введении полицейских приказов законотворцы не возвращались.

Иной институт, который может считаться прообразом современных мер административной ответственности, – институт судебных приказов, история утверждения которого в рамках реформы 1912 г. была непростой. Следует обратить внимание на то, что речь идет о введении института судебных приказов в рамках уголовного процесса, упрощенное производство по гражданским делам (аналог современных судебных приказов) применялось с момента вступления в силу Судебных уставов [8; 9].

Судебные приказы – это возможность вынесения решения в упрощенной форме на основании полицейского протокола без проведения полноценного заседания, т. е. некий аналог современного вынесения постановления на основании ст. 28.6 КоАП РФ, причем вынесения такого решения судом, а не органом публичной власти, как это предусматривает действующий КоАП РФ.

Достаточно активное обсуждение возможности введения института судебных приказов состоялось на заседания комиссии по судебным реформам Государственной Думы. Участники обсуждения, которые высказывались за введение института судебных приказов как упрощенной формы производства по уголовным делам, заявляли о том, что подобное нововведение будет способствовать ускорению процесса, повышению уважения к суду, облегчит работу мировых судов. Опасения, связанные с возможными действиями полицейских чинов, нивелировались мнениями о том, что полиция в сфере применения судебных приказов находится под контролем судебной власти, а планируемая реформа полиции должна в корне изменить работу должностных лиц[14].

У противников введения указанного института существовали опасения по поводу возможного «полицейского произвола». Ярким примером являются слова одного из депутатов: «Едва ли народ желает судебного производства, носящего признаки не суда, судебной расправы»[15]. Мнения противников сводились к тому, что полиция будет злоупотреблять возможностью назначения наказания на основании только протокола, а ускорения производства не получится из-за склонности населения к сутяжничеству, большинство приказов будут обжаловаться. На заседании комиссии новые нормы были отклонены [7, с. 62].

---

[11] Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 781.
[12] Там же. Л. 790.
[13] Там же. Л. 795.
[14] Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3476. Л. 54. См. также: [7, с. 105].
[15] Там же. Л. 56.

Возможность вынесения судебных приказов была воплощена в окончательном варианте Закона о местном суде путем принятия компромиссных поправок, предложенных Государственным Советом.

В целях введения института судебных приказов была разработана специальная глава Закона о мировых судьях. Эта же глава являлась новой для Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС)[16]. Судебный приказ должен был прийти на смену практике, предусмотренной Положением от 14 августа 1881 г. «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»[17] (п. «б» ст. 15, п. «а» ст. 16, п. «д» ст. 25), предполагавшим назначение наказания во внесудебном порядке. Кроме того, в тот период наложение наказания в административном порядке было предусмотрено за некоторые нарушения уставов Паспортного (ст. 1220 УУС), Путей сообщения (ст. 1230 УУС), Акцизных сборов (ст. 1125.2 УУС) и Лесного устава (ст. 1125 УУС) и некоторых других.

Процедуру вынесения судебного приказа можно охарактеризовать следующим образом. За преступления, за которые законом было предусмотрено наказание в виде штрафа либо ареста на срок не более 15 суток, мировой судья мог вынести приговор, основываясь только на данных полиции, содержащихся в административных протоколах, в том случае, если в них содержались данные, «не возбуждающие сомнения в доказательствах обвинения» (ст. 180.4 УУС). Судебные приказы не могли выноситься по делам, которые могли заканчиваться примирением сторон, или в тех случаях, когда разбирательство по уголовному делу сопряжено со взысканием нанесенного ущерба. Судебные приказы постановлялись в открытом судебном заседании. Представители обвинения и обвиняемый специально в суд не вызывались, но могли давать показания во время такой процедуры по собственной инициативе. Осужденный в семидневный срок со дня получения копии судебного приказа имел право ходатайствовать о назначении судебного разбирательства по тому же делу (ст. 180.9 УУС). Данное право принадлежало осужденному всегда, за исключением тех случаев, когда он сам ходатайствовал о рассмотрении дела посредством процедуры судебного приказа. В отсутствие обжалования судебный приказ получал силу судебного решения, вынесенного в обычном порядке [7, с. 107].

Анализ некоторых положений реформы суда 1912 г. позволил прийти к выводу о том, что реализация принципа судебной независимости заставила отказаться от рассмотрения незначительных уголовных проступков в административном порядке (полицейских приказов), введя упрощенную процедуру судебного разбирательства (судебные приказы).

Таким образом, развитие законодательства о судоустройстве и судопроизводстве в рамках реализации принципа независимости судебной власти связано с отказом от внесудебных (административных) процедур рассмотрения дел о правонарушениях, что подтверждается как опытом реформы местного суда начала XX в., так и вектором развития законодательства об административных правонарушениях в настоящий момент.

Заключение

Есть возможность заключить, что будущее существующей системы норм, регламентирующих применение мер административной ответственности, зависит от выбора модели правового регулирования, основанной либо на максимально возможной реализации принципа разделения властей и независимости суда от администрации, либо допустимости смешения этих функций. Современная система норм, регламентирующая административную ответственность, связанная с эпохой, когда разделение властей не являлось фундаментальным

[16] Ст. 180.4–180.14 УУС.

[17] Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. I. СПб., 1885. С. 350.

конституционным принципом, останется противоречивой, сложно реформируемой, слабо поддающейся теоретическому осмыслению. Можно констатировать, что развитие системы норм, регламентирующих применение мер административной ответственности, будет происходить в русле возрастания роли суда в данной сфере. Безусловно, этот процесс нуждается в теоретическом обосновании, чему способствуют современные концепции, связанные с определением роли суда в отношениях, которые в настоящий момент признаются административно-процессуальными [10].

Относительно периодизации истории института административной ответственности можно заключить, что ее критерием является последовательность в реализации принципа отделения судебных полномочий от исполнительно-распорядительных. При таком подходе административная ответственность возникает в качестве альтернативы судебному порядку разрешения дел, допускаемой в рамках чрезвычайного законодательства (Положение от 14 августа 1881 г. «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»), либо в качестве особого исключения. В рамках этой концепции существенное влияние на нормы XX в., связанные с назначением административных наказаний, оказали институты полицейских и судебных приказов, возможность реализации которых активно обсуждалась в тот период в процессе подготовки и реализации реформы местного суда.

Список источников

1. Князев С. Д. Административная ответственность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (к вопросу о концептуальном реформировании Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 3. С. 82–99.

2. Кононов П. И. История, проблемы и перспективы модернизации института административной ответственности в России: К двадцатилетию принятия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Правосудие/Justice. 2021. № 4. С. 140–166.

3. Кирин А. В. Этапы развития института административной ответственности в СССР // История государства и права. 2011. № 18. С. 36–41.

4. Гюлумян В. Г. Административная ответственность в ретроспективе и перспективе // Lex russica. 2017. № 7. С. 139–153.

5. Кротов К. С. Зарождение процессуального законодательства об административных правонарушениях (в IX–XX вв.) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 2. С. 35–43.

6. Шишкина О. Е. Административная ответственность в России: история возникновения и социальные основания (1835–1892 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. № 4. С. 84–96.

7. Терентьев Р. В. Реформа местного суда в России в начале XX в. (историко-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2005. 206 с.

8. Гаджиалиева Н. Ш. Исторические аспекты развития института судебного приказа // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 4. С. 156–158.

9. Золотова О. И. О преобразованиях гражданского судопроизводства в России в начале XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. № 3. С. 5–15.

10. Стахов А. И. Понятие и общая характеристика системы судебного административного процесса в Российской Федерации // Российское правосудие. 2023. № 3. С. 59–71.

References

1. Knyazev S. D. Administrative responsibility in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation (on the issue of conceptual reform of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses). *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2019;(3):82-99. (In Russ.)

2. Kononov P. I. History, problems and prospects of modernization of the institute of administrative responsibility in Russia: on the twentieth anniversary of the adoption of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. *Pravosudie/Justice.* 2021;(4):140-166. (In Russ.)

3. Kirin A. V. Stages of development of the institution of administrative responsibility in the USSR. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law.* 2011;(18):36-41. (In Russ.)

4. Gyulumyan V. G. Administrative responsibility in retrospect and prospect. *Lex Russica.* 2017;(7):139-153. (In Russ.)

5. Krotov K. S. The origin of the procedural legislation on administrative offences (IX–XX). *Elektronnyj nauchnyj zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State".* 2025;13(2):35-43. (In Russ.)

6. Shishkina O. E. Administrative responsibility in Russia: history of origin and social basis (1835–1892). *Historical and Social Educational Idea.* 2019;(4):84-96. (In Russ.)

7. Terentev R. V. *Reform of the local court in Russia in the early 20th century (historical and legal aspect)*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. St. Petersburg; 2005. 206 p. (In Russ.)

8. Gadzhialieva N. Sh. Historical aspects of the development of the institution of a court order. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry = Education. Science. Scientific Personnel.* 2021;(4):156-158. (In Russ.)

9. Zolotova O. I. About transformations of civil procedur to Russia at the beginning of the XX century. *Historical-Legal Problems: The New Viewpoint*. 2017;(3):5-15. (In Russ.)

10. Stakhov A. I. The concept and general characteristics of the system of judicial administrative process in Russian Federation. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2023;(3):59-71. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. В. Терентьев – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин.

Information about the author

R. V. Terentev – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Deputy Head of the State and Legal Disciplines Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 27.08.2025; одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 01.07.2026.

The article was submitted 27.08.2025; approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 01.07.2026.

Российское правосудие. 2026. № 9. С. 32–41
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 9. P. 32–41
УДК 346.32 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.9.32-41

Научная статья

Преодоление нерешительного состояния при обусловленном исполнении обязательств из синаллагматических договоров в судебно-арбитражной практике

Виталий Владимирович Ванин[1], Юлия Геннадьевна Лескова[2]

[1] Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, vaninvv@rsuj.ru, https://orcid.org/0000-0002-7301-0838

[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, leskova-yg@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-3238-4654

Аннотация. Сформированный в настоящее время подход к преодолению нерешительного состояния при обусловленном исполнении означает, что в основание фикции наступления условия входит недобросовестность стороны, не исполнившей свою обязанность. Такой подход вызывает упреки в аспекте права на получение вознаграждения выполнившей работы стороны, корреспондирующая обязанность оплаты работы другой стороной обусловлена исполнением взаимосвязанного договора.

Целью исследования является преодоление конфликта между заложенной в определенные Гражданским кодексом Российской Федерации правовые модели синаллагматических договоров встречностью исполнения и вносимой в них волей сторон обусловленностью такового. В ходе исследования использованы диалектический, формально-юридический, лингвистический методы, а также анализ и синтез.

Обусловленное исполнение и синаллагму можно примирить через временную определенность нерешительного состояния. В определенных сторонами хронологических пределах, отражающих перераспределение ими рисков неисполнения обязательства в сравнении с легальной договорной моделью, нерешительное состояние будет устраняться наступлением оговоренного сторонами обстоятельства. На этом этапе срабатывает конструкция обусловленного исполнения. Наступление же временно́го предела действия нерешительного состояния будет являться основанием срабатывания заложенной в соответствующую договорную модель синаллагмы.

Ключевые слова: договор, встречное исполнение, обусловленное исполнение, нерешительное состояние, условие

Для цитирования: Ванин В. В., Лескова Ю. Г. Преодоление нерешительного состояния при обусловленном исполнении обязательств из синаллагматических договоров в судебно-арбитражной практике // Российское правосудие. 2026. № 9. С. 32–41. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.32-41.

© Ванин В. В., Лескова Ю. Г., 2026

Original article

Overcoming Indecisiveness in the Conditional Performance of Obligations from Synallagmatic Contracts in Judicial and Arbitration Practice

Vitalii V. Vanin[1], Yulia G. Leskova[2]

[1] Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, vaninvv@rsuj.ru, https://orcid.org/0000-0002-7301-0838
[2] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, leskova-yg@ranepa.ru, https://orcid.org/0000-0003-3238-4654

Abstract. The currently formed approach to overcoming the indecisive state in the case of conditioned performance means that the basis for the fiction of the occurrence of the condition is the bad faith of the party that has not fulfilled its obligation. Such an approach is reproached from the point of view of the right to receive remuneration of the party that has performed the work, the maturation of the corresponding obligation to pay the other party is conditioned by the performance of the interrelated contract.
The purpose of the study is to overcome the conflict between the counter-performance inherent in the legal models of synallagmatic contracts defined by the Civil Code of the Russian Federation and the conditionality introduced into them by the will of the parties.
The research uses dialectical, formal legal, linguistic methods, as well as analysis and synthesis.
Conditional performance and synallagma can be reconciled through the temporal certainty of the indecisive state. Within the chronological limits determined by the parties, reflecting the redistribution by them of the risks of non-fulfillment of the obligation in comparison with the legal contractual model, the indecisive state will be eliminated by the occurrence of the circumstance agreed upon by the parties. At this stage the construction of conditioned fulfillment is triggered. The occurrence of the time limit of the indecisive state will be the basis for the triggering of the synallagma embedded in the corresponding contractual model.

Keywords: contract, counter-performance, conditioned performance, indecisive state, condition

For citation: Vanin V. V., Leskova Yu. G. Overcoming indecisiveness in the conditional performance of obligations from synallagmatic contracts in judicial and arbitration practice. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(9):32-41. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.32-41.

Одним из результатов реформы гражданского права стало появление в гражданском праве ряда договорно-правовых институтов, направленных на реализацию принципа свободы договора, что отвечает потребностям современного имущественного оборота, требующего более гибкого подхода к опосредующим его правовым формам. Степень зрелости его участников позволяет в известной степени переместить баланс в правовом регулировании от патернализма к децентрализованному саморегулированию. Одним из таких правовых институтов является обусловленное исполнение обязательств – конструкция, которая, будучи включенной волеизъявлением сторон в тот или иной договор, способна значительно изменить заложенный в его легальной модели баланс интересов сторон.

Судебная практика не сразу восприняла этот институт. Так, в отношении синаллагматических договоров вплоть до 2017 г. преобладал подход, выработанный еще Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, согласно которому постановка под условие встречной обязанности признавалась ничтожной по основанию противоречия существу договора подряда как возмездному меновому договору[1]. Характерно, что в некоторых случаях суды и в настоящее время применяют этот подход, что можно объяснить отсутствием в позитивном праве ясного и точного ответа на вопрос о преодолении конфликта между заложенной в определенные Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) правовые модели

[1] См., например, постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 января 2011 г. № 11659/10. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

синаллагматических договоров встречностью исполнения и вносимой в них волей сторон обусловленностью такового.

Как известно, в синаллагматическом договоре имущественное предоставление одной стороной немыслимо без встречного предоставления [1]. Вместе с тем в коммерческой практике распространены ситуации, когда созревание обязанности должника по оплате товаров (работ, услуг) соглашением сторон ставится под суспензивное условие, в отношении которого отсутствует неизбежность его наступления[2]. Такими условиями стороны объединяют смежные экономические связи в цепочку взаимосвязанных договоров; в силу таких условий исполнение по одному из договоров включает механизм исполнения по другому договору. Примером могут быть сложноструктурные отношения подряда, когда во исполнение основного договора заключается субподряд. Генеральные подрядчики нередко выступают в звеньях таких договорных цепочек своего рода посредниками, имеющими доход в виде разницы между вознаграждением, полученным от заказчика, и вознаграждением, которое уплачивают субподрядчикам, что приводит к включению в договор условий pay if paid, pay when paid, выраженных в оговорках о платеже, отсроченном до момента завершения работ по основному договору или вводу объекта в эксплуатацию.

Включение в договор в качестве условия созревания обязанности заказчика по оплате выполненных подрядчиком работ обстоятельства, которое зависит от сторон не в полной мере, приводит к тому, что для оплаты работ самого по себе имущественного предоставления со стороны подрядчика (результат работы) оказывается недостаточно, а в отношении обстоятельства, которым обусловлено созревание обязанности заказчика, существует неопределенность его наступления. Применительно к условным сделкам такую неопределенность Е. В. Васьковский обозначал понятием «нерешительное состояние» [2, с. 169].

В ситуациях, когда из соглашения сторон следует допустимость трансформации causa credendi в causa donandi и это не противоречит существу правового регулирования, особых проблем не возникает, однако для коммерческого оборота такая возможность ограничена установленным подп. 4 п. 1 ст. 575 ГК РФ запретом дарения в отношениях между коммерческими организациями, который в силу п. 3 ст. 23 ГК РФ применяется и к индивидуальным предпринимателям[3].

В русле развития принципа свободы договора, заданном Концепцией развития гражданского законодательства[4], в 2015 г. в ГК РФ была закреплена конструкция обусловленного исполнения обязательств (ст. 327.1), смысл которой заключается в усложнении основания созревания входящей в содержание обязательства обязанности обстоятельством, в отношении которого существует неопределенность наступления. При этом для синаллагматических договоров такое обстоятельство лежит за пределами собственно встречного исполнения.

---

[2] См., например, постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 3 февраля 2016 г. по делу № А73-11060/2015, постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 февраля 2020 г. по делу № А55-25851/2019, постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 февраля 2020 г. по делу № А32-47473/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 28 июня 2022 г. № 08АП-5503/2022 по делу № А75-14806/2021. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

Эта норма допускает обусловленное исполнение для любого договора, а потому ограничивает устранение неопределенности встречного предоставления для синаллагматических договоров через недействительность такого условия; основной недостаток такого способа заключается в том, что преодоление нерешительного состояния осуществляется игнорированием волеизъявления сторон. Подобная интервенция в содержание правоотношения неизбежно влечет нарушение баланса интересов сторон, ибо исключает возможность тонкой настройки условий договора, измененного в результате признания недействительности одного из его условий. При этом установленное ст. 180 ГК РФ условие допустимости признания недействительности части договора соблюдается далеко не всегда.

Перелом в правоприменительной практике был обозначен в Обзоре № 2 за 2017 г.[5], где Верховный Суд Российской Федерации указал на то, что постановка под условие оплаты основным заказчиком или ввода объекта в эксплуатацию обязанности по уплате субподрядчику вознаграждения закону не противоречит, а потому не образует основания для ничтожности (и вообще недействительности) такого условия договора. В результате судебная практика была ориентирована на сохранение соответствующих условий, что не только отвечает принципу свободы договора, но и позволяет учитывать междоговорные связи при разрешении споров. Казуальность этого толкования, естественно, не может служить поводом для ограничения его значения только для этих договорных конструкций, но позволяет экстраполировать его на все случаи, когда имеет место подобная взаимосвязанность договоров, что следует из общего характера нормы ст. 327.1 ГК РФ.

Результат такого подхода проявился в известном конфликте между вытекающей из легальных конструкций синаллагматических договоров встречностью обязанности должника по оплате товаров, работ, услуг и придаваемой ей волеизъявлением сторон обусловленностью. Разрешение этого конфликта является необходимым условием преодоления нерешительного состояния обязанностью должника по оплате имущественного предоставления.

В сформированной на сегодняшний день судебно-арбитражной практике разрешение этого конфликта основано на применении разумного срока и фикции наступления условия, что базируется на аналогии применения п. 3 ст. 157 ГК РФ, представляя собой частное проявление принципа добросовестности. Указанная аналогия вызвана известным сходством обусловленного исполнения обязательств и условных сделок: оба института предусматривают наступление правовых последствий в зависимости от некоего в будущем возможного, но не неизбежного обстоятельства, что до момента его разрешения означает пребывание правоотношений сторон в нерешительном состоянии.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается важное отличие, которое заключается в следующем: для сделки под отлагательным условием преодоление conditio pendens будет выражаться в возникновении правоотношения; обусловленное же исполнение означает, что обязательство возникает в момент заключения договора, а разрешение условия для обусловленного исполнения имеет значение элемента основания созревания входящей в содержание возникшего обязательства обязанности. При заключении синаллагматического договора каждая из сторон намерена удовлетворить свой интерес в получении определенного имущественного предоставления, а потому мы должны исключить существование такого договора в качестве договора с неопределенной каузой. В рамках такого договора каждая из сторон

[5] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 6.

рассчитывает на получение причитающегося ей предоставления, но одновременно каждая из них осознает и необходимость встречного предоставления – мы говорим об обязанности с обусловленным исполнением, а не о ее возникновении под отлагательным условием. Соответственно, каждая из сторон, будучи связана договорным обязательством, вправе ожидать наступления соответствующего обстоятельства в пределах известного срока, а потому, и это важно, обусловленность исполнения – коль скоро мы ее допускаем для синаллагматического договора – должна иметь значение не перераспределения между сторонами риска ненаступления соответствующего обстоятельства вообще, а его перераспределения в определенных хронологических пределах. Эти хронологические пределы должны определять действие нерешительного состояния, в противном же случае мы вынуждены будем говорить об утрате синаллагматическим договором его конститутивной характеристики.

Сформированный в настоящее время подход к преодолению нерешительного состояния при обусловленном исполнении означает, что в основание фикции наступления условия входит недобросовестность стороны, не исполнившей свою обязанность. Такой подход представляется необоснованным прежде всего с точки зрения «крепости» права на получение вознаграждения выполнившей работы стороны, созревание корреспондирующей которому обязанности по оплате другой стороны обусловлено исполнением взаимосвязанного договора (к примеру, в связке субподряд – генеральный подряд), причиной чего является непростая верификации обстоятельств, входящих в основание такого созревания, при применении указанной фикции. На исполнившего договор субподрядчика в силу вытекающей из п. 5 ст. 10 ГК РФ презумпции ложится бремя доказывания недобросовестности другой стороны в ее (недобросовестности) причинно-следственной связи с ненаступлением суспензивного условия под риском «несрабатывания» фикции созревания обязанности должника (генерального подрядчика) по уплате вознаграждения, вследствие чего выполненные работы и их результат останутся в итоге без оплаты. Выскажем сомнение в том, что противоправное поведение (обязанность не исполнена) может презюмироваться добросовестным; к примеру, установление субъективного условия гражданско-правовой ответственности – вины неисправного должника – выстраивается на презумпции ее наличия в том числе и по указанной причине. Примечательно, что в контексте исследуемой проблемы круг признанных в судебной практике юридически значимыми обстоятельств для установления недобросовестности (не предпринял необходимых мер для наступления условия[6]) de facto совпадает с определенными абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ обстоятельствами невиновности. Объяснение этого заключается в том, что и недобросовестность и вина отражают субъективные параметры поведения лиц, имеющие юридическое значение применительно к основаниям созревания однородных по договорному происхождению и объекту обязанностей по оплате работ и по возмещению убытков. Изложенное свидетельствует о том, что сфера применения презумпции добросовестности должна быть ограничена только пределами объективной правомерности поведения должника. Для должника, не предоставившего исполнение по возникшей из договора обязанности, в частности, по основанию отсутствия определенных сторонами условий ее созревания, лежащих вне определенной законом конструкции соответствующего договора, должна применяться презумпция недобросовестности.

---

[6] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2020 г. № 305-ЭС19-26475 по делу № А40-177112/2018 // Картотека арбитражных дел : [сайт]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/594d51f4-f988-4ec9-8807-12a3c0fce546/7748edb1-4f7e-4e52-8ffc-ec6f120169b0/A40-177112-2018_20200528_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.05.2025).

Другая связанная с исследуемым подходом проблема обнаруживается в плоскости влияния отсутствия недобросовестности контрагента на право на вознаграждение лица, выполнившего строительные работы, корреспондирующая которому обязанность по оплате поставлена под условие. Очевидный, казалось бы, на уровне договорной связи отрицательный ответ противоречит принципу эквивалентности товарного обмена, лежащему в основе функционирования рыночной экономики, а потому не соответствует задаче обеспечения экономической безопасности субъекта строительных работ – понесенные им затраты на создание общественно полезного результата останутся без положительной социальной оценки в виде имущественного вознаграждения. Разрешение этого вопроса через кондикционное обязательство в ситуации приобретения третьим лицом (им может быть заказчик по договору генерального подряда, а равно иной субъект, приобретший право на объект, в котором воплощены результаты труда иного лица) результатов работ без их оплаты означает существенное «ухудшение» юридически обеспеченной возможности получения оплаты работ, не обеспеченной в рамках внедоговорного обязательства характерными для договора средствами воздействия на неисправного должника (к примеру, неустойка за просрочку выполнения работ).

Решение обозначенной проблемы видится в следующем. При заключении синаллагматического договора каждая из сторон намерена удовлетворить свой интерес в получении определенного имущественного предоставления, а потому мы должны исключить существование такого договора в качестве договора с неопределенной («мерцающей») каузой [3], на что справедливо обращается внимание в судебно-арбитражной практике[7]. В рамках такого договора каждая из сторон рассчитывает на получение причитающегося ей предоставления, но одновременно каждая из них не может не осознавать необходимость встречного предоставления, и в этом состоит принципиальное отличие obligatio incerti от сделки под отлагательным условием. Соответственно, каждая из сторон, будучи связана договорным обязательством, вправе ожидать наступления соответствующего обстоятельства в пределах известного срока, а потому обусловленность исполнения – коль скоро мы ее допускаем для синаллагматического договора – должна иметь значение не перераспределения между сторонами риска ненаступления соответствующего обстоятельства вообще, а его перераспределения лишь в определенных хронологических рамках. Последние должны определять временны́е пределы существования нерешительного состояния; в противном же случае мы вынуждены будем констатировать утрату синаллагматическим договором его конститутивной характеристики, что можно допустить для случаев, когда из соглашения сторон вытекает альтернативность causa credendi и causa donandi, однако для предпринимательских договоров последняя исключена в силу запрета дарения (подп. 4 п. 1 ст. 575 ГК РФ).

Следует заметить, что обусловленное исполнение присуще (как имело место и ранее, до реформы гражданского законодательства) в качестве конститутивного (conditio juris) элемента ряду договорных конструкций: страхования, обеспечительных обязательств. В данных институтах всегда присутствует временна́я определенность. К примеру, для договора страхования ст. 942 ГК РФ определяет срок действия договора в качестве существенного; аналогичное решение мы видим для поручительства, независимой гарантии; для неустойки и залога такая определенность вытекает из условий основного, обеспеченного ими обязатель-

[7] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 марта 2018 г. № 15АП-1171/2018 по делу № А32-45170/2017. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b403bc9d-21fc-4825-8956-aac7cf4e4ada/3f5b4f86-e5c2-4f90-a91b-89d69adcb6af/A32-45170-2017_20180318_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 08.06.2025).

ства. Строго говоря, временна́я определенность есть имманентно присущее обязательствам свойство (традиционный признак, по которому обязательственное право в доктрине отграничивается от вещного), из чего вытекает запрет бессрочной правовой связанности одного лица определенным поведением в пользу другого в отсутствие возможности ее прекращения волей субъекта; в отношении обязательственных прав, к примеру, это правило прямо следует из Модельных правил европейского частного права[8].

Из изложенного следует вывод о том, что обусловленное исполнение и синаллагму можно примирить через временну́ю определенность нерешительного состояния. В определенных сторонами хронологических пределах, отражающих перераспределение ими рисков неисполнения обязательства в сравнении с легальной договорной моделью, нерешительное состояние будет устраняться наступлением оговоренного сторонами обстоятельства – на этом этапе срабатывает конструкция обусловленного исполнения; наступление же временно́го предела действия нерешительного состояния будет являться основанием срабатывания заложенной в соответствующую договорную модель синаллагмы.

Придание нерешительному состоянию временно́й определенности возможно только договорным волеизъявлением сторон, для чего условию о сроке, в течение которого наступление соответствующего обстоятельства станет триггером исполнения обязательства, должно быть придано значение существенного условия. На первый взгляд, такой подход несет известную угрозу стабильности оборота, ибо порождает риск признания договора незаключенным и, как следствие, «перевод» de facto договорных обязательств в плоскость кондикционных, в рамках которых стороны будут лишены прав на применение договорных средств защиты (неустойки, гарантий качества). Вместе с тем эта угроза может быть снята, если принять во внимание, что речь идет о сроке действия обусловленного исполнения, которое привносится соглашением сторон в синаллагматический договор, который может существовать и без такого условия. Несогласованность срока обусловленного исполнения порочит лишь соглашение о нем, но не порочит договор в целом, а потому последствия этого могут быть ограничены незаключенностью лишь соглашения об обусловленном исполнении с сохранением действия договора как основанного на обычной синаллагме. При этом оценка наличия/отсутствия соглашения о сроке не может ограничиваться лишь текстуальным анализом содержания выраженных в договоре-документе условий, но должна основываться на его толковании по правилам ст. 431 ГК РФ. Здесь вполне уместным будет обращение к категории разумного срока, который в большинстве случаев может быть установлен судом в ситуации спора исходя из разумно предвидимых при заключении договора обстоятельств, которыми стороны «разорвали» его синаллагму. Лишь при невозможности установления таким способом срока соглашение об обусловленном исполнении подлежит исключению из договора по основанию незаключенного такого соглашения, но не договора, который будет исполняться по общим правилам для соответствующей договорной конструкции.

Теория условных сделок выделяет потестативные условия, которые полностью зависят от воли стороны. Применительно к условным сделкам доктрина в отношении таких условий содержит два основных подхода: признание таковых недопустимыми вообще [4, с. 179; 5, с. 51] либо допущение их на стороне кредитора, но не должника [6].

Отечественная судебная практика не исключает допустимость потестативных условий на стороне кредитора. Так, Верховный Суд Российской Федерации признает действительным условие договора подряда, в соответствии с которым заказчик вправе приостановить опла-

[8] Комментарии к статье III.-1:109 DCFR (Draft Common Frame of Reference). URL: https://www.law.kuleu-ven.be/personal/mstorme/2009_02_DCFR_OutlineEdition.pdf (дата обращения: 09.06.2025).

ту работ до предоставления подрядчиком банковской гарантии, которая будет обеспечивать исполнение последним обязательств, касающихся качества результата работ в период гарантийного срока на период до предоставления банковской гарантии, а в случае ее непредоставления – до истечения гарантийного срока[9].

С точки зрения буквального толкования ст. 327.1 ГК РФ не исключено потестативное условие и на стороне должника, однако такое толкование входит в противоречие с сущностью обязательства как правовой формы, связывающей обязанного субъекта определенной мерой должного поведения, а потому не могущего быть поставленным в зависимость от его воли после заключения договора. Согласно правовой позиции, выраженной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации[10], возможность обусловить исполнение отдельного обязательства обстоятельствами, зависящими от воли стороны (ст. 327.1 ГК РФ), не означает допустимость ситуации, когда волеизъявление стороны на исполнение этого обязательства ничем не ограничено («заплачу, если захочу»). При обратном подходе исполнение такой обязанности ставится в зависимость от желания должника, что противоречит природе и понятию обязательства как правоотношения, накладывающего бремя на обязанное лицо (ст. 307 ГК РФ), от которого оно может освободиться только надлежащим исполнением либо по иному предусмотренному основанию. В силу диспозитивности гражданско-правового регулирования такое основание может быть предусмотрено не только законом, но и договором, но во втором случае условие договора не может противоречить существу законодательного регулирования.

Подход к существу законодательного регулирования как категории, определяющей императивность гражданско-правовой нормы, был сформулирован Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации еще в 2009 г.[11], а в 2015 г. этот подход был не только поддержан, но и развит в части оценки данного признака как критерия, определяющего императивность нормы как направленной на защиту публичных интересов[12]. С точки зрения п. 2 ст. 168 ГК РФ это означает недействительность соответствующего условия в форме ничтожности.

Таким образом, из существа обязательства может быть выведена недопустимость потестативного условия на стороне должника – постольку, поскольку оно предполагает возможность освобождения должника от лежащего на нем встречного обязательства по его воле. Из этого следует, что данное в 2021 г. Верховным Судом Российской Федерации толкование не только создает предпосылку ограничительного толкования нормы ст. 327.1 ГК РФ как действий, зависящих только от кредитора, но возлагает на суд при разрешении спора обязанность оценить действительность соответствующего условия даже в отсутствие направленного на оспаривание такого условия встречного иска или возражения стороны в силу п. 4 ст. 166 ГК РФ. Повод для дискуссий обнаруживается в отношении объекта ничтожности: яв-

---

[9] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19.10.2016) (п. 15) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 5–6.

[10] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20 августа 2021 г. № 305-ЭС21-10216 по делу № А40-328885/2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[11] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» (п. 3) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5.

[12] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 74) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

ляется таковым лишь потестативное условие либо договор в целом? Известное препятствие к интервенции в содержание договорного правоотношения путем исключения из него обусловленного исполнения через ничтожность такого условия содержит ст. 180 ГК РФ, однако и ничтожность договора в целом далеко не всегда приведет к сбалансированному с точки зрения интересов сторон результату, ибо «перевод» отношений сторон в область реституции или кондикции для каждой из них означает утрату возможности применения договорных средств для защиты своих прав; при невозможности натуральной реституции (к примеру, объект договора – строительные работы) такое последствие очевидно ухудшит положение каждой из сторон. Как представляется, справедливым решением здесь могут быть применение принципов добросовестности и запрет извлечения преимуществ из незаконного или недобросовестного поведения.

Список источников

1. Новицкая А. А. Учение о синаллагматическом договоре в римском праве. Контракт Лабеона // Вестник гражданского права. 2013. № 2. С. 20–59.

2. Васьковский Е. В. Учебник гражданского права / науч. ред. В. С. Ем. М. : Статут, 2003. 382 с.

3. Карапетов А. Г. Условные права и обязанности: обзор проблемных вопросов применения ст. 157 и 327.1 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6. С. 71–128.

4. Голевинский В. О происхождении и делении обязательств. Варшава : Тип. О. Бергера, 1872. 302 с.

5. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М. : Статут, 2004. 220 с.

6. Карапетов А. Г. Зависимость условия от воли сторон условной сделки в контексте реформы гражданского права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 7. С. 28–93.

References

1. Novitskaya A. A. The doctrine of the synallagmatic contract in roman law. The Contract of Labeo. *Civil Law Riview*. 2013;(2):20-59. (In Russ.)

2. Vaskovsky E. V. *Textbook of civil law.* Ed. V. S. Em. Moscow: Statut; 2003. 382 p. (In Russ.)

3. Karapetov A. G. Contingent rights and liabilities: review of problems with application of Articles 157 and 327.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *Herald of Economic Justice*. 2017;(6):71-128. (In Russ.)

4. Golevinsky V. *On the origin and division of obligations.* Warszaw: O. Berger's Printing House; 1872. 302 p. (In Russ.)

5. Gongalo B. M. *The doctrine of security for obligations. Issues of theory and practice*. Moscow: Statut; 2004. 220 p. (In Russ.)

6. Karapetov A. G. Dependence of the condition on the will of the parties to a conditional transaction in the context of civil law reform. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federatsii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2009;(7):28-93. (In Russ.)

Информация об авторах

В. В. Ванин – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права, федеральный судья в отставке;

Ю. Г. Лескова – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского, трудового и корпоративного права.

Information about the authors

V. V. Vanin – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor at the Civil Law Department, Retired Federal Judge;

Yu. G. Leskova – Doctor of Science (Law), Professor, Head of the Entrepreneurial, Labor and Corporate Law Department.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 02.09.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 01.07.2026.
The article was submitted 02.09.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 01.07.2026.

Российское правосудие. 2026. № 9. С. 42–49
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 9. P. 42–49
УДК 347.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.9.42-49

Научная статья

Изменение размеров государственной пошлины в контексте повышения эффективности гражданского судопроизводства

Мария Владимировна Андрианова
Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, amvspb2019@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0161-1199

Аннотация. Внесенные Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» изменения, касающиеся размеров государственной пошлины, взимаемой за обращение в суд в целях защиты своих прав, свобод и законных интересов, вызвали оживленную дискуссию в юридическом сообществе. С одной стороны, размеры государственной пошлины должны быть экономически обоснованными и эффективными, с другой – не должны препятствовать доступности правосудия. В связи с этим важной задачей, на решение которой направлено настоящее исследование, является анализ изменения размеров государственной пошлины как средства повышения эффективности правосудия по гражданским делам.
В качестве методологической основы использованы диалектический, системный и формально-юридический методы.
На основе анализа доктринальных источников, действующего законодательства и постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2025 г. № 16-П предпринята попытка сформировать целостное представление о таком средстве повышения эффективности правосудия, как изменение размера государственной пошлины, а также провести предварительную оценку изменений законодательства в указанной области. Сделан вывод о том, что изменение размера государственной пошлины может способствовать повышению эффективности правосудия по гражданским делам не только с точки зрения перераспределения издержек судопроизводства, но и в контексте защиты прав, свобод и законных интересов лиц, обращающихся за судебной защитой.

Ключевые слова: государственная пошлина, реформа, эффективность, гражданский процесс, средства повышения эффективности судопроизводства, оптимизация судебной нагрузки

Для цитирования: Андрианова М. В. Изменение размеров государственной пошлины в контексте повышения эффективности гражданского судопроизводства // Российское правосудие. 2026. № 9. С. 42–49. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.42-49.

© Андрианова М. В., 2026

Original article

Changing the Size of the State Fee in the Context of Improving the Effectiveness of Civil Proceedings

Maria V. Andrianova

North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation, amvspb2019@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0161-1199

Abstract. The amendments introduced by Federal Law No. 259-FZ of August 8, 2024 "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Taxes and Fees" concerning the amount of the state fee charged for applying to the court in order to protect one's rights, freedoms and legitimate interests caused a lively discussion in the legal community. On the one hand, the size of the state fee should be economically reasonable and effective, on the other hand, it should not hinder the accessibility of justice. In this regard, an important task that this study is aimed at is the analysis of changes in the size of the state fee as a means of improving the effectiveness of justice in civil cases.

Dialectical, systematic and formal legal methods are used as a methodological basis.

Based on an analysis of doctrinal sources, current legislation, and Resolution No. 16-P of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 10, 2025, the article attempts to form a holistic view of such a means of improving the effectiveness of justice as changing the amount of state fees, as well as to conduct a preliminary assessment of legislative changes in this area. It is concluded that changing the size of the state fee can help improve the effectiveness of justice in civil cases, not only in terms of redistributing the costs of legal proceedings, but also in the context of achieving the goal of protecting the rights, freedoms and legitimate interests of persons seeking judicial protection.

Keywords: state fee, reform, efficiency, civil procedure, means of increasing the efficiency of judicial proceedings, optimization of the judicial burden

For citation: Andrianova M. V. Changing the size of the state fee in the context of improving the effectiveness of civil proceedings. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(9):42-49. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.42-49.

В соответствии с п. 1 ст. 333.16 НК РФ государственная пошлина – это сбор, взимаемый с плательщиков «…при их обращении в государственные органы, органы местного самоуправления, органы публичной власти федеральной территории "Сириус", иные органы и (или) к должностным лицам, которые уполномочены в соответствии с законодательными актами Российской Федерации, законодательными актами субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, представительного органа федеральной территории "Сириус", за совершением в отношении этих лиц юридически значимых действий, предусмотренных настоящей главой, за исключением действий, совершаемых консульскими учреждениями Российской Федерации».

Таким образом, государственная пошлина – это плата субъекта, обращающегося, в том числе, за судебной защитой своих прав, свобод и законных интересов.

Вопрос о необходимости и возможности изменения размеров и даже вообще существовании государственной пошлины является дискуссионным на протяжении долгого времени, причем аргументы сторонников и противников существования или изменения размеров государственной пошлины практически неизменны. Поэтому исследования и мнения по этому вопросу, даже написанные много лет назад, остаются актуальными и на сегодняшний день, о чем свидетельствуют обращения ученых и практиков к работам прошлых веков [1].

8 сентября 2024 г. в силу вступили поправки[1] в Налоговый кодекс Российской Федерации, содержащие, среди прочего, изменения норм, касающихся размеров государственной

[1] Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Фе-

пошлины, уплачиваемой при обращении в суд за защитой прав, свобод и законных интересов. Государственная пошлина была многократно увеличена, что обусловлено, в том числе, одной из функций, которую очевидно выполняет государственная пошлина, – компенсации затрат судебной системы на рассмотрение и разрешение соответствующих споров. В литературе достаточно давно сформировалось мнение о том, что размер государственной пошлины должен находиться в прямой зависимости от стоимости судебного разбирательства [2, с. 56]. В этой связи можно полагать, что увеличение размеров государственной пошлины соответствует одной из центральных задач судебной системы Российской Федерации – повышению эффективности правосудия[2].

Вместе с тем увеличение размеров государственной пошлины направлено, естественно, не на возложение на участников судопроизводства бремени содержания судебной системы и отнесение всех судебных издержек на стороны процесса, а на перераспределение издержек судебного разбирательства между государством и участниками производства по делу [3, с. 15]. То есть когда речь идет об оптимизации издержек, это не всегда означает их уменьшение. В данном случае, например, издержки сторон процесса значительно увеличиваются, но комплексная оптимизация имеет место. Это связано с понятием эффективности правосудия по гражданским делам и составом издержек гражданского судопроизводства.

Эффективность правосудия по гражданским делам в рамках исследования предлагается рассматривать как свойство гражданского судопроизводства, определяющее своевременное вынесение судами законных и обоснованных решений по гражданским делам, действенную защиту прав, свобод и законных интересов всех субъектов, обращающихся за такой защитой, с минимальными (оптимальными) издержками. Такой подход соответствует представлениям об эффективности как в экономической[3], так и в юридической[4] науке.

Под издержками в данном случае следует понимать не только финансовые, но и организационные и временны́е затраты всех субъектов, их несущих. То есть понятие эффективности гражданского судопроизводства тесно связано с понятиями обеспечения соблюдения разумных процессуальных сроков и оптимизации судебной нагрузки. Это значит, что повышение эффективности правосудия по гражданским делам должно в большинстве случаев быть направлено на оптимизацию нагрузки судей и сокращение сроков рассмотрения гражданских дел.

Необходимо отметить, что повышение размеров государственной пошлины в контексте эффективности правосудия не только влияет на распределение издержек, но и способствует достижению цели судопроизводства. Это связано с тем, что сопутствующее сокращение нагрузки судей, очевидно, влияет на количество ресурсов, которые каждый конкретный судья имеет в распоряжении для рассмотрения каждого конкретного дела, поскольку все имеющиеся у судьи ресурсы (в том числе временны́е) в случае уменьшения количества дел, находящихся в производстве, перераспределяются. Такое перераспределение, как представляется, способствует повышению качества правосудия, а значит, и достижению цели судопроизводства.

дерации о налогах и сборах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4955.

[2] Постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации». Доступ из СПС «Гарант».

[3] См.: [4, с. 26; 5, с. 22].

[4] См.: [6; 7, с. 32; 8, с. 133; 9, с. 51]. См. также: *Поскребнев М. Е.* Теоретические проблемы правосудия по гражданским делам : учеб. пособие. М. : РГУП, 2022. С. 95.

Кроме того, повышение размеров государственной пошлины, в чем следует согласиться с М. Д. Журавлевой, направлено, в том числе, на стимулирование субъектов обращаться к альтернативным способам урегулирования споров [10, с. 59], что также положительно влияет на процесс оптимизации нагрузки судей.

С 2019 года в ГПК РФ мирное урегулирование споров названо в качестве одной из задач гражданского судопроизводства, перечислены конкретные примирительные процедуры, применение которых возможно в рамках выполнения этой задачи (ст. 153.3 ГПК РФ). Однако до настоящего времени говорить о значительном росте количества обращений к подобным процедурам не приходится. Так, по итогам анализа данных судебной статистики за 2024 г. удалось сделать вывод о том, что из всех оконченных гражданских и административных дел, рассмотренных в судах общей юрисдикции по первой инстанции, лишь по 0,05%[5] дел проводились примирительные процедуры. Среди возможных причин низкой распространенности подобных процедур в литературе отмечены недостаточная информированность граждан о порядке проведения и результатах применения таких процедур [11, с. 108], а также недоверие к институту и высокая стоимость услуг [12, с. 41].

В связи с этим еще более актуальной видится необходимость популяризации альтернативных способов урегулирования споров с учетом того, что в соответствии с подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ заключение мирового соглашения является одним из оснований частичного возврата государственной пошлины, причем чем раньше с точки зрения инстанционного движения дела будет заключено мировое соглашение, тем выше процент такого возврата.

Необходимо отметить, что в рамках исследуемой темы значение имеет реализация не только компенсационной, но и дисциплинирующей функции государственной пошлины [13, с. 10], поскольку повышение размеров государственной пошлины направлено, в том числе, на сокращение необоснованных требований субъектов, обращающихся за защитой своих прав и законных интересов в суд [14, с. 101], т. е. такая мера призвана стимулировать субъектов к добросовестному и разумному пользованию своим правом на судебную защиту.

Вместе с тем повышение размеров государственной пошлины вызвало дискуссию в юридическом сообществе, где одним из главных стал вопрос об обеспечении доступа к правосудию[6]. Необходимо обратить внимание на то, что меры по повышению эффективности правосудия действительно не должны необоснованно ограничивать доступ к правосудию, а значит, следует определить, соблюден ли баланс в данном конкретном случае. То есть не допускает ли выбранная мера при своей эффективности в достижении поставленной цели необоснованного ограничения доступа к правосудию, гарантированного Конституцией Российской Федерации.

Особое внимание в этом аспекте следует уделить тому, что вопрос повышения размеров государственной пошлины стал предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы.

Основным тезисом запроса являлось утверждение об ограничении доступа к правосудию, в том числе в Конституционном Суде Российской Федерации, в связи с увеличением размеров государственной пошлины, взимаемой за обращение в суд. В этом контексте группой депутатов Государственной

---

[5] Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2024 г. (форма № 2) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942 (дата обращения: 25.05.2025).

[6] См., например: *Тай Ю*. О предложении судьи ВС увеличить размеры госпошлин // Адвокатская газета : [сайт]. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-predlozhenii-sudi-vs-uvelichit-razmery-gosposhlin/ (дата обращения: 25.05.2025).

Думы были сформулированы два основных вопроса: о процедуре принятия соответствующих поправок и об их содержании.

Нарушений процедуры принятия поправок Конституционный Суд не обнаружил и дал соответствующие разъяснения, подробно останавливаться на которых в контексте темы исследования нет необходимости. Больший интерес представляют разъяснения и выводы Суда, касающиеся содержания рассматриваемых поправок.

В постановлении со ссылкой на ряд своих постановлений Конституционный Суд указывает: «Установление и изменение размеров государственной пошлины, подлежащей уплате при обращении в суд, осуществляется сообразно усмотрению федерального законодателя, который, однако, не может действовать произвольно, умаляя право на доступ к суду и допуская отказ граждан от реализации конституционного права на судебную защиту вследствие их фактического имущественного положения», при этом размер государственной пошлины «не обязательно должен быть эквивалентен понесенным в связи с совершением соответствующих действий затратам». То есть установление конкретных размеров государственной пошлины должно быть экономически обоснованно, но не зависит от конкретных затрат государства на содержание судебной системы.

Кроме того, Конституционный Суд отметил, что установленных действующим законодательством льгот, возможности снижения размера государственной пошлины, освобождения от ее уплаты, отсрочки и рассрочки достаточно для обеспечения беспрепятственного доступа к правосудию всем физическим и юридическим лицам. Суд также подчеркнул, что при обоснованности требований обращающегося за судебной защитой лица расходы, связанные с уплатой государственной пошлины, подлежат возмещению проигравшей в споре стороной. Таким образом, субъекту следует предварительно оценить степень обоснованности своих требований, чтобы не потерять средства, уплаченные в качестве государственной пошлины. В этом смысле повышение размеров госпошлины позволяет сдерживать предъявление необоснованных требований, повышающих нагрузку судей и, как следствие, увеличивающих сроки судопроизводства[7]*.*

Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации обосновал правомерность принятия соответствующих поправок с позиций процедуры их принятия и внутреннего содержания. Представляется, что Суд дал достаточную аргументацию соблюдения баланса: избранная мера повышения эффективности правосудия позволяет в действительности приблизиться к достижению цели с оптимальными издержками, при этом не ограничивая доступ к правосудию.

Принятие поправок в литературе действительно вызвало достаточно оживленную дискуссию ввиду значительной разницы между размером государственной пошлины до принятия и после. Однако и на это обратил внимание Конституционный Суд – в последний раз размеры государственной пошлины в сторону увеличения пересматривались в 2009 г. Очевидно, что суммы не только государственной пошлины, но и многих других категорий с точки зрения экономики не могут быть сопоставимы, как минимум, учитывая инфляционные процессы.

Вместе с тем сохраняются вопросы с точки зрения обеспечения повышения эффективности гражданского судопроизводства. Например, спорным видится введение государственной пошлины при подаче заявления об обеспечении иска (ранее такие процессуальные действия государственной пошлиной не облагались). Данная мера направлена, видимо, на перераспре-

[7] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2025 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 333.19 и пункта 1 статьи 333.21 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 45 и 47 статьи 2 Федерального закона “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 16. Ст. 2101.

деление издержек судопроизводства с государства в сторону участников судопроизводства. Однако каждое изменение подлежит оценке в контексте эффективности правосудия не только в части издержек, но и в части достижения цели судопроизводства. В этой связи введение государственной пошлины за инициирование применения обеспечительных мер может иметь обратный эффект: обеспечительные меры участниками процесса заявляться не будут и исполнение решения суда может стать невозможным. Или заявление об обеспечении иска будет подано стороной, но в действительности применение обеспечительных мер будет невозможным (например, когда имущество уже отчуждено), а механизм для возврата уплаченной государственной пошлины стороне законом не предусмотрен. Это значит, что цель – защита прав, свобод и законных интересов лиц, обращающихся за судебной защитой, достигнута не будет. В таком случае объем издержек значения, как видится, иметь не будет.

Сложно оценить результаты нововведений, поскольку данные судебной статистики за период после принятия поправок отсутствуют. Представляется, что при анализе официальных статистических данных за первое полугодие 2025 г. и за 2025 г. в целом возможно будет соотнести количество предъявляемых требований, а значит, и нагрузку судей и соблюдение процессуальных сроков. Кроме того, безусловно, оценке подлежат и результаты введения государственной пошлины по ряду процессуальных действий, совершение которых до проведенной реформы государственной пошлиной не облагалось.

Необходимо отметить, что изменение размеров государственной пошлины в сторону уменьшения может вызвать увеличение нагрузки на судей, что будет негативно влиять и на качество отправления правосудия, поскольку каждому конкретному судье при прочих равных условиях необходимо будет рассмотреть большее количество дел.

Таким образом, изменение размеров государственной пошлины, являясь одним из средств повышения эффективности правосудия по гражданским делам, действительно может способствовать достижению цели при минимальных (оптимальных) издержках за счет не только изменения объема и перераспределения издержек, но и обеспечения достижения цели судопроизводства. Вместе с тем для действительно значительного повышения эффективности правосудия необходимым представляется применение всего комплекса возможных средств.

Список источников

1. Бентам И. Протест против судебных пошлин. О великой пагубности фискальных сборов, ограничивающих доступ к правосудию / пер. на рус. яз. и вступ. ст. С. Г. Пепеляева // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14, № 5. С. 129–144.

2. Иванов А. А. О путях повышения эффективности правосудия // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 53–65.

3. Курочкин С. А. Правила о судебных расходах как средства обеспечения эффективности гражданского и арбитражного процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 11. С. 14–18.

4. Евдокимова Т. В. Анализ генезиса теоретических подходов к понятию и оценке эффективности // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 3. С. 22–27.

5. Козлова К. А. Понятие предпринимательской деятельности и оценка ее эффективности // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2011. № 3-2. С. 19–24.

6. Исаенкова О. В. Цивилистический процесс в России – основные тенденции // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Политические науки и право. 2016. № 1. С. 5–11.

7. Блинников Л. А. Эффективность гражданского судопроизводства: содержание и практическое значение // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU : сетевое электрон. изд. 2021. № 1. С. 30–40. URL: https://prosud-123.ru/.

8. Астафьев А. Ю. Эффективность судебной деятельности: понятие и критерии оценки // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2012. № 1. С. 123–133.

9. Курочкин С. А. Эффективность гражданского судопроизводства : моногр. М. : Статут, 2020. 358 с.

10. Журавлева М. Д. Увеличение государственной пошлины: экономическая необходимость или механизм регулирования нагрузки судебной деятельности? // Социальные нормы и практики. 2024. № 4. С. 50–62.

11. Камардина О. В., Клейменова Т. Н. Причины и возможные последствия роста государственных пошлин в Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2024. № 6. С. 105–110.

12. Потапова Л. В. Основные проблемы развития института примирительных процедур в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 3. С. 40–43.

13. Реут А. В. Правовой режим государственной пошлины в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.

14. Матюк В. В., Смирнова А. С. Формирование экономически эффективного судопроизводства в Республике Беларусь // Эпоха науки. 2020. № 21. С. 97–103.

References

1. Bentham I. A protest against law taxes (showing the peculiar mischievousness of all such impositions as add to the expense of an appeal to justice). Transl. in Rus. language and introd. art. by S. G. Pepelyaev. *Herald of Civil Procedure*. 2024;14(5):129-144. (In Russ.)

2. Ivanov A. A. On ways to improve the effectiveness of justice. *Journal of Russian Law*. 2005;(12):53-65. (In Russ.)

3. Kurochkin S. A. Rules on litigation costs as a means of ensuring efficiency of civil and arbitral procedures. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij protsess = Arbitrazh and Civil Procedure.* 2021;(11):14-18. (In Russ.)

4. Evdokimova T. V. The analysis of genesis of theoretical approaches to concept and an assessment of efficiency. *Tomsk State University Journal of Economics*. 2013;(3):22-27. (In Russ.)

5. Kozlova K. A. The concept of entrepreneurial activity and assessment of its effectiveness. *Problemy sovremennoj ekonomiki (Novosibirsk) = Problems of Modern Economics (Novosibirsk)*. 2011;(3-2):19-24. (In Russ.)

6. Isaenkova O. V. Civil process in Russia – basic tendencies. *Tambov University Review. Series: Politics and Law*. 2016;(1):5-11. (In Russ.)

7. Blinnikov L. A. Efficiency of civil proceedings: content and practical significance. *Kubanskoe agentstvo sudebnoj informatsii PRO-SUD-123.RU = Kuban Judicial Information Agency PRO-SUD-123.RU.* E-edition. 2021;(1):30-40. (In Russ.) URL: https://prosud-123.ru/.

8. Astafyev A. Yu. Efficiency of judicial activity: the concept and criteria of assessment. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law.* 2012;(1):123-133. (In Russ.)

9. Kurochkin S. A. *Efficiency of civil litigation*. Monograph. Moscow: Statut; 2020. 358 p. (In Russ.)

10. Zhuravleva M. D. Rising the state fee: economic necessity or judicial workload regulation mechanism? *Social Norms and Practices.* 2024;(4):50-62. (In Russ.)

11. Kamardina O. V., Kleimenova T. N. Causes and possible consequences of the increase in state duties in the Russian Federation. *Bulletin of the Academy of Law and Management.* 2024;(6):105-110. (In Russ.)

12. Potapova L. V. The main problems of the development of the institution of conciliation in a civil procedure. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*. 2021(3):40-43. (In Russ.)

13. Reut A. V. *The legal regime of state duty in Russia.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2009. 26 p. (In Russ.)

14. Matyuk V. V., Smirnova A. S. Formation of cost-effective legal proceedings in the republic of Belarus. *Era of Science*. 2020;(21):97-103. (In Russ.)

Информация об авторе

М. В. Андрианова – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин.

Information about the author

M. V. Andrianova – Candidate of Science (Law), Senior Lecturer at the General Theoretical Legal Disciplines Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 01.07.2026.

The article was submitted 26.05.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 01.07.2026.

Российское правосудие. 2026. № 9. С. 50–59
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 9. P. 50–59
УДК 341.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.9.50-59

Научная статья

Допустимость автономии воли в трансграничных семейных отношениях в Российской Федерации и мусульманских странах – участницах БРИКС

Людмила Александровна Шигонина

Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Симферополь, Российская Федерация, Shigoninal@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1936-8994

Аннотация. В результате расширения границ общения увеличилось количество интерконтинентальных браков и появилась необходимость установления договорных отношений между членами семьи. Урегулирование семейно-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, требует вмешательства государства, поскольку у разных народов свои модели семьи, устои, обычаи, вероисповедание. Исследование допустимости автономии воли в трансграничных семейных отношениях необходимо для понимания юридической регламентации семейных правоотношений при наличии иностранного элемента.

Цели и задачи исследования состоят в рассмотрении автономии воли в трансграничных семейных отношениях на примере России и некоторых мусульманских стран – участниц БРИКС (Египет, Иран и ОАЭ) на основе сравнительного анализа нормативных положений, международных договоров.

Исследование проведено с применением частнонаучных и общенаучных методов: анализа формально-юридического, сравнительно-правового, структурного.

Сделаны выводы: принцип автономии в транснациональных семейных отношения – «выражение воли» участников, которое влияет на выработку коллизионных норм. Апостериори одни правовые государства используют «полную автономию воли», другие – «ограниченную автономию», а некоторые «отрицают любую автономию». Волю в трансграничных семейных отношениях следует признавать «ограниченной» даже при явно выраженном согласии супругов, поскольку само принятие решения сформировалось с одобрения законодателя. Все коллизионные нормы по способу своего построения зависят от «воли» законодателя, поэтому договорная свобода транснациональных супругов может быть ограниченной или нулевой. Существующие нормы очевидно требуют доработки.

Ключевые слова: автономия воли, трансграничные отношения, иностранный элемент, ограниченная автономия воли, коллизионные нормы, принцип справедливости, принцип автономии

Для цитирования: Шигонина Л. А. Допустимость автономии воли в трансграничных семейных отношениях в Российской Федерации и мусульманских странах – участницах БРИКС // Российское правосудие. 2026. № 9. С. 50–59. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.50-59.

© Шигонина Л. А., 2026

Original article

The Permissibility of Will Autonomy in Cross-Border Family Relations in the Russian Federation and the Muslim BRICS Member Countries

Ludmila A. Shigonina

Crimean Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Simferopol, Russian Federation, Shigoninal@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-1936-8994

Abstract. As a result of the expansion of the "boundaries" of communication, the number of intercontinental marriages has increased and it has become necessary to establish contractual relations between family members. The settlement of family and legal relations complicated by a foreign element requires state intervention, since different nations have their own family models, foundations, customs, and religion. The study of the permissibility of the autonomy of the will in cross-border family relations is necessary to understand the legal regulation of family relations in the presence of a foreign element.

The aims and objectives of the study are to examine the autonomy of the will in cross-border family relations using the example of Russia and some Muslim BRICS member countries (Egypt, Iran and the UAE) based on a comparative analysis of regulations and international treaties.

The research was conducted using private scientific and general scientific methods: formal legal, comparative legal, and structural analysis.

Conclusions are drawn: the principle of autonomy in transnational family relations is an "expression of the will" of the participants, which affects the development of conflict-of-laws rules. A posteriori, some legal states use "full autonomy of the will," others use "limited autonomy," and some "deny any autonomy." The will in cross-border family relations should be recognized as "limited" even with the explicit consent of the spouses, since the decision-making itself was formed with the approval of the legislator. All conflict-of-laws rules depend on the "will" of the legislator in the way they are constructed, so the contractual freedom of transnational spouses may be limited or zero. The existing standards obviously need to be improved.

Keywords: autonomy of will, cross-border relations, foreign element, limited autonomy of the will, conflict of laws norms, principle of justice, principle of autonomy

For citation: Shigonina L. A. The permissibility of will autonomy in cross-border family relations in the Russian Federation and the Muslim BRICS member countries. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(9):50-59. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.50-59.

Неразрывная связь семьи с обществом предопределяет актуальность правовых проблем, которые привлекают внимание юристов-профессионалов. С учетом современных реалий особое место занимают правовые отношения в семьях с «иностранным элементом», которые регулируются не только на уровне Российской Федерации и других заинтересованных государств, но и международными нормами и правилами, а также личными соглашениями.

Семейный и Гражданский кодексы Российской Федерации регулируют вопросы применения российского законодательства к трансграничным отношениям, однако отдельные институты остались не раскрытыми, а иногда и противоречащими нормам других государств, что приводит к наличию коллизий и требует тщательного изучения для упорядочения определенной части общественных отношений. Ведь главная задача государства – охрана прав и свобод своих граждан.

Немаловажно, что с 2025 г. в семейном законодательстве вступило в силу нововведение – запрет на регистрацию брака с субъектом из реестра контролируемых лиц (п. 2 ст. 156 СК РФ). Следствием становится регистрация брака за границей по местным правилам, что может привести к непредсказуемым результатам [1, с. 879].

Исходя из последних доступных данных Росстата, количество браков в 2024 г. по всей России составило 880 026, в 2023 г. – 945 994, в 2022 г. – 1 053 884, в 2021 г. – 923 553[1], т. е. показатель менялся незначительно.

По данным газеты «VTOMSKE.RU» за 2024 г., жители Томской области заключили 238 браков с иностранными гражданами из 23 государств[2], что в процентном соотношении составляет около 4% всех зарегистрированных браков в регионе. За 12 месяцев 2022 г. в Томской области браки с иностранцами составили 4,6%[3]. Если предположить, что такая динамика существует практически во всех субъектах Федерации, то в среднем 4% браков с иностранцем – это почти 30 589 пар в России за один месяц.

Другие данные о количестве интернациональных пар представлены в Москве: в 2021 г. зарегистрировали свои отношения более 11 тыс. пар, из них 20% – иностранные граждане[4].

В результате расширения границ общения увеличилось количество интерконтинентальных браков. Это породило необходимость оформления договорных отношений между членами семьи, в том числе для урегулирования имущественных отношений в соответствии с законодательством Российской Федерации, а в отдельных случаях – и личных неимущественных отношений. Вторая группа отношений регламентируется нормами иностранного права, без учета российского законодательства, т. е. при отсутствии признания и защиты со стороны государства, гражданином которого является один из участников таких соглашений. В результате требуется вмешательство государства для урегулирования семейно-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, поскольку у разных народов свои модели семьи, устои, обычаи, вероисповедание. Соответственно, необходимы новые правовые предписания с учетом потребностей общества.

Для эффективного правового регулирования семейных правоотношений с участием иностранного элемента необходимо проанализировать степень самостоятельности граждан при определении применимого права (автономия воли). В контексте частноправовых отношений такое волеизъявление имеет свои отличительные особенности.

Так, И. В. Гетьман-Павлова отмечает, что автономию воли в международном частном праве (далее – МЧП) связывают с волей государств, которые стремятся разрешить коллизионные дилеммы[5].

Автономия воли рассматривается О. А. Иншаковой как «перспективное коллизионное начало», поскольку такое волеизъявление способно отклониться от внутригосударственных правовых систем [2, с. 113].

Шихрете Кастрати (Косово) считает, что автономия позволяет участникам соглашений самостоятельно определить интересующие вопросы в рамках закона [3, p. 233].

---

[1] См.: Статистика браков и разводов / О главном в России без политики // GOGOV : [сайт]. URL: https://gogov.ru/articles/natural-increase/marriage-divorce (дата обращения: 30.03.2025).

[2] См.: Сколько браков с иностранцами заключили жители Томской области в 2024 г.: статистика // Газета «VTOMSKE.RU» : [сайт]. URL: https://vtomske.ru/news/207957-skolko-brakov-s-inostrancami-zaklyuchili-jiteli-tomskoi-oblasti-v-2024g-statistika (дата обращения: 30.03.2025).

[3] См.: Отчеты о деятельности за 2022 год // Портал ИОГВ. Департамент ЗАГС Томской области. URL: https://zags.tomsk.gov.ru/otchety-o-dejatelnosti-za-2022-god (дата обращения: 20.03.2025).

[4] См.: Брак с иностранцем: статистика Москвы // Издательский дом ПАНОРАМА : [сайт]. URL: https://panor.ru/articles/brak-s-inostrantsem-statistika-moskvy/76472.html# (дата обращения: 29.03.2025).

[5] *Гетьман-Павлова И. В.* Международное частное право : учеб. для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 23–24.

Ученый из Беларуси К. В. Синкевич проанализировала различные концепции относительно автономии воли и пришла к выводу, что это «принцип МЧП», который происходит из принципа диспозитивности. Утверждение основано на частноправовой природе и сходстве с моделью принципа диспозитивности. Сам же принцип – это «выражение воли» участников, которое влияет на выработку коллизионных норм, и, как следствие, срабатывает принцип lex voluntatis, основанный на принципе свободы договора [4, с. 104].

Изучая концепции российских ученых относительно автономии воли, следует уточнить, что статус автономии воли как принципа МЧП аутентичен.

Следует также выделить исследование Н. В. Тригубович, которая фиксирует в автономии воли не только соглашение о выборе права, но и «договор с коллизионным содержанием» [5].

Именно благодаря такому симбиозу можно утверждать, что автономия воли в МЧП – особый самостоятельный институт, а сочетающиеся договорные и коллизионные начала определяют его специфику [1, с. 880]. Следовательно, отличительным признаком такой автономии является ограниченная национальным законодательством соответствующего государства свобода, а любое условие, нарушающее установленные запреты или выходящее за рамки законов конкретной юрисдикции, неправомерно и должно быть квалифицировано как злоупотребление.

Рассматривая автономию воли в трансграничных семейных отношениях на примере Российской Федерации и некоторых мусульманских стран – участниц БРИКС, а именно Египта, Ирана и ОАЭ, необходимо упомянуть, что Российская Федерация – федеративное государство с романо-германской правовой системой. Египет и Иран – унитарные государства, где произошло сплетение правовых норм исламского шариата и романо-германской системы права. ОАЭ – суверенное федеративное государство, где исламский шариат является основным источником законодательства, при этом для регулирования брачных/имущественных вопросов применяются отдельные законы. Отсюда следует, что все рассматриваемые мусульманские государства имеют смешанные системы права. Совершенно очевидно, что принципы исламского шариата со своими предписаниями могут создавать немало коллизий с нормами российского семейного договорного права, кроме того, семейные вопросы в этих странах регулируются законом о личном статусе (lex personalis).

Анализ научных трудов позволил выделить характерные особенности автономии воли: легитимность, дозволенность, порождает права и обязанности.

Что касается автономии воли в семейном МЧП, то это специальный коллизионный принцип, предоставляющий право самостоятельно определить нормы права участникам отношений, отягощенных иностранным элементом, где воля сторон выступает основанием для возникновения прав и обязанностей при помощи правопорядка избранного государства.

Рассмотрим более детально автономию воли в российском семейном законодательстве. Принимая во внимание ключевые принципы семейного права, внутрисемейные вопросы разрешаются по взаимному согласию (ст. 1 СК РФ); брак заключается в дату и время, которые определили брачующиеся (ст. 11 СК РФ); медицинское обследование проводится только с согласия (ст. 15 СК РФ); усыновление производится по заявлению (ст. 125 СК РФ) и др. Все семейные договоры наделены свободой выбора, распространяющейся, например, на заключение брачного договора (ст. 41, 42 СК РФ); соглашения об уплата алиментов (ст. 99 СК РФ) и иные.

Очевидно, что, если в отношениях появляется «внешнее воздействие» (трансграничные семьи), это может привести к тому, что личная свобода окажется под контролем либо будет сведена к нулю [6, с. 1893].

Рассмотрим более детально п. 2 ст. 161 СК РФ, направленный на устранение разногласий при регулировании трансграничных имущественных отношений. Указанная норма жестко ограничивает момент выбора применимого права – исключительно при заключении соглашения. Это отличает ее от правовой нормы, регулирующей аналогичные отношения между российскими гражданами на территории Российской Федерации, поскольку в этом случае отсутствует общее гражданство или место жительства.

Получается, что автономия воли в рассмотренном примере ограничена периодом времени, правовой связью (статус по отношению к государству и друг другу) и локацией (проживание совместно или нет).

Было бы неправильно не затронуть нововведение в СК РФ при регистрации брака с иностранным гражданином (п. 2 ст. 156 СК РФ), поскольку такая норма является ярким примером «запрета» на применение воли при вступлении в брак, что противоречит принципу добровольности брачного союза, однако необходимо для публичного порядка.

Таким образом, в отношениях с «иностранным элементом» круг лиц, чье волеизъявление имеет значение, сужается до супругов; исключительные случаи – дети при усыновлении [1, с. 878–879]. Кроме того, семейное законодательство России может ограничивать право выбора при желании зарегистрировать брак с иностранным гражданином.

Автономия воли проникает практически в любые гражданско-семейные отношения, отягощенные иностранным элементом, гибко «локализует отношения», что подтверждает возможность отнесения его к общеотраслевому принципу МЧП [7, с. 116, 119].

Более 10 лет назад В. В. Кулаков поднял вопрос об адресности принципов гражданского права – как они применяются, где размещены, поскольку в первую очередь ориентированы на исполнительную и судебную власть [8, с. 186], ведь именно «принципы… указывают на дальнейшее развитие законодательства» [9, с. 24].

У. Б. Филатова, исследуя принцип справедливости, полагает, что нормотворец указал данный принцип для себя, а не для участников частноправовых отношений, поскольку его реализация возможна лишь «при активной позиции… суда» [10, с. 130, 132].

В данном контексте автономия воли в трансграничных отношениях тесно связана с принципом справедливости, ведь именно в принципах находит свое отражение общая концепция МЧП – регулирование цивилистических отношений при наличии иностранного элемента, причем «ни одно государство не может осуществлять свою власть в отношении другого государства»[6].

Ввиду того, что автором рассматривается допустимость автономии воли в трансграничных семейных отношениях в России и некоторых мусульманских странах – участницах БРИКС, целесообразно указать действующие договоры российского государства с другими странами о правовом сотрудничестве и взаимопомощи по гражданским и семейным делам.

С Египтом и Ираном у России имеются близкие по содержанию договоры[7], регулирующие частноправовые отношения: ими императивно установлен запрет на изменение исклю-

---

[6] *Борисов В. Н., Власова Н. В., Доронина Н. Г. и др*. Международное частное право : учеб. 4-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Н. И. Марышева. М. : ИЗиСП : Контракт, 2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (по подписке).

[7] См.: Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам (ратифицирован Федеральным законом от 11 июня 2002 г. № 64-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 28. Ст. 2896; Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным

чительной компетенции судов, однако вместе с тем санкционирован выбор правопорядка при спорах об имуществе. Сказанное подтверждает наличие коллизионных норм, что согласуется с п. 2 ст. 161 СК РФ, позволяющим выбирать право при заключении брачного договора.

Однако ОАЭ до сих пор не подписали соглашение о правовой помощи по гражданским делам, хотя с лета 2024 г. стороны ведут переговоры о его заключении.

Уникальность правовой системы мусульманских стран, сочетающих в себе религиозные и правовые нормы, фокусирует внимание правоведов на брачных (семейных) договорах, которые упорядочивают не только материальные вопросы, но и личные неимущественные.

Так, брачный договор в Египте существенно отличается от российского, поскольку регулирует не только имущественные, но и личные неимущественные отношения супругов, родителей и детей и многое другое. Статья 10 гражданского законодательства Египта, регулирующая коллизию законов в аспекте местоположения, гласит, что египетское право – эталон отношений, если необходимо определять тип этих отношений[8]. Статья 18 того же Закона при регулировании имущественных вопросов применяет принцип места нахождения для недвижимого имущества, а для движимого – места возникновения обязательства. При этом все договорные отношения используют привязку места жительства (lex nationalis), как и в России, а при отсутствии общего проживания – места совершения договора (lex loci contractus). Кроме того, действует оговорка, что все эти привязки применяются лишь в случае, когда стороны самостоятельно не договорились о других правилах. Следовательно, супруги вправе заключить договор по поводу имущества (брачный договор) и самостоятельно избрать применимое право, но с исключениями: все, что связано с недвижимым имуществом, подчиняется привязке местонахождения вещи (lex rei sitae).

Отдельно необходимо остановиться на Договоре между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам, ст. 13 которого разъясняет, что юридические документы, оформленные по правилам, принимаются каждой из сторон без всяких иных удостоверений. И если на территории своего государства они имеют силу официальных, то такой же их статус действует на территории другого государства. Из изложенного следует, что не имеет значения, на территории какой договаривающейся страны будет заключен брачный договор.

В Египте действует согласно ст. 13 Гражданского кодекса правопорядок гражданства супруга (момент внесения записи о браке). Норм, которые регулируют брачные отношения, права и обязанности супругов и т. п., в Кодексе нет.

Рассматривая особенности имущественных отношений супругов, один из которых является гражданином Египта (мужчина), следует выделить особую проблему – многоженство, которое разрешено официально. И хотя полигамные браки – не столь распространенное явление, однако для российских женщин это может вызвать сложности. Поскольку существует оговорка о публичном правопорядке. В таком случае имущественные договорные семейные права женщин – граждан Российской Федерации не будут защищены нормами российского законодательства.

В ОАЭ присутствует автономия воли, поскольку стороны вправе самостоятельно определить в договоре применимое право: интересно, что выбор можно сделать и отдельно для

делам (с изм. на 28.03.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 47. Ст. 4579.

[8] См.: Гражданский кодекс Египта 1948 г., с поправкой, внесенной 13 октября 2021 г. URL: http://surl.li/lelcxj (дата обращения: 24.10.2024).

каждой части договора, при условии, что такая часть будет независима от остальных (ст. 17)[9]. Данная оговорка весьма сомнительна в применении к имущественным семейным договорам, поскольку сам закон в большей мере рассчитан на регулирование торговых отношений, однако, исходя из буквального толкования брачных договоров, можно предположить наличие права выбирать применяемый закон, который определит финансовые и имущественные права и обязанности супругов.

Отдельно стоит рассмотреть особенности вступления в брак в Иране, где существуют постоянные и непостоянные браки, многоженство. Кроме того, Конституция Ирана[10] гласит, что если супруги не являются гражданами одного и того же государства, то личные и финансовые отношения между ними регулируются законами государства мужа (ст. 963). А что касается женщин-иностранок, которые выходят замуж за иранца, то после регистрации брака они приобретают иранское гражданство (ст. 976), что может отрицательно сказаться на защите прав российских женщин.

Сам брачный договор в Иране и Египте кардинально отличается от российского, поскольку включает в себя максимальное количество неимущественных вопросов, связанных с регистрацией брака, проведением свадьбы, приданым и т. п., т. е. стороны брачного договора могут оговаривать любые условия.

Следовательно, и в Египте, и в Иране брачный договор рассматривается не как сделка для возникновения имущественных (семейных) прав и обязанностей супругов, а как договор социальный, в котором определяются как права и обязанности мужчины и женщины в браке, так и добрачные отношения и многие неимущественные права и обязанности. Однако российские граждане, заключив такие соглашения, лишаются возможности получить защиту с использованием национального семейного права и признания со стороны закона.

Анализ законодательства ряда мусульманских стран выявил наличие разнообразных привязок: lex patriae или lex domicilii (закон гражданства мужа); lex rei sitae (для недвижимого имущества и транспорта); запрет на выбор права. Международные договоры для регулирования частных (семейных) отношений России с Ираном и Египтом исключают выбор применимого права при сделках с имуществом. Кроме того, зарубежная юрисдикция брачных контрактов ущемляет интересы иностранных женщин по причине императивного требования применять закон страны супруга.

Представляется, что шанс выбора правопорядка во многих мусульманских странах нивелирован, а нормы СК РФ несут в таком случае декларативный характер. В подобных правовых ситуациях принцип автономии воли не реализуется.

Анализ содержания норм закона каждого из рассматриваемых государств позволяет сделать вывод, что возможность заключить брачный договор по имущественным вопросам с выбором права, если супруги – транснациональные пары, имеется только в России. В Иране и Египте даже при его заключении (исходя из личных законов) отсутствует автономия воли в выборе права применения; в ОАЭ присутствует автономия воли, однако ислам вносит свои коррективы, т. е. воля является ограниченной.

Полагаю, что волю в трансграничных семейных отношениях следует признавать «ограниченной» даже при явно выраженном согласии супругов, поскольку само принятие реше-

---

[9] См.: Закон № (6) 2015 г. «О коллизиях законов по гражданским и коммерческим делам с иностранным элементом». URL: https://goo.su/MwkuB (дата обращения: 10.03.2025).

[10] Конституция Исламской Республики Иран. URL: https://rc.majlis.ir/fa/law/show/132239 (дата обращения: 02.11.2024).

ния сформировалось с одобрения законодателя. Необходимо принимать во внимание тот факт, что все коллизионные нормы по способу своего построения зависят от «воли» законодателя. Закон запрещает совершать выбор или позволяет, отсюда выделяем императивные и диспозитивные коллизионные принципы. Таким образом, основываясь на степени договорной свободы транснациональных супругов, можно говорить об их ограниченной или нулевой автономии воли.

Неотъемлемым элементом для развития семейных международных отношений с учетом эволюционного развития всей правовой системы и общества является своевременная корректировка законодательных норм, которые смогут устранить противоречия, иначе «любые… семейно-правовые» соглашения с иностранным элементом будут «скованны» [6, с. 1893].

В ситуации с Ираном, Египтом и ОАЭ, когда не определено право, подлежащее применению, в России действует принцип lex patriae, который был актуален на момент регистрации брачного союза. Тем не менее возможность выбора в этом аспекте остается весьма ограниченной. В зависимости от ситуации может применяться правопорядок государства, на территории которого имущество находится/зарегистрировано, альтернативно принцип гибкой привязки, предполагающий выявление the law of the real connection с определенной правовой системой. В таком случае при поиске релевантного права используют дополнительные критерии для установления применимой юрисдикции, что может привести к выбору даже законодательства третьей страны.

Подводя итоги, можно отметить, что принцип автономии в транснациональных семейных отношениях – «выражение воли» участников, которое влияет на выработку коллизионных норм. К особенностям следует отнести ограничение в совершении правовых действий участниками договорных отношений: одни правовые государства используют «полную автономию воли», другие – «ограниченную автономию», а некоторые «отрицают любую автономию».

Список источников

1. Шигонина Л. А. Особые акты волеизъявления в семейных отношениях российских и транснациональных браках // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : сб. ст. по результатам IV Междунар. науч.-практ. конф. (Симферополь, 1–4 апр. 2025 г.). Т. 1 / ред. С. А. Трофимов, Т. Ю. Новикова, И. В. Хмиль. Симферополь : Научный мир, 2025. С. 876–880.

2. Иншакова А. О. Особенности современного проявления и развития основополагающих и специальных принципов МЧП // Поиск модели эффективного развития: экономико-правовые аспекты социохозяйственной модернизации на постсоветском пространстве : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Ереван, 2–9 нояб. 2014 г.) / под ред. Г. Б. Клейнера, Э. В. Соболева, В. В. Сорокожердьева. Кранодар : «Граф Колесник», 2015. С. 112–119.

3. Kastrati S. The principle of will autonomy in the obligatory law // LIRIA International Review. 2015. No. 1. P. 225. URL: https://www.researchgate.net/publication/307820758_The_Principle_of_Will_Autonomy_in_the_Obligatory_Law.

4. Синкевич К. В. Автономия воли как проявление универсального частноправового принципа диспозитивности в коллизионной сфере // Актуальные проблемы гражданского права. 2021. № 2. С. 87–109.

5. Тригубович Н. В. Автономия воли в международном частном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 25 с.

6. Шигонина Л. А. «Скованные» договорные семейно-правовые отношения, осложненные «иностранным элементом» // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве : сб. ст. по результатам IV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. А. Трофимов, Т. Ю. Новикова. Симферополь : Ариал, 2025. С. 1888–1894.

7. Акимова Ю. М. Принципы коллизионного регулирования в международном частном праве // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 3. С. 113–120.

8. Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 185–192.

9. Толочко О. Н. Принципы международного частного права // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 2. С. 24–28.

10. Филатова У. Б. Принцип справедливости и российском гражданском праве // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы XII Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 280-летию со дня рождения Г. Р. Державина (Иркутск, 29 сент. 2023 г.) / отв. ред. С. И. Суслова. Иркутск : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. С. 129–133.

References

1. Shigonina L. A. Special acts of will in family relations of Russian and transnational marriages. In: S. A. Trofimov, T. Yu. Novikova, I. V. Khmil, eds. *Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions.* Collection of articles based on the results of the IV International Scientific and Practical Conference (Simferopol, 1–4 April, 2025). Vol. 1. Simferopol: Nauchnyj mir; 2025. Pp. 876–880. (In Russ.)

2. Inshakova A. O. Features of the modern manifestation and development of the fundamental and special principles of the Ministry of Emergency Situations. In: G. B. Kleiner, E. V. Sobolev, V. V. Sorokozherdyev, eds. *The search for a model of effective development: economic and legal aspects of socio-economic modernization in the post-Soviet space.* Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (Yerevan, 2–9 November, 2014). Kranodar: “Graf Kolesnik”; 2015. Pp. 112–119. (In Russ.)

3. Kastrati S. The principle of will autonomy in the obligatory law. *LIRIA International Review.* 2015;(1):225. URL: https://www.researchgate.net/publication/307820758_The_Principle_of_Will_Autonomy_in_the_Obligatory_Law.

4. Sinkevich K. V. Autonomy of will as a manifestation of the universal private legal principle of disposition in the collision sphere. *Aktual’nye problemy grazhdanskogo prava = Actual Problems of Civil Law.* 2021;(2):87-109. (In Russ.)

5. Trigubovich N. V. *Autonomy of the will in private international law*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov; 1999. 25 p. (In Russ.)

6. Shigonina L. A. “Shackled” contractual family-legal relations complicated by a “foreign element”. In: S. A. Trofimov, T. Yu. Novikova, eds. *Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law*. Collection of articles based on the results of the IV International Scientific and Practical Conference Simferopol: Arial; 2025. Pp. 1888–1894. (In Russ.)

7. Akimova Yu. M. Principles of conflict regulation in the private international law. *The Rule of Law State: Theory and Practice.* 2013;(3):113-120. (In Russ.)

8. Kulakov V. V. Basic principles of civil law as a specific form of law. *Perm University Herald. Juridical Sciences.* 2013;(4):185-192. (In Russ.)

9. Tolochko O. N. The principles of international private law. *Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenij = Belarusian Journal of International Law and International Relations.* 2001;(2):24-28. (In Russ.)

10. Filatova U. B. The principle of justice and Russian civil law. In: S. I. Suslova, ed. *Problems of modern legislation of Russia and foreign countries*. Materials of the XII International Scientific and Practical Conference, dedicated to the 280th anniversary of the birth of G. R. Derzhavin (Irkutsk, 29 September, 2023). Irkutsk: All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia); 2023. Pp. 129–133. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. А. Шигонина – старший преподаватель кафедры гражданского права.

Information about the author

L. A. Shigonina – Senior Lecturer at the Civil Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 01.07.2026.

The article was submitted 20.03.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication 01.07.2026.

Российское правосудие. 2026. № 9. С. 60–67
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 9. P. 60–67
УДК 343.115 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.9.60-67

Научная статья

Проблемы реализации положений ст. 339 УПК РФ при постановке перед присяжными заседателями вопроса о виновности

Татьяна Викторовна Праскова
Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, tatiana.parity@mail.ru

Аннотация. Активные дискуссии по поводу представлений об общих понятиях суда с участием присяжных, об их полномочиях при осуществлении правосудия продолжаются. Отсутствие единообразных научных и законодательных подходов к определению правового понятия «суд присяжных» влечет правоприменительные проблемы, связанные в том числе с формулированием вопросного листа (ст. 339 УПК РФ) и разграничением компетенции профессионального судьи и непрофессионального состава, усложняет понимание модели суда присяжных.

Поэтому ставится цель изучить правовые проблемы, связанные с разграничением полномочий между профессиональным судьей и коллегией присяжных заседателей, а также их влиянием на содержание вопросного листа. Наличие разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации на этот счет не устраняет в полном объеме проблемные правовые ситуации, возникающие вследствие коллизионности законодательного регулирования одного из основных вопросов, определяющих сущность суда присяжных.

Проведенное исследование предпринято, чтобы установить, является ли суд присяжных «судом факта», что исключает постановку перед присяжными заседателями вопросов права, в частности, о вине подсудимого, усложняющего юридическую оценку вида вердикта коллегии присяжных (обвинительного или оправдательного), от чего зависит итоговое решение по делу, либо это «коронный суд», разрешающий совместно с судьей-профессионалом вопросы доказанности не только деяния, но и преступления.

Устранение законодательных коллизий в этой части путем четкого определения понятий «суд присяжных» и «вердикт коллегии присяжных заседателей», правовая формулировка содержания которого вообще отсутствует в уголовно-процессуальном законе России, с включением их законодательных понятий в ст. 5 УПК РФ, предупредило бы распространенные профессиональные ошибки при формулировании судьей вопросного листа для присяжных заседателей. Содержание вопросного листа по сути и является разграничением полномочий составных элементов этого коллегиального суда и, как следствие, определяет вид вердикта, на основании которого постановляется либо оправдательный, либо обвинительный приговор.

Предложены правовые способы формулирования вопросного листа с соблюдением правил разграничения компетенции между профессиональным судьей и коллегией присяжных заседателей.

Ключевые слова: суд с участием присяжных заседателей, вопросный лист, вердикт, формулирование вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, разграничение компетенции между профессиональным судьей и коллегией присяжных заседателей, вопрос о виновности

© Праскова Т. В., 2026

Для цитирования: Праскова Т. В. Проблемы реализации положений ст. 339 УПК РФ при постановке перед присяжными заседателями вопроса о виновности // Российское правосудие. 2026. № 9. С. 60–67. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.60-67.

Original article

Problems of Implementing the Provisions of Art. 339 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation When Asking the Jury about Guilt

Tatiana V. Praskova

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, tatiana.parity@mail.ru

Abstract. Active discussions about ideas about the general concepts of trial by jury, about their powers in the administration of justice, continue. The lack of uniform scientific and legislative approaches to defining the legal concept of "trial by jury" entails law enforcement problems, including the formulation of a questionnaire (Art. 339 of the Code of Criminal Procedure) and the differentiation of the competence of a professional judge and a non-professional staff, complicates the understanding of the jury trial model.

Therefore, the aim is to study the legal issues related to the division of powers between a professional judge and a panel of jurors, as well as their impact on the content of the questionnaire. The clarifications provided by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in this regard do not fully eliminate problematic legal situations arising from the conflict of laws governing one of the main issues that determine the essence of the jury trial.

The conducted research allowed us to establish whether the trial by jury is a "court of fact," which would exclude the raising of legal issues before the jury, in particular, about the guilt of the defendant, which complicates the legal assessment of the type of verdict of the jury (guilty or acquittal), on which the final decision in the case depends, or it is a "crown court" that resolves, together with a professional judge, not only issues of evidence. acts, but also crimes.

The elimination of legislative conflicts in this part by clearly defining the difference between the concepts of "trial by jury" from other court models operating in the Russian Federation and the "verdict of the jury," the legal wording of which is generally absent in the criminal procedure law of Russia, with the inclusion of their legislative concepts in Art. 5 of the Code of Criminal Procedure, would prevent widespread professional errors in the formulation of the question sheet for jurors by the judge. The content of the questionnaire is essentially a delineation of the powers of the constituent elements of this collegial court and, as a result, determines the type of verdict on the basis of which either an acquittal or a guilty verdict is issued. The legal ways of formulating the questionnaire are proposed in compliance with the rules on the division of competence between a professional judge and a panel of jurors.

Keywords: jury trial, questionnaire, verdict, formulation of issues to be resolved by the jury, division of competence between a professional judge and a panel of jurors, question of guilt

For citation: Praskova T. V. Problems of implementing the provisions of Art. 339 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation when asking the jury about guilt. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(9):60-67. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.60-67.

Суд присяжных в России впервые был учрежден 20 ноября 1864 г. Его деятельность прерывалась во время Октябрьской революции. Судопроизводство с участием присяжных заседателей в Российской Федерации было восстановлено в ходе судебной реформы 1993 г. Ключевое слово в данной ситуации – «восстановлено», так как распространение суда присяжных на территории Российской Федерации в 1993 г. осуществлено на основе базовых положений действовавшего в императорской России Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Взаимосвязанное применение основных положений, регламентирующих уголовное судопроизводство России обеих эпох, в том числе и суда с участием присяжных заседателей, просматривается в процессе исследования путем их сопоставления. Эта взаимосвязь содержится не только в части общих поло-

жений (принципов) деятельности судов, но и непосредственно в правовом регламентировании судопроизводства с участием присяжных заседателей, в частности таких разделов, как стадии судебного разбирательства, включая стадии реализации института постановки вопросов для присяжных заседателей, принятия вердикта и постановления приговора.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими аспектами, свидетельствующими о неразрешенности отдельных правовых проблем в сфере как науки уголовно-процессуального права, так и законодательного регулирования уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей, имеющих существенное значение для правоприменения в этой сфере. Для выяснения причин этих проблем необходимо хотя бы кратко обратиться к истокам становления суда присяжных.

Следует учесть обстоятельства установления суда присяжных в России второй половины XIX в. Законодатель той эпохи многие положения о суде присяжных заимствовал из законоположений зарубежных стран, в частности Англии и стран с континентальной моделью суда присяжных, в частности Франции, привнося в Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС 1864 г.). К примеру, модель суда по УУС 1864 г., в большей степени перешедшая в действующее в Российской Федерации законодательство, предполагает письменную постановку вопросов для присяжных заседателей. Институт постановки вопросов в таком виде по английскому праву не предусмотрен. «Роль вопроса» по праву Англии играет обвинительный акт. Присяжные, как писал В. Н. Палаузов, «…могут своим “виновен” или “не виновен” принять или отвергнуть обвинительный акт целиком, если не пожелают воспользоваться своим правом сделать некоторые дополнения или ограничения к своему утвердительному ответу, или не пожелают произнести так называемый специальный вердикт» [1, с. 29]. В названном исследовании В. Н. Палаузов с учетом того, что в самом обвинительном акте излагаются не только конкретные факты инкриминированного деяния, но и «…непременно все абстрактно-правовые признаки преступления таким образом, чтобы их утверждение со стороны присяжных исчерпывало операцию подведения конкретного случая под общее правило, под абстрактное, законное понятие данного преступления» [1, с. 29] с употреблением выражений, которыми пользуется материальное право, оставляя судье-профессионалу лишь миссию назначения наказания, пришел к выводу о том, что таким образом действия законодателя этой страны были направлены на ограничение правовых функций судьи-профессионала [1, с. 30]. История этого вопроса, как писал автор, такова: «в эмбриональном периоде развития суда присяжных» в Англии их миссией было разрешение «частных вопросов», таких как отводы, возражения сторон, при этом они часто разрешали и вопросы о конкретных фактах. С XIII столетия присяжных по английскому праву стали привлекать и для разрешения совокупного вопроса о виновности [1, с. 18].

В качестве вопроса для присяжных заседателей обвинительный акт стал применяться после нескольких казусов при рассмотрении дел о предумышленном убийстве и о пасквилях. В первом случае присяжные сначала признали подсудимого оправданным, а когда оправдательный вердикт не был одобрен судьей, они приняли обвинительный вердикт. За эти действия присяжные были привлечены к уголовной ответственности и наказаны штрафом [1, с. 20]. В другом случае при рассмотрении уголовного дела «о пасквилях» пострадал в указанном смысле уже судья, напутствие которого заключалось в том, что присяжные должны исследовать только вопрос факта, а именно: действительно ли подсудимые выступили на собрании с проповедью и о чем, так как вопрос о том, были ли содержание и умысел их проповеди возмутительными, мятежными, является вопросом не факта, а права [1, с. 21]. В целях разрешения этой ситуации в 1792 г. был принят Закон, согласно которому присяжные при

разрешении приведенных выше ситуаций, как и в других случаях, вправе самостоятельно ограничивать свои функции специальным вердиктом.

Право Франции, заимствовавшей положения о суде присяжных из права Англии, существенно переработав их для своих правовых нужд, позволяет ставить перед присяжными заседателями вопросы не только о «голых фактах», но и об их соответствии законным признакам преступления [1, с. 48].

Анализ приведенных правовых положений о суде присяжных этих двух стран позволяет понять корни включения для присяжных заседателей правовых вопросов, в том числе вопросов о вине, при формулировке вопросного листа. Необходимо отметить, что тщательность предварительного изучения российскими реформаторами того времени деятельности суда присяжных за рубежом отразилась на законодательном регулировании деятельности суда в этом составе в императорской России 1864 г., а впоследствии – о суде присяжных в Российской Федерации 1993 г. Судопроизводство обеих эпох в изложенной части регламентировано положениями ст. 754 УУС 1864 г., главы 42 УПК РФ и Федеральным законом № 113-ФЗ[1]. В обоих случаях вопросы для присяжных заседателей формулируются в письменном виде, как это принято по праву Франции. При этом три из них (основные), включая вопрос о виновности, в отношении каждого подсудимого и по каждому деянию с разницей лишь в том, что в силу положений УУС 1864 г. эти три вопроса по общему правилу соединялись в один совокупный вопрос о виновности подсудимого при условии отсутствия сомнений в том, что деяние совершилось; что оно должно быть вменено подсудимому в вину, если оно признано будет его деянием. При наличии сомнений хотя бы по одному из них они должны быть поставлены отдельно[2].

Согласно действующему законодательству Российской Федерации все три вопроса по общему правилу ставятся раздельно. Постановка одного вопроса (в отличие от ст. 754 УУС 1864 г.) по ч. 2 ст. 339 УПК РФ о виновности, являющегося соединением с двумя другими основными вопросами, лишь допускается.

Исходя из изложенного, несмотря на различие моделей суда присяжных по праву разных стран (англосаксонской – по праву Англии и США; континентальной или смешанной – по праву Франции и России), единой проблемой для них всех является определение сущности суда с участием народных представителей, определяемой содержанием вопросов присяжным заседателям, а именно: является ли этот суд «судом факта», разрешающим лишь доказанность фактических обстоятельств содеянного, либо судом «коронным», разрешающим все вопросы – и факта, и права.

Важное значение для устранения проблем этой этиологии имеют законодательные определения понятий «суд присяжных» и «вердикт коллегии присяжных заседателей», на основе которых можно было бы принимать законные итоговые судебные решения (приговоры). На данный момент такое понимание практически отсутствует и в уголовно-процессуальном праве, и в законодательном регламентировании судопроизводства с участием присяжных заседателей. Значения терминов «вердикт», «приговор», «присяжный заседатель», изложенные в п. 5, 28 и 30 ст. 5 УПК РФ, содержащей основные понятия, используемые уголовно-процессуальным законом, не включают правовых разграничений полномочий состава суда присяж-

---

[1] Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ (в ред. от 16.02.2022) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 3528.

[2] Судебные уставы от 20 ноября 1864 г. Часть вторая. Устав уголовного судопроизводства (ст. 754–756). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ных. Не дает такого представления о понятии «суд» и п. 48 ст. 5 УПК РФ, согласно которому «суд – любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные УПК РФ».

Остановимся более подробно на необходимости разграничения полномочий между профессиональным судьей и коллегией присяжных заседателей при формулировании вопросного листа, являющегося составной частью вердикта присяжных. В самом общем виде вопросы, которые ставятся на разрешение перед коллегией присяжных заседателей, – это вопросы о доказанности преступного деяния, доказанности совершения этого деяния подсудимым и о виновности подсудимого в его совершении (ч. 1 ст. 339 УПК РФ).

Процедура составления вопросного листа определена положениями ст. 338 УПК РФ, в соответствии с которой председательствующий судья с учетом результатов судебного следствия, прений сторон формулирует в письменном виде вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, зачитывает их и передает сторонам. Обсуждение его проходит без присяжных заседателей. С учетом замечаний и предложений сторон судья в совещательной комнате окончательно формулирует вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, и вносит их в вопросный лист, который он подписывает.

В соответствии с разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 в вопросном листе не могут ставиться вопросы, требующие от присяжных заседателей юридической квалификации статуса подсудимого, а также вопросы, требующие собственно юридической оценки, недопустима также постановка вопросов с использованием юридических терминов, понимание которых требует профессиональных знаний[3]. Наличие этих разъяснений в профильном постановлении Пленума не устраняет непоследовательность законодателя в изложенной части, что создает проблемные ситуации на практике, касающиеся, в частности, постановки перед присяжными правового вопроса о виновности.

Определяя полномочия коллегии присяжных заседателей, законодатель в ст. 334 УПК РФ указал, что присяжные заседатели разрешают только вопросы, предусмотренные п. 1, 2 и 4 ст. 299 УПК РФ. В тексте п. 1 и 2 ст. 299 УПК РФ речь идет о доказанности «деяния» и совершения его подсудимым.

Пункт 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ эти два положения рассматривает как совокупность фактических обстоятельств совершения преступления, подлежащих обязательному доказыванию, сформулировав их следующим образом: «при производстве по уголовному делу подлежит доказыванию событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления)». Следовательно, все перечисленное в этом пункте законодатель относит к фактическими обстоятельствами совершения преступления. Именно они подлежат доказыванию присяжными заседателями, если исходить из того, что присяжные заседатели – «судьи факта», как об этом говорилось в Концепции судебной реформы[4].

Положение, касающееся виновности подсудимого и формы вины, вынесено законодателем в этой статье за пределы пункта первого. Таким образом, законодатель сам разграничил разрешение в судопроизводстве вопросов «факта» и «права», из которых вопросы права в силу ч. 2 ст. 334 УПК РФ являются содержанием исключительного права судьи-профессио-

---

[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 (в ред. от 28.06.2022) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (п. 29–30) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 1.

[4] Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М. : Республика, 1992. С. 79–81.

нала (председательствующего судьи) разрешать вопросы правового характера. Этому правилу подчинена вся специфика судопроизводства с участием присяжных заседателей, исключающая допустимость исследования в присутствии присяжных заседателей правовых вопросов. На это прямо указано в ч. 6 и 7 ст. 335, 336, ч. 5 ст. 339 УПК РФ.

Статья 334 УПК РФ вопреки последующей законодательной регламентации судопроизводства с участием присяжных заседателей, запрещающей в их присутствии рассматривать правовые вопросы в качестве их компетенции, предусматривает сугубо правовую функцию – установление виновности подсудимого в совершении инкриминируемого ему деяния, которая по сути исходит из норм материального права (ст. 5, 8, 14, 24, 28, ч. 1 ст. 43 УК РФ). Из перечисленных положений следует, что виновность совершения общественно опасного деяния, запрещенного Особенной частью УК РФ, рассматривается в уголовном законодательстве в качестве основного признака понятия преступления (ст. 14 УК РФ). Термины «виновность», «виновно», «невиновно» используются законодателем в Уголовном кодексе неоднократно, в том числе при определении понятия преступления. Так, в соответствии со ст. 14 УК РФ преступлением признается «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». При этом законодатель четко формулирует основные признаки виновности или невиновности: «Деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть» (ч. 1 ст. 28 УК РФ) и т. д.

Некоторые ученые, позицию которых автор не разделяет, «вопрос о виновности» рассматривают как достоинство, побуждающее присяжных заседателей оправдывать подсудимых в самой спорной ситуации при доказанности участия подсудимого в инкриминируемом преступлении. В соответствии с их позицией в суде присяжных вина как психическое отношение подсудимого к содеянному и как один из элементов состава преступления переходит из формально-юридической в оценочную категорию. В соответствии с этой позицией усмотрение присяжных заседателей о виновности подсудимого не сводится к установлению ее формы (умысел, неосторожность), как это делают профессиональные судьи. Присяжные заседатели, отвечая на вопрос о виновности подсудимого, по мнению некоторых авторов, дают оценку социальной вредности инкриминируемого деяния, его соответствия представлениям о нравственности и морали в обществе. В связи с этим они считают, что усмотрение присяжных заседателей при решении вопроса о виновности гораздо шире, чем профессиональных судей [2].

Еще бóльшую неопределенность в этот вопрос вносит содержание ч. 3 ст. 339 УПК РФ *о постановке в необходимых случаях вопросов о степени осуществления преступного намерения, степени и характере соучастия каждого подсудимого в совершении преступления*. Постановка этих вопросов в сочетании с вопросами о вине противоречит запрету уголовно-процессуальным законом ставить отдельно либо в составе других вопросы, требующие от присяжных заседателей юридической квалификации статуса подсудимого, а также другие вопросы, требующие собственно юридической оценки при вынесении присяжными заседателями своего вердикта.

Эти положения современными авторами в определенной мере заимствованы не только из положений УУС 1864 г., но и из полемики по этому поводу ученых того времени. Так, профессор В. Н. Палаузов, поддерживавший положения УУС 1864 г. о постановке присяжным заседателям вопроса о виновности и исследовавший «основное правило о содержании вопросов», пришел к выводу о том, что независимо от необходимого конкретно-фактического

материала в вопросах присяжным должны содержаться все законные признаки, все эти правовые понятия, из которых состоит вопрос о виновности [1, с. 147]. Такая позиция ученого была основана на положениях ст. 760 УУС 1864 г., согласно которым в делах, решаемых с участием присяжных заседателей, предлагаемые им вопросы составляются в общеупотребительных выражениях по существенным признакам преступления и виновности подсудимого, а не в виде принятых в законе определений.

Таким образом, более чем 30-летний опыт работы суда присяжных в Российской Федерации демонстрирует необходимость обновления подхода к формулированию вопросного листа.

Представляется, что выход из этой ситуации может заключаться в выработке единых правовых понятий суда присяжных, вердикта коллегии присяжных заседателей, совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в этой части, к примеру путем исключения из компетенции присяжных заседателей решения вопроса о виновности[5]. Зарубежный опыт знает примеры некоторых моделей суда присяжных, которые предусматривают возможность вынесения вердикта, где присяжными разрешаются только вопросы о факте совершения деяния [3, с. 398]. Включение в ст. 5 УПК РФ понятия «суд с участием присяжных заседателей» с учетом конституционных положений устранит иные правовые проблемы, связанные с реализацией коллизионных положений уголовно-процессуального закона, регламентирующего деятельность суда с участием присяжных заседателей в части правомочий суда в этом составе, таких как положения о реабилитации оправданного в тех случаях, когда доказаны и инкриминированные подсудимому деяние, и совершение этого деяния подсудимым, но коллегией присяжных заседателей он признан невиновным. Никаких изъятий на этот счет закон не содержит, и лицо, в отношении которого вынесен вердикт о доказанности деяния и причастности, может быть признано невиновным.

По моему мнению, понятие «вердикт коллегии присяжных заседателей» должно содержать правовые признаки, разъясняющие его специфику и роль в уголовном судопроизводстве, разграничивающие правомочия присяжных заседателей и судьи-профессионала, а также правовую значимость при принятии итогового судебного решения. В этой связи было бы целесообразно рассматривать вердикт коллегии присяжных заседателей в качестве процессуального документа, соединяющего в себе самостоятельно и независимо принятые процессуальные решения как *профессионального судьи – вопросный лист*, требующий от присяжных заседателей самостоятельного решения о доказанности деяния, инкриминированного подсудимому, и совершения его подсудимым, так *и присяжных заседателей – ответы на эти вопросы*, обязательные для судьи-профессионала при постановлении приговора, подлежащие включению в описательно-мотивировочную часть приговора, постановляемого судьей-профессионалом, и являющиеся тем самым составной частью этого приговора.

Список источников

1. Палаузов В. Н. Постановка вопросов присяжным заседателям по русскому праву: сравнительное исследование. Ч. 1 : Содержание вопросов. Одесса : Тип. «Одесского Вестника», 1885. 185 с.

2. Дудко Н. А., Каменев А. С. К вопросу об оправдательном вердикте присяжных заседателей // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2-2. С. 39–42.

3. Насонов С. А. Виды вердиктов присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве по УПК РФ и зарубежному законодательству // Доказывание и принятие решений в современном уголов-

[5] *Кудрявцева Е. П., Праскова Т. В.* Курс уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей в Российской Федерации : науч.-практ. пособие. М. : РГУП им. В. М. Лебедева, 2025. С. 251–271.

ном судопроизводстве : материалы междунар. науч.-практ. конф, посвящ. памяти д-ра юрид. наук, проф. Полины Абрамовны Лупинской (Москва, 17–18 марта 2011 г.) / сост. и ред. Л. А. Воскобитова. М. : Элит, 2011. С. 398–403.

References

1. Palauzov V. N. *Posing questions to jurors in Russian law: a comparative study.* Part 1: The content of the questions. Odessa: Publishing House of “Odesskij Vestnik”; 1885. 185 p. (In Russ.)

2. Dudko N. A., Kamenev A. S. Jury verdict of acquittal revisited. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University.* 2015;(2-2):39-42. (In Russ.)

3. Nasonov S. A. Types of verdicts of jurors in criminal proceedings under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and foreign legislation. In: L. A. Voskobitov, comp. and ed. *Evidence and decision-making in modern criminal proceedings*. Materials of the International Scientific and Practical Conference, dedicated to in memory of Doctor of Science (Law), Professor Polina Abramovna Lupinskaya (Moscow, 17–18 March 2011). Moscow: Elit; 2011. Pp. 398–403 (In Russ.)

Информация об авторе

Т. В. Праскова – доцент кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной, судья Приморского краевого суда в почетной отставке.

Information about the author

T. V. Praskova – Associate Professor at the Radutnaya Criminal Procedure Law Department, Judge of the Primorsky Regional Court in Honorable Retirement.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 15.03.2026; одобрена после рецензирования 11.04.2026; принята к публикации 03.06.2026.

The article was submitted 15.03.2026; approved after reviewing 11.04.2026; accepted for publication 03.06.2026.

Российское правосудие. 2026. № 9. С. 68–74
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 9. P. 68–74
УДК 343.3/7 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.9.68-74

Научная статья

Нормативное исключение оказания медицинской помощи из сферы действия ст. 238 УК РФ: социальная потребность и проблемы применения

Нина Юрьевна Скрипченко[1], Екатерина Дмитриевна Сунгурова[2]

[1, 2] Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Российская Федерация

[1] n.skripchenko@narfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-2445-2231

[2] e.gavrilyuk@narfu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3785-2691

Аннотация. Изменение законодателем в 1999 г. содержания ст. 238 УК РФ повлекло за собой новые подходы к квалификации преступлений, связанных с врачебной деятельностью. Лидерство ст. 238 УК РФ по ятрогенным преступлениям обеспечила специфика медицинской деятельности, сопряженной с угрозой для здоровья и жизни пациента, а также строгость санкции, увеличивающая сроки давности привлечения к ответственности. Дополнив в декабре 2024 г. ст. 238 УК РФ примечанием, исключающим распространение действия указанной нормы на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи, законодатель актуализировал вопрос соотношения понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь».

Цели исследования – содержательный анализ новой нормы, выявление социальной потребности в ее закреплении и перспектив реализации.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ и синтез, диалектика) и частнонаучные методы (системно-структурный, формально-юридический, логический и лингвистический).

Необоснованно широкое применение ст. 238 УК РФ ко всем случаям отклонения от принятых стандартов оказания медицинской помощи определило решение законодателя упорядочить правоприменительную практику по делам, связанным с врачебной деятельностью, посредством прямого исключения медицинской помощи из сферы действия указанной нормы. Адресованная лицам, оказывающим услуги, ст. 238 УК РФ не охватывает сферу оказания медицинской помощи. Выявив содержательные различия понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга», авторы критически оценивают использование судами указанных понятий как синонимов в решениях по делам, связанным с врачебной деятельностью. По мнению авторов, конкретизация в примечании к ст. 238 УК РФ медицинского работника может повлечь на практике вопросы правовой оценки действий лиц, оказывающих медицинскую помощь, но не имеющих по тем или иным причинам допуска к профессии.

Ключевые слова: медицинская помощь, медицинская услуга, медицинский работник, требования безопасности, качество, состав преступления, профессиональная медицинская деятельность

Для цитирования: Скрипченко Н. Ю., Сунгурова Е. Д. Нормативное исключение оказания медицинской помощи из сферы действия ст. 238 УК РФ: социальная потребность и про-

© Скрипченко Н. Ю., Сунгурова Е. Д., 2026

блемы применения // Российское правосудие. 2026. № 9. С. 68–74. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.68-74.

Original article

Normative Exclusion of Medical Care from the Scope of Art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation: Social Need and Problems of Application

Nina Yu. Skripchenko[1], Ekaterina D. Sungurova[2]

[1, 2] Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation
[1] n.skripchenko@narfu.ru, https://orcid.org/0000-0003-2445-2231
[2] e.gavrilyuk@narfu.ru https://orcid.org/0000-0002-3785-2691

Abstract. The legislator's change in the content of Art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation in 1999 led to new approaches to the qualification of crimes related to medical activities. The specificity of medical activities that pose a threat to the patient's health and life, as well as the severity of the sanctions, which increase the period of limitation for prosecution, have contributed to the prominence of Art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation in the field of iatrogenic crimes. By supplementing Art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation with a note in December 2024, which excludes the application of this norm to cases of medical assistance provided by medical workers, the legislator has updated the issue of the relationship between the concepts of "medical service" and "medical assistance."
The purpose of this study is to provide a meaningful analysis of the new norm, identify the social need for its implementation, and explore the prospects for its implementation.
The methodological basis is made up of general scientific (analysis and synthesis, dialectics) and specific scientific research methods (systemic-structural, formal-legal, logical and linguistic).
Unreasonable widespread use of Art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation to all cases of deviation from the accepted standards of medical care, determined the decision of the legislator to streamline law enforcement practice in cases related to medical activity by directly excluding medical care from the scope of the said norm. Being addressed to persons providing services, Art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation does not cover the scope of medical care. Having identified the substantive differences between the concepts of "medical care" and "medical service," the authors critically evaluate the use by courts of these concepts as synonyms in decisions on cases related to medical activity. According to the authors, the specification in the note to Art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation of a medical worker may entail in practice issues of legal assessment of the actions of persons providing medical care, but who, for one reason or another, do not have admission to the profession.

Keywords: medical care, medical service, medical worker, safety requirements, quality, elements of a crime, professional medical activity

For citation: Skripchenko N. Yu., Sungurova E. D. Normative exclusion of medical care from the scope of Art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation: social need and problems of application. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(9):68-74. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.68-74.

Откорректировав в 1999 г.[1] терминологический аппарат, используемый при определении деяний, образующих объективную сторону состава ст. 238 УК РФ, и исключив общественно опасные последствия из числа криминообразующих признаков, законодатель преследовал цель создать условия для неотвратимости уголовной ответственности лиц, занимающихся нелегальным оборотом алкогольной

[1] Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в статью 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 28. Ст. 3490.

продукции[2]. Расширение сферы применения указанной нормы не только повлекло криминализацию оборота опасных для потребителей товаров и услуг в теневом секторе экономики, но и «перевело» в составы ст. 238 УК РФ значительное число административных правонарушений и преступлений, ранее квалифицируемых по другим статьям УК РФ. В число последних вошли деяния, связанные с ненадлежащим оказанием медицинской помощи. Доминирование ст. 238 УК РФ по ятрогенным преступлениям обеспечила специфика медицинской деятельности, по сути создающей опасность для здоровья и жизни пациента, а также строгость санкции, превышающая санкции ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ[3], устанавливающих наказание за неосторожное причинение смерти и тяжкого вреда здоровью вследствие ненадлежащего исполнения лицом профессиональных обязанностей.

Оперативно реагируя на негативные коллизии практики и отсутствие единства в реализации анализируемой нормы, Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял в 2019 г. постановление[4], разъясняющее органам уголовной юстиции понимание криминообразующих признаков состава ст. 238 УК РФ и критериев его разграничения со смежными преступными и административно наказуемыми деяниями.

Устранив правовую неопределенность, толкующий акт, унифицируя и стабилизируя судопроизводство по уголовным делам о преступлениях, связанных с реализацией товаров, выполнением работ и предоставлением услуг ненадлежащего качества или нарушением различных правил безопасности при проведении работ и оказании услуг, обеспечил существенное сокращение числа осужденных по ст. 238 УК РФ. За шесть лет действия постановления объемы применения указанной нормы сократились более чем в пять раз (с 3773 осужденных в 2017 г. до 685 – в 2024 г.[5]).

Изучив судебные решения, вынесенные по уголовным делам рассматриваемой категории, А. В. Архипов связывает положительную динамику с исключением административных деликтов, чему способствовали разъяснения Пленума в части разграничения объективно схожих деяний, содержащих признаки и преступления и правонарушения (п. 2 и 3 постановления) [1]. Фрагментарность судебного толкования, ориентирующего в вопросах отграничения преступлений [2, с. 78–79], предусмотренных ст. 238 УК РФ, от смежных составов (п. 11

---

[2] Подробнее см.: Пояснительная записка к законопроекту. Паспорт проекта федерального закона № 97700731-2 «О внесении изменений и дополнений в статью 238 Уголовного кодекса Российской Федерации». Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[3] Любое медицинское вмешательство априори опасно для жизни и здоровья, что позволяет усмотреть состав ст. 238 УК РФ в случаях, когда фактически должны вменяться ч. 2 ст. 118 или ч. 2 ст. 109 УК РФ. Предусматривая максимальное наказание до 1 года и до 4 лет лишения свободы соответственно, указанные нормы ограничены в применении давностными сроками. Предусматривая в п. «в» ч. 2 те же последствия, но наказуемые до 6 лет лишения свободы, ст. 238 УК РФ более привлекательна для правоприменителя и в части сроков уголовного преследования, и в части применения мер процессуального принуждения.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации».

[5] Указанные данные содержатся в сводных статистических отчетах Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2017–2024 гг. (форма № 10.1) «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания». См.: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 10.05.2025).

постановления), сохранила лидерство указанной нормы среди составов, вменяемых лицам, оказывающим медицинские услуги ненадлежащего качества.

На наш взгляд, причины востребованности ст. 238 УК РФ по делам о преступлениях, связанных с врачебной деятельностью, кроются в ошибочном толковании правоприменителем понятия «безопасность медицинской деятельности». Нормативно требования безопасности медицинской деятельности установлены Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[6] (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ), постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 1048 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) качества и безопасности медицинской деятельности»[7] и приказом Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 787н «Об утверждении порядка организации и проведения ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности» (далее – Порядок № 787н). Анализ указанных актов свидетельствует о том, что безопасность медицинской деятельности увязывается с качеством оказания медицинской помощи. Так, в п. 5 Порядка № 787н критериями безопасности медицинской деятельности, оцениваемыми в процессе ведомственной проверки организации, названы: безопасные условия труда; безопасные применение и эксплуатация медицинских изделий и их утилизация (уничтожение). В пункте 21 ст. 2 Федерального закона № 323-ФЗ качество медицинской помощи определяется как совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, а также степень достижения запланированного результата. В качестве критериев оценки качества медицинской помощи в ч. 2 ст. 64 Федерального закона № 323-ФЗ указано соблюдение порядка и клинических рекомендаций ее оказания.

Смешение понятий «качество» и «безопасность» на легальном уровне приводит к подмене данных дефиниций на практике. Любое отклонение от принятых стандартов, влекущее общественно опасные последствия для пациента, сотрудники органов уголовной юстиции рассматривают как нарушение требований безопасности, образующее объективную сторону состава ст. 238 УК РФ.

Дополнение в декабре 2024 г.[8] ст. 238 УК РФ примечанием, согласно которому действие указанной нормы не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи, очевидно, и преследовало цель упорядочить правоприменительную практику по делам, связанным с врачебной деятельностью. В этой части следует отметить, что в пояснительной записке к соответствующему законопроекту[9] отсутствуют данные, обосновывающие потребность соответствующих реформ.

На наш взгляд, преследуя благую цель, законодатель принял неудачное с точки зрения юридической техники решение. Адресованный лицам, оказывающим услуги, не отвечающие требованиям безопасности, рассматриваемый запрет a priori не охватывает сферу оказания медицинской помощи. Дополнив ст. 238 УК РФ примечанием, законодатель актуализировал вопрос соотношения понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь».

---

[6] Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

[7] Собрании законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. III). Ст. 5426.

[8] Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8524.

[9] Подробнее см.: Пояснительная записка к законопроекту. Паспорт проекта федерального закона № 670471-8 «О внесении изменений в статьи 150 и 151 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в части уточнения ответственности за отдельные преступления против несовершеннолетних и против здоровья населения)».

Легальная формулировка указанных дефиниций содержится в Федеральном законе № 323-ФЗ, определяющем медицинскую помощь как комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья, в число которых входит и предоставление медицинских услуг (п. 3 ч. 1 ст. 2), а услугу – как медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение (п. 4 ч. 1 ст. 2). Даже беглое ознакомление с нормативными положениями свидетельствует о том, что по своему содержанию «помощь» является более широким понятием, включающим «услугу». Относящийся к категориальному аппарату гражданского права термин «услуга» наполняется экономическим содержанием (оказывается на договорных началах), подпадает под сферу действия Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»[10], медицинская же помощь не охватывается указанным актом.

Выявленные содержательные различия рассматриваемых понятий не учитываются на практике. Вынося решения по делам, связанными с врачебной деятельностью, суды используют указанные дефиниции в качестве синонимов.

Например, в мотивировочной части определения Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2023 г. указано: «ГАУЗ оказывало медицинские услуги путем предоставления, медицинской помощи, в том числе специализированной, в амбулаторных и стационарных условиях по педиатрии, анестезиологии и реаниматологии, детям в возрасте до шести лет»[11].

Не дифференцируются рассматриваемые понятия и в постановлении Притобольного районного суда Курганской области от 26 марта 2025 г., удовлетворившего требования компенсации морального вреда, причиненного некачественным оказанием медицинской помощи[12].

Критически оценивая допускаемое смешение рассматриваемых понятий, следует обратить внимание на то, что категории «помощь» и «услуга» отличаются по субъекту. В соответствии с ч. 6 ст. 32 Федерального закона № 323-ФЗ медицинскую помощь могут оказывать как медицинские работники, так и иные лица (например, сотрудники полиции, пожарные, спасатели). Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг[13] к числу субъектов оказания относят организации, имеющие лицензию на осуществление медицинской деятельности. Лицензионные же требования[14] исключают оказание медицинских

---

[10] Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Российская газета. 1992. 7 апр.

[11] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2023 г. по делу № 77-898/2023.

[12] Постановление Притобольного районного суда Курганской области от 26 марта 2025 г. по делу № 2-85/2025.

[13] Постановление Правительства Российской Федерации от 11 мая 2023 г. № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006.

[14] Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2021 г. № 852 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра "Сколково") и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации (вместе с Положением о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организа-

услуг лицами, не обладающими профессиональными знаниями в соответствующей сфере, подтвержденными соответствующими документами.

Конкретизируя в примечании к ст. 238 УК РФ медицинского работника, законодатель учел нормативные положения относительно субъектов, оказывающих медицинскую помощь. На практике же не исключены случаи оказания медицинской помощи медицинскими работниками, не имеющими по тем или иным причинам допуска к профессии. Например, лицо, работающее в должности медицинского работника по истечении срока действия сертификата специалиста, не имея аккредитации[15], либо лицо, имеющее все необходимые документы, но занимающее должность, отсутствующую в номенклатуре (например, гипнотерапевт, врач-стоматолог-имплантолог, репродуктолог и др.), либо лицо, напрямую не занимающееся медицинской деятельности (выполнение лечебных, профилактических и иных функций, связанных с оказанием медицинской помощи) в рамках трудовой функции, выполняя в медицинской организации административно-управленческие функции, не могут быть отнесены к категории медицинских работников. Фактически же они могут привлекаться администрацией для оказания медицинской помощи.

Исходя из преемственности судебного толкования норм уголовного закона[16], полагаем, что нарушение нормативных требований при трудоустройстве не исключает лицо из числа специальных субъектов, поскольку при ином подходе фактическое выполнение врачебных функций при формальном дефекте допуска оставалось бы вне уголовно-правовой оценки, что позволяло бы избегать ответственности за причинение вреда жизни и здоровью.

Список источников

1. Архипов А. В. Некоторые проблемы применения статьи 238 УК РФ // Российская юстиция. 2024. № 8. С. 43–48.

2. Скрипченко Н. Ю. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 УК РФ // Уголовное право. 2020. № 1. С. 74–79.

циями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра “Сколково”)».

[15] В соответствии с п. 13 ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 323-ФЗ медицинским работником признается физическое лицо, имеющее медицинское или иное образование, работающее в медицинской организации в должности, включенной в номенклатуру должностей медицинских работников и фармацевтических работников, в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность.

Допуск лица к медицинской профессии осуществляется по установленной законом процедуре. До 1 января 2026 г. медицинской деятельностью вправе заниматься лица, имеющие соответствующий сертификат специалиста или аккредитацию, по истечении указанного срока – только лица, имеющие аккредитации (п. 1 ч. 1 ст. 100 Федерального закона № 323-ФЗ). Истечение срока действия сертификата в период осуществления трудовой деятельности обязывает администрацию медицинской организации отстранить работника от профессиональной деятельности в целях недопущения нарушений лицензионных требований.

[16] В абзаце 3 п. 6 постановления от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» и в п. 18 постановления от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» Пленум Верховного Суда Российской Федерации допускает привлечение к уголовной ответственности за совершение соответствующих должностных преступлений лиц, принятых на службу (работу) с нарушением установленных нормативных требований или ограничений.

References

1. Arkhipov A. V. Some problems with the application of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Rossijskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2024;(8):43-48. (In Russ.)

2. Skripchenko N. Yu. Explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in cases on crimes envisaged by Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2020;(1):74-79. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. Ю. Скрипченко – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса;

Е. Д. Сунгурова – старший преподаватель кафедры гражданского и финансового права.

Information about the authors

N. Yu. Skripchenko – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor at the Criminal Law and Procedure Department;

E. D. Sungurova – Senior Lecturer at the Civil and Financial Law Department.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 01.07.2026.

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 25.06.2025; accepted for publication 01.07.2026.

Российское правосудие. 2026. № 9. С. 75–84
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 9. P. 75–84
УДК 343.97 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.9.75-84

Научная статья

Субъекты исполнения обязанностей по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения в государствах – участниках Содружества Независимых Государств: основные подходы

Виталий Эдуардович Карпович[1],
Егор Константинович Овчинников[2]

[1] Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, karpovich.vitalii@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1274-1933

[2] Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), Москва, Российская Федерация, ovchinnikovek@fedsfm.ru

Аннотация. Определение состава лиц, на которых должны быть возложены обязанности по соблюдению требований в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (ПОД/ФТ/ФРОМУ), является комплексной задачей, решение которой осуществляется каждой юрисдикцией. При этом подлежит учету значительное количество факторов, в том числе оценок рисков ОД/ФТ/ФРОМУ, характерных для различных секторов рынка и форм организации деловой активности. В условиях цифровой трансформации, значительно изменяющей инфраструктуру имущественного оборота, появления новых участников экономических отношений происходят постоянное расширение круга перечня субъектов, исполняющих «антиотмывочные» обязанности, а также корректировка оценок рисков ОД/ФТ/ФРОМУ существующих рынков. В этой связи изучение подходов, выработанных в иностранных юрисдикциях, представляет значительный интерес как в качестве возможного предмета для имплементации, так и в целях организации международного сотрудничества в обозначенной области.

Основной задачей исследования является проведение сравнительно-правового анализа законодательства о ПОД/ФТ/ФРОМУ государств – участников СНГ в части, устанавливающей перечень субъектов, на которых возлагается исполнение «антиотмывочных» обязанностей, в целях выявления особенностей, характерных для стран СНГ, а также возможных направлений гармонизации нормативного правового регулирования.

Методологическую основу исследования составляют общенаучный метод диалектического познания, предполагающий изучение предмета исследования как в статике, так и в динамике, а также методы синтеза, анализа, обобщения. Ввиду особенностей научной сферы проведения настоящего исследования значительное место в нем занимают формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

© Карпович В. Э., Овчинников Е. К., 2026

Выявлена необходимость проведения гармонизации национальных законодательств стран СНГ о ПОД/ФТ/ФРОМУ и определения общих подходов по вопросу закрепления и определения субъектов исполнения обязанностей в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ. Предлагается пересмотреть роль органов публичной власти в этом контексте. Кроме того, представлен новый терминологический аппарат в сфере исследования.

Ключевые слова: противодействие отмыванию денег, финансирование терроризма, «антиотмывочные» обязанности, международное сотрудничество, СНГ

Для цитирования: Карпович В. Э., Овчинников Е. К. Субъекты исполнения обязанностей по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения в государствах – участниках Содружества Независимых Государств: основные подходы // Российское правосудие. 2026. № 9. С. 75–84. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.75-84.

Original article

Subjects of Fulfillment of Duties on Countering Money Laundering, Terrorist Financing and the Financing of Proliferation of Weapons of Mass Destruction in the Member States of the Commonwealth of Independent States: Basic Approaches

Vitalii E. Karpovich[1], Egor K. Ovchinnikov[2]

[1] Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, karpovich.vitalii@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1274-1933
[2] Federal Financial Monitoring Service (Rosfinmonitoring), Moscow, Russian Federation, ovchinnikovek@fedsfm.ru

Abstract. Determining the composition of persons who should be charged with compliance with countering the legalization (laundering) of proceeds from crime, the financing of terrorism and the financing of the proliferation of weapons of mass destruction (AML/CFT/CPF) requirements is a complex task that is carried out by each jurisdiction, taking into account a significant number of factors, including assessments of ML/FT/PF risks, characteristic of various market sectors and forms of business activity. In the context of digital transformation, which significantly changes the infrastructure of property turnover and the emergence of new participants in economic relations, there is a constant "re-tuning" of the list of entities performing "anti-laundering" duties, as well as adjusting the ML/FT/PF risk assessments of existing markets. In this regard, the study of approaches developed in foreign jurisdictions is of considerable interest both as a possible subject for implementation and for the organization of international cooperation in this area.

The main objective of the study is to conduct a comparative legal analysis of the AML/CFT/CPF legislation of the CIS member states in terms of establishing a list of entities charged with performing "anti-money laundering" duties in order to identify features specific to the CIS countries, as well as possible directions for the harmonization of regulatory legal regulation.

The methodological basis of the research is the general scientific method of dialectical cognition, which involves studying the subject of research both statically and dynamically, as well as methods of synthesis, analysis, and generalization. Due to the peculiarities of the scientific field of this study, formal legal and comparative legal methods occupy a significant place in it.

The need for harmonization of the national legislation of the CIS countries on AML/CFT/CPF and the definition (revision) of common approaches to the consolidation and definition of subjects of performance of duties in the field of AML/CFT/CPF has been identified. It is proposed to review the role of public authorities in this context. In addition, a new terminology in this field is presented.

Keywords: countering money laundering, financing of terrorism, "anti-money laundering" duties, international cooperation, CIS

For citation: Karpovich V. E., Ovchinnikov E. K. Subjects of fulfillment of duties on countering money laundering, terrorist financing and the financing of proliferation of weapons of mass destruction in the member States of the Commonwealth of Independent States: basic approaches. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(9):75-84. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.75-84.

Система ПОД/ФТ/ФРОМУ[1], являясь многоуровневой структурой, предполагает необходимость участия в ней значительного количества разнородных субъектов, в той или иной форме обеспечивающих функционирование сформированных в рамках обозначенной системы механизмов.

В наиболее обобщенном виде институциональная часть системы ПОД/ФТ/ФРОМУ может быть представлена в виде двух групп участников: а) «частные субъекты», ответственные за непосредственную реализацию конкретных мер ПОД/ФТ/ФРОМУ в рамках опосредуемых ими имущественных транзакций, и б) органы публичной власти, выполняющие в зависимости от их статуса контрольные (надзорные), правоохранительные или иные специальные функции (в том числе функции подразделения финансовой разведки), а в определенных случаях – также отдельные обязанности в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ (далее – «антиотмывочные» обязанности).

Следует отметить, что, несмотря на безусловную значимость «публичных институтов» системы ПОД/ФТ/ФРОМУ, ее общая эффективность в большей степени зависит именно от «частных субъектов», осуществляющих мониторинг финансовых потоков, так как именно качество первичной обработки финансовой информации и своевременное предотвращение незаконных имущественных транзакций являются ключевым фактором[2], в конечном итоге обусловливающим результативность финансовой разведки в частности и системы ПОД/ФТ/ФРОМУ в целом [1].

В связи с этим приобретает особую актуальность вопрос о составе лиц, на которых национальным законодательством возлагаются обязанности по соблюдению всех или большинства требований в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ.

Необходимо отметить, что общие принципы подходов к перечню лиц, исполняющих «антиотмывочные» обязанности, изложены в общепризнанных Международных стандартах по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (Рекомендации ФАТФ)[3]. Так, по общему правилу, обозначенные международные стандарты подлежат применению в отношении лиц, определенных в общем глоссарии ФАТФ в качестве финансовых учреждений или установленных нефинансовых предприятий и профессий (далее соответственно ФУ, УНФПП). Следует обратить внимание на то, что Рекомендации ФАТФ используют при определении ФУ и УНФПП функциональный критерий, предполагающий необходимость оценки содержания деятельности конкретного лица, а не ее формы.

Несмотря на то что представленные в общем глоссарии ФАТФ перечни видов деятельности ФУ и УНФПП в настоящее время носят закрытый характер, Рекомендации ФАТФ как гибкий инструмент, ориентированный не на непосредственное применение, а на имплементацию соответствующих положений в национальные правопорядки, исходят из риск-ориентированного подхода, предполагающего необходимость установления правового регулирования, соразмерного с учетом всех контекстуальных факторов имеющимся рискам лега-

---

[1] Система ПОД/ФТ/ФРОМУ существует как на национальном, так и на международном уровне. О понятии национальной системы ПОД/ФТ/ФРОМУ на примере Российской Федерации см., например: Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утв. Президентом Российской Федерации 30.05.2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Васюков В. Ф., Волеводз А. Г., Клевцов К. К. и др*. Противодействие криптовалютным преступлениям в зарубежных странах : учеб. пособие. М. : Юрлитинформ, 2025. С. 257–259.

[3] International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation (The FATF Recommendations) // The FATF official website. URL: https://www.fatf-gafi.org/en/topics/fatf-recommendations.html (дата обращения: 23.03.2026).

лизации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, финансирования терроризма и финансирования распространения оружия массового уничтожения.

В частности, в Пояснительной записке к Рекомендации 1 ФАТФ, с одной стороны, допускается возложение «антиотмывочных» обязанностей на лиц, прямо не подпадающих под определения ФУ или УНФПП при выявлении в их деятельности повышенных рисков ОД/ФТ/ФРОМУ, а с другой стороны, отмечается возможность освобождения ФУ или УНФПП от необходимости соблюдения отдельных требований в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ при наличии соответствующих условий.

Таким образом, определение состава субъектов исполнения «антиотмывочных» требований в контексте Рекомендаций ФАТФ должно осуществляться, прежде всего, исходя из оценки рисков ОД/ФТ/ФРОМУ [2], присущих их деятельности, а не в соответствии с формальным критерием.

С учетом изложенного обозначенный вопрос представляет значительный интерес для сравнительно-правового исследования.

Так, изучение подходов, выработанных в зарубежных юрисдикциях, позволяет ознакомиться с осуществленной в них оценкой рисков ОД/ФТ/ФРОМУ, характерных для тех или иных секторов рынка (в том числе имеющих транснациональный характер), выявить наиболее удачные модели интеграции в национальные системы ПОД/ФТ/ФРОМУ новых субъектов экономической деятельности, а также в определенной степени в последующем гармонизировать нормотворческую и правоприменительную практики.

В настоящем исследовании рассмотрим основные подходы к формированию состава лиц, исполняющих «антиотмывочные» обязанности, применяемые в государствах – участниках Содружества Независимых Государств.

Анализ положений законодательства стран СНГ о ПОД/ФТ/ФРОМУ в части, устанавливающей перечень лиц, обязанных соблюдать «антиотмывочные» требования, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в каждой из стран СНГ субъекты исполнения «антиотмывочных» обязанностей имеют специфические наименования. В частности, такие лица именуются «лицами, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом»[4] (Российская Федерация, Республика Узбекистан, Туркменистан), «лицами, осуществляющими финансовые операции»[5] (Республика Беларусь), «подотчетными субъектами»[6] (Республика Таджи-

---

[4] Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418; Закон Республики Узбекистан от 26 августа 2004 г. № 660-II «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2004. № 43. Ст. 451; Закон Туркменистана от 18 августа 2015 г. (в ред. Закона Туркменистана от 13 марта 2021 г. № 335-VI) «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2021. № 1. Ст. 10.

[5] Закон Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 3 июля 2014 г., 2/2163.

[6] Закон Республики Таджикистан от 15 марта 2023 г. № 1950 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финанси-

кистан), «предоставляющими отчет лицами»[7] (Республика Армения), «лицами, несущими обязательства»[8] (Республика Азербайджан), «отчетными единицами»[9] (Республика Молдова[10]), «субъектами финансового мониторинга»[11] (Республика Казахстан[12])[13], а также «субъектами противодействия преступной деятельности и легализации (отмыванию) преступных доходов»[14] (Кыргызская Республика).

Представляется, что столь значительное различие в наименованиях лиц, обязанных соблюдать «антиотмывочные» требования, обусловлено стремлением национальных законодателей к объединению в рамках единого термина неоднородных как по форме, так и по содержанию видов деятельности, осуществляемой юридическими лицами и образованиями, органами публичной власти, а также широким кругом частнопрактикующих специалистов.

Учитывая, что все обозначенные здесь лица вовлекаются в систему ПОД/ФТ/ФРОМУ в связи с их прямым или косвенным участием в осуществлении имущественных транзакций, в рамках настоящего исследования представляется целесообразным дать им соответствующее обобщенное наименование – *лица, опосредующие имущественные транзакции* (далее – ЛОИТ).

рованию распространения оружия массового поражения» // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан : [сайт]. URL: https://ncz.tj/content/закон-республики-таджикистан-о-противодействии-легализации-отмыванию-доходов-полученных (дата обращения: 23.03.2026).

[7] Закон Республики Армения от 26 мая 2008 г. № ЗР-80-Н «О борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма» (в ред. Закона Республики Армения от 22 июня 2014 г. № ЗР-113). URL: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5038&lang=rus (дата обращения: 23.03.2026).

[8] Закон Азербайджанской Республики от 30 декабря 2022 г. №781-VIQ «О борьбе с легализацией имущества, полученного преступным путем, и финансированием терроризма». URL: https://fiu.gov.az/assets/front/img/file_117084275381543163673.pdf (дата обращения: 23.03.2026).

[9] Закон от 22 декабря 2017 г. № 308 «О предупреждении и борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма». URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=120939&lang=ru (дата обращения: 23.03.2026).

[10] Республика Молдова начала процесс выхода из СНГ, однако по состоянию на 28 марта 2026 г. официально остается государством – членом СНГ. См., например: Государства – участники СНГ // Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ. URL: https://eccis.org/map (дата обращения: 28.03.2026); Правительство Молдавии одобрило выход из СНГ // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/11/03/2026/69b127599a794749329b3873?ysclid=mna8w7wpmy774156911 (дата обращения: 28.03.2026).

[11] Закон Республики Казахстан от 28 августа 2009 г. № 191-IV «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» // Казахстанская правда. 2009. № 214 (25958). 8 сент.

[12] Идентичный по содержанию термин «субъекты первичного финансового мониторинга» используется, в частности, в российской научной литературе, посвященной тематике ПОД/ФТ/ФРОМУ (см., например: *Негляд Г. Ю., Тисен О. Н., Курьянов А. М. и др.* Национальная система противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения Российской Федерации : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Юнити-Дана, 2023. С. 109–122).

[13] См.: [3]. См. также: *Негляд Г. Ю., Тисен О. Н., Курьянов А. М. и др.* Указ. соч. С. 486–494.

[14] Закон Кыргызской Республики от 6 августа 2018 г. № 87 «О противодействии финансированию террористической деятельности и легализации (отмыванию) преступных доходов». URL: https://cbd.minjust.gov.kg/111822/edition/2757/ru (дата обращения: 23.03.2026).

Во-вторых, представляется важным обратить внимание на то, что страны СНГ в целом идентично подходят к выделению групп ЛОИТ по объему возлагаемых на них «антиотмывочных» обязанностей, в полной мере отражая их деление на ФУ и УНФПП, представленное в общем глоссарии ФАТФ.

Единственным исключением в рассматриваемом контексте следует назвать органы публичной власти, которые включаются в число ЛОИТ в соответствии с законодательством о ПОД/ФТ/ФРОМУ ряда стран СНГ с возложением на них обязанностей по соблюдению отдельных требований в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ.

Также представляется важным выделить подход, использованный в российском законодательстве о ПОД/ФТ/ФРОМУ. В частности, ст. 7.1-1 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» помимо ФУ и УНФПП в соответствии с риск-ориентированным подходом выделяется особая (факультативная) группа «частных» ЛОИТ, исполняющих лишь две «антиотмывочные» обязанности: предоставление информации по запросу уполномоченного органа и направление в необходимых случаях сообщений о подозрении в ОД/ФТ.

В-третьих, следует отметить, что большинство стран СНГ придерживаются подхода, предполагающего формирование закрытого перечня ЛОИТ. Вместе с тем в законодательстве о ПОД/ФТ/ФРОМУ Республики Беларусь и Республики Молдова обозначенный перечень является не в полной мере исчерпывающим.

Так, белорусское законодательство о ПОД/ФТ/ФРОМУ определяет в качестве ЛОИТ все организации, оказывающие услуги по получению, отчуждению, приобретению, выплате, передаче, перевозке, пересылке, перечислению, обмену и (или) хранению средств, удостоверяющие или регистрирующие гражданско-правовые сделки, а также индивидуальных предпринимателей, осуществляющих соответствующую деятельность. В систему ПОД/ФТ/ФРОМУ Республики Молдова вовлечены все физические и юридические лица, реализующие товары на сумму более 200 000 леев с наличной оплатой.

Представляется, что использование «открытого» перечня ЛОИТ, с одной стороны, позволяет повысить прозрачность имущественных транзакций путем вовлечения в систему ПОД/ФТ/ФРОМУ максимально широкого круга субъектов, а с другой – порождает ряд правоприменительных трудностей, связанных с квалификацией конкретного субъекта в качестве ЛОИТ и последующим осуществлением контроля (надзора) за исполнением им «антиотмывочных» обязанностей.

В-четвертых, следует обратить внимание на то, что странами СНГ по-разному решается и вопрос о необходимости включения в число ЛОИТ органов публичной власти.

В частности, законодательство о ПОД/ФТ/ФРОМУ Республики Беларусь в качестве ЛОИТ выделяет Национальный банк Республики Беларусь, а в Республике Армения исполнение отдельных «антиотмывочных» обязанностей возложено на уполномоченный орган по ведению Единого государственного кадастра недвижимого имущества и Государственный орган регистрации юридических лиц. В то же время законодательство о ПОД/ФТ/ФРОМУ Туркменистана предписывает соблюдение отдельных требований в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ таможенным органам, органам, которые осуществляют контроль и оформление товаров и иного имущества, органам, которые осуществляют оформление и регистрацию транспортных средств и иного имущества, подлежащего государственной регистрации, а также органам по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок, связанных с ним.

В Российской Федерации в качестве ЛОИТ выделяется оператор платформы цифрового рубля, функции которого в настоящее время осуществляет Центральный банк Российской

Федерации [4]. Необходимо отметить, что законодательство Российской Федерации о ПОД/ФТ/ФРОМУ не возлагает «антиотмывочные» обязанности на Центральный банк Российской Федерации как орган публичной власти сам по себе, ограничиваясь упоминанием лишь одного из его статусов. Вместе с тем с учетом роли Центрального банка Российской Федерации в обеспечении безналичных денежных переводов (в особенности в рамках так называемой «Системы быстрых платежей»[15]) вопрос о его включении в систему ПОД/ФТ/ФРОМУ в качестве полноценного ЛОИТ представляется весьма актуальным.

В иных государствах – участниках СНГ в число ЛОИТ входят исключительно представители «частного сектора». Более того, например, законодательство о ПОД/ФТ/ФРОМУ Республики Казахстан содержит норму, прямо запрещающую включение в число «субъектов финансового мониторинга» государственных органов.

Вместе с тем представляется, что в контексте происходящих в настоящее время изменений платежной инфраструктуры, связанных с интеграцией такого нового вида расчетных активов, как цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ), а также с учетом значительной роли органов публичной власти в реализации требований Рекомендаций 8, 24 и 25 ФАТФ (в том числе с учетом их обновления) вопрос об их участии в системах ПОД/ФТ/ФРОМУ стран СНГ в качестве ЛОИТ может быть пересмотрен.

В-пятых, необходимо отметить, что в странах СНГ в настоящее время не выработан единый подход к включению в системы ПОД/ФТ/ФРОМУ участников рынков виртуальных активов[16].

Так, в ряде стран СНГ обозначенные субъекты интегрированы в число ЛОИТ в качестве ФУ под общим наименованием «провайдеров услуг виртуальных активов» без дифференциации их ролей на соответствующих рынках (например, Республика Узбекистан, Туркменистан, Республика Азербайджан).

В то же время в ряде государств – участников СНГ с учетом особого режима оборота виртуальных активов участники соответствующего рынка включены в состав ЛОИТ (ФУ) в качестве резидентов особых административных зон: это резиденты Парка высоких технологий, осуществляющие деятельность с использованием цифровых знаков (токенов), а также связанную с обращением криптовалют (Республика Беларусь), и участники Международного финансового центра «Астана», осуществляющие на территории Международного финансового центра «Астана» установленные виды деятельности (Республика Казахстан).

В Российской Федерации используется подход, предполагающий включение субъектов рынка виртуальных активов в число ЛОИТ на дифференцированной основе с учетом их роли в обороте. В настоящее время в качестве таких ЛОИТ в статусе ФУ могут быть названы, например, операторы инвестиционных платформ, операторы информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, а также операторы обмена цифровых финансовых активов. При этом важно заметить, что такие участники рынка виртуальных активов, как лица, осуществляющие майнинг цифровой валюты (в том числе участ-

---

[15] Система быстрых платежей (СБП) – круглосуточный сервис Банка России, который позволяет мгновенно переводить деньги между счетами в разных банках по номеру мобильного телефона, оплачивать покупки, услуги и налоги, а также совершать другие операции. Банк России : [сайт]. URL: https://cbr.ru/PSystem/sfp/ (дата обращения: 23.03.2026).

[16] В соответствии с общим глоссарием ФАТФ под *виртуальным активом* понимается цифровое выражение ценности, которое может цифровым образом обращаться или переводиться и может быть использовано для целей осуществления платежей или инвестиций. Виртуальные активы не включают в себя цифровое выражение фиатных валют, ценных бумаг и других финансовых активов, регулируемых иными Рекомендациями ФАТФ.

ники майнинг-пулов), а также лица, организующие деятельность майнинг-пулов, включены российским законодательством о ПОД/ФТ/ФРОМУ в категорию УНФПП, что является уникальным случаем для стран СНГ.

Одновременно с этим следует выделить уникальный опыт и инструментарий Российской Федерации и российской финансовой разведки[17] относительно опыта противодействия использованию виртуальных активов в целях ОД/ФТ. Он отражен, в частности, в Руководстве ФАТФ по возврату активов[18], где указывается: «Российская Федерация бесплатно предоставляет самостоятельно разработанную блокчейн-аналитическую технологию восьми другим членам своего РГТФ[19], что позволяет им проводить финансовые расследования в отношении виртуальных активов, которых в противном случае у них могло бы не быть». В 2024 году также был издан справочник, совместно разработанный Контртеррористическим управлением ООН / Контртеррористическим центром ООН, Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) и Евразийской группой по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ): «Руководство по противодействию незаконному использованию виртуальных активов и поставщиков услуг виртуальных активов в целях финансирования терроризма».

Представляется, что с учетом продолжающегося роста оборота виртуальных активов и расширяющейся дифференциации ролей его участников законодательство стран СНГ в дальнейшем будет существенно расширять число ЛОИТ, задействованных в соответствующей деятельности.

В качестве иллюстрации указанной тенденции можно привести, например, Закон Республики Казахстан от 16 января 2026 г. № 259-VIII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования и развития финансового рынка, связи и банкротства»[20], предусматривающий включение в число ЛОИТ в качестве ФУ операторов обмена необеспеченных цифровых активов, операторов платформы цифровых финансовых активов, операторов торговой платформы цифровых активов, эмитентов цифровых финансовых активов, а также участников особого режима регулирования Национального банка Республики Казахстан, осуществляющих деятельность в сфере цифровых активов.

Одновременно представляется важным обратить внимание и на то, что, несмотря на наличие значительного количества различий в подходах, применяемых при определении состава ЛОИТ, во всех странах СНГ перечни соответствующих лиц включают в себя кредитные организации, профессиональных участников рынка ценных бумаг, участников рынка страховых услуг, нотариусов, аудиторов и др. Указанные обстоятельства объясняются, помимо требований международных «антиотмывочных» стандартов[21], также и тем, что государства –

---

[17] Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) является российским подразделением финансовой разведки.

[18] Asset Recovery Guidance and Best Practices // The FATF official website. URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/reports/Asset-Recovery-Guidance-Best-Practices.pdf.coredownload.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

[19] Региональная группа по типу ФАТФ. Имеется в виду Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ).

[20] Казахстанская правда. 2026. № 11–12 (30640–30641). 17 янв.

[21] *Ливадный П. В., Нечаев В. П., Негляд Г. Ю. и др.* Международная система противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Юнити-Дана, 2022. С. 70–75.

участники СНГ имеют общие по происхождению экономические модели, а многие рынки, опосредующие обращение товаров, услуг и капиталов, имеют для ряда стран СНГ «общий» характер (например, в рамках Евразийского экономического союза).

С учетом изложенного законодательство государств – участников СНГ о ПОД/ФТ/ФРОМУ содержит особенные, а в некоторых аспектах даже уникальные положения в части закрепления и определения субъектов исполнения «антиотмывочных» требований.

Принимая во внимание требования обновленных Рекомендаций ФАТФ, а также возникновение новых вызовов и угроз, рисков ОД/ФТ/ФРОМУ, характерных как для региона в целом, так и для самих государств СНГ, представляется обоснованным вывод о наличии значительного потенциала для гармонизации национальных законодательств о ПОД/ФТ/ФРОМУ в странах СНГ и перехода в практическую плоскость [5].

Конечным результатом проведения такой гармонизации, по большому счету, является в том числе обновление и последующее утверждение нового модельного закона взамен действующего модельного закона Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения»[22]. Очевидно, что проектирование и конструирование обновленного модельного закона СНГ должно осуществляться с учетом особенностей национального законодательства государств – участников СНГ, а также содержать передовые положения в том числе во исполнение требований обновленных Рекомендаций ФАТФ. Таким образом, поступательное формирование общих подходов в данной сфере также будет способствовать укреплению международного сотрудничества стран СНГ и усилению интеграционных процессов [6].

Список источников

1. Позднякова К. А. Роль организаций, осуществлявших операции с денежными средствами или иным имуществом, в системе финансового мониторинга // Наукоград: наука, производство, общество. 2025. Т. 5, № 1. С. 10–14.

2. Курьянов А. Оценка рисков в секторе как элемент риск-ориентированного подхода в сфере ПОД/ФТ // Банковский вестник. 2025. № 10. С. 47–55.

3. Алпысбаев К. С. О национальной системе противодействия легализации доходов, полученных преступным путем (на материалах Казахстана) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 4. С. 111–115.

4. Сидоренко Э. Цифровая валюта центральных банков: экономические сценарии и прогнозы // Международные процессы. 2021. Т. 19, № 2. С. 151–165.

5. Тисен О. Н. Новые риски финансирования терроризма с использованием криптовалют в странах ЕАГ и СНГ // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 1. С. 2–6.

6. Карпович В. Э. Особенности правового регулирования выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора за преступления отмывания денег и финансирования терроризма в государствах БРИКС // Российский следователь. 2025. № 1. С. 50–55.

References

1. Pozdnyakova K. A. The role of organizations conducting operations with monetary funds or other property in the financial monitoring system. *Science City: Science, Production, Society.* 2025;5(1):10-14. (In Russ.)

[22] По инициативе Росфинмониторинга модельный антиотмывочный закон Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ будет переработан // Росфинмониторинг : [сайт]. URL: https://www.fedsfm.ru/releases/9153 (дата обращения: 24.03.2026).

2. Kuryanov A. Risk assessment in the sector as an element of a risk-based approach in the field of AML/CFT. *Bankovskij vestnik = Banking Bulletin*. 2025;(10):47-55. (In Russ.)

3. Alpysbaev K. S. On the problems of the national system of counteraction against legalization of revenues received from illegal activity (based on Kazakhstan material). *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2017;(4):111-115. (In Russ.)

4. Sidorenko E. Digital currency of central banks: economic scenarios and forecasts. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*. 2021;19(2):151-165. (In Russ.)

5. Tisen O. N. New risks of terrorist financing using cryptocurrencies in the EAG and CIS countries. *International Criminal Law and International Justice*. 2024;(1):2-6. (In Russ.)

6. Karpovich V. E. Features of the legal regulation of the extradition of persons for criminal prosecution or execution of sentences for crimes of money laundering and terrorist financing in the BRICS countries. *Russian Investigator*. 2025;(1):50-55 (In Russ.)

Информация об авторах

В. Э. Карпович – кандидат юридических наук, помощник ректора, заместитель декана очного юридического факультета по молодежной науке и международным связям;

Е. К. Овчинников – советник нормативно-правового отдела Юридического управления Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг).

Information about the authors

V. E. Karpovich – Candidate of Science (Law), Assistant to the Rector, Deputy Dean of the Full-Time Faculty of Law for Youth Science and International Relations;

E. K. Ovchinnikov – Adviser of the Regulatory Department of the Legal Division of the Federal Financial Monitoring Service (Rosfinmonitoring).

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026; одобрена после рецензирования 08.05.2026; принята к публикации 01.07.2026.

The article was submitted 14.04.2026; approved after reviewing 08.05.2026; accepted for publication 01.07.2026.

Российское правосудие. 2026. № 9. С. 85–93
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 9. P. 85–93
УДК 343.342, 323.28 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.9.85-93

Научная статья

Криминологическая модель профилактики вовлечения российской молодежи в террористические и экстремистские организации

Константин Викторович Корсаков

Институт философии и права, Уральское отделение, Российская академия наук, Екатеринбург, Российская Федерация, korsakovekb@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2967-9884

Аннотация. Современная российская молодежь является одним из основных источников пополнения рядов террористических и экстремистских организаций, тогда как криминальная деятельность таких организаций продолжает оставаться серьезной проблемой для всего человечества, все больше угрожая мировому правопорядку и безопасности многих стран. Организаторами, лидерами и теоретиками террористических и экстремистских движений разработаны тщательно продуманные и успешно применяющиеся методики и механизмы агитационно-пропагандистской работы и вовлечения людей в эту общественно опасную среду. Эффективно противостоять террористической и экстремистской экспансии и развернутой идеологами террористов и экстремистов борьбе за умы молодого поколения с помощью одних лишь карательно-репрессивных мер невозможно: в этом направлении государственной политики необходимы практико-ориентированные криминологические модели профилактики. Целью исследования является репрезентация многоуровневой и отвечающей современным условиям частной криминологической модели профилактики вовлечения российской молодежи в террористические и экстремистские формирования, а также выработка конкретных предложений по совершенствованию действующего российского законодательства, затрагивающего область противодействия склонению и вовлечению молодежи в террористические и экстремистские организации.

В основу исследования положен междисциплинарный подход, позволивший привлечь познавательный потенциал криминологической и уголовно-правовой наук для достижения поставленной цели и рассмотреть поставленную научную проблему с точки зрения актуальных криминологических знаний, а также накопленных научных знаний в области уголовного права. Методология: формально-юридический, историко-правовой и системный методы.

По итогам научных разработок представлена криминологическая модель профилактики вовлечения российской молодежи в террористические и экстремистские организации, реализуемая на общесоциальном, специальном и индивидуальном уровнях предупреждения. В рамках модели предложены конкретные профилактические меры и формы, нацеленные как на причины и условия, формирующие желание участвовать в террористической и экстремистской деятельности, так и на нейтрализацию и блокировку каналов и путей вовлечения в таковую.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, вовлечение молодежи в экстремистские структуры, вербовка подростков в террористические формирования, профилактика экстремизма, предупреждение терроризма, криминологические модели профилактики

© Корсаков К. В., 2026

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00881, https://rscf.ru/project/25-18-00881/.

Для цитирования: Корсаков К. В. Криминологическая модель профилактики вовлечения российской молодежи в террористические и экстремистские организации // Российское правосудие. 2026. № 9. С. 85–93. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.85-93.

Original article

Criminological Model for Preventing Russian Youth from Joining Terrorist and Extremist Organizations

Konstantin V. Korsakov

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation, korsakovekb@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2967-9884

Abstract. Contemporary Russian youth are one of the main sources of recruitment for terrorist and extremist organizations, while their criminal activity continues to pose a serious problem for all of humanity, expanding and increasingly threatening the global legal order and security of many countries. Organizers, leaders, and theorists of terrorist and extremist movements have developed carefully thought-out and successfully implemented methods and mechanisms for propaganda and engaging people in this socially dangerous environment. It is impossible to effectively combat the expansion of terrorism and extremism and the struggle for the minds of the younger generation waged by terrorist and extremist ideologists through punitive and repressive measures alone. This area of public policy requires multi-level, effective criminological models of prevention. The aim of this study is to present a multi-level, contemporary criminological model for preventing the involvement of Russian youth in terrorist and extremist groups. This model is complemented by the development of specific proposals for improving current Russian legislation addressing the incitement and recruitment of youth into terrorist and extremist organizations.
The study utilizes an interdisciplinary approach, drawing on the knowledge of criminology and criminal law to achieve this goal and examining the research problem from the perspective of current criminological knowledge and accumulated scientific knowledge in the field of criminal law. Methodology: formal legal, historical legal and systemic methods.
Based on these findings, a criminological model for preventing the involvement of Russian youth in terrorist and extremist organizations is presented, implemented at the general social, special, and individual prevention levels. The model proposes specific preventive measures and forms aimed at both the causes and conditions that shape the desire to participate in terrorist and extremist activities, and at neutralizing and blocking the channels and routes of involvement in such activities.

Keywords: extremism, terrorism, involvement of young people in extremist structures, recruitment of teenagers into terrorist groups, prevention of extremism, prevention of terrorism, criminological models of prevention

Acknowledgments: research was supported by the Russian Science Foundation, Project № 25-18-00881, https://rscf.ru/project/25-18-00881/.

For citation: Korsakov K. V. Criminological model for preventing Russian youth from joining terrorist and extremist organizations. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(9):85-93. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.85-93.

Проблематика профилактики вовлечения российской молодежи в террористические и экстремистские объединения в Российской Федерации, с одной стороны, не теряет своей злободневности и социально-политической значимости, с другой – сопряжена с общественно опасными явлениями, имеющими в нашей стране глубокие исторические корни. Достаточно лишь обратить внимание на названия улиц современных российских городов, сохраняющих фамилии таких личностей, как С. Н. Халтурин (молодой русский террорист; совершил с целью убийства царя Александра II теракт в Зимнем дворце, погубивший 11 российских солдат – героев Русско-турецкой войны; участвовал в убийстве русского военного юриста, прокурора Киевского военно-окружного суда ге-

нерал-майора В. С. Стрельникова; казнен в возрасте 25 лет), Д. В. Каракозов (молодой русский террорист; стрелял в царя Александра II, но промахнулся; казнен в возрасте 25 лет), С. Г. Нечаев (молодой русский террорист; автор экстремистского «Катехизиса революционера»; убил ложно обвиненного в предательстве студента – члена террористической группы «Народная расправа»; умер в тюрьме в возрасте 35 лет), Н. А. Ишутин (молодой русский террорист; организатор покушения на царя Александра II; умер на каторге в возрасте 38 лет), А. И. Желябов (молодой русский террорист; организатор покушений, включая удавшееся, на царя Александра II; казнен в возрасте 29 лет) и др.

На протяжении многих исторических эпох борьба с терроризмом и воинствующим радикализмом в российском государстве велась преимущественно репрессивными методами, о чем свидетельствует судьба названных выше молодых людей, однако в наши дни как многими представителями криминологической науки [1, с. 187; 2, p. 165], так и известными юристами-практиками, например А. И. Бастрыкиным, отмечается, что повсеместно используемые силовые и карательные приемы в противостоянии терроризму и экстремизму хотя и сдерживают разрастание такой деятельности, но не обладают стабильным и долгосрочным эффектом, а потому наибольшее внимание следует уделять криминологической профилактике и предупредительным средствам [3, с. 840]. В связи с этим конструирование частных криминологических моделей профилактики преступлений террористического и экстремистского характера обретает сегодня особую актуальность и востребованность.

Следует согласиться с мнением В. А. Щебакова о том, что «правильно разработанная криминологическая модель эффективного предупреждения преступности должна учитывать национально-культурные особенности государства, представлять целостное изложение стратегии государства» [4, с. 135]. Данный вывод в полной мере относится к частным криминологическим моделям, касающимся отдельных проявлений феномена преступности, включая практико-ориентированную модель, предлагаемую нами. Добавим, что любая частная криминологическая профилактическая модель предполагает комплексный подход к решению ее конечных целей и промежуточных задач, интеграцию и координацию действий использующих ее субъектов и учет особенностей конкретной экономической, социальной и политической обстановки, в которой она реализуется. Также такая модель должна выстраиваться с опорой на свежие, актуальные и современные криминологические исследования, показывающие состояние и тенденции соответствующего вида криминального поведения, его детерминанты и факторы, способствующие и приводящие к его воспроизводству.

Криминологическая модель профилактики вовлечения российской молодежи в террористические и экстремистские организации как система научно обоснованных подходов, методов, приемов и конкретных мероприятий, направленных на предупреждение преступлений, связанных с вербовкой, пропагандой, агитацией и иными способами склонения молодежи к участию в террористической и экстремистской активности, предполагает непрерывное отслеживание и анализ качественно-количественных параметров этой разновидности преступности, а также включает комплекс вариативных предупредительных мер, нацеленных на снижение уровня (величины) этих преступлений. Помимо совокупности мер предупреждения и пресечения к основным компонентам криминологической профилактической модели следует отнести постоянную диагностику состояния и оценку причин и условий соответствующей формы преступности, а равно прогнозирование и разработку стратегии по их полному устранению либо ослаблению. Между тем следует признать, что, как верно подчеркнул профессор А. А. Арямов, «имеющийся сегодня спектр научных представлений о криминогенных факторах террористической преступности и предлагаемых мерах по ее профилактике, как минимум, нуждается в актуализации» [5, с. 67].

В отечественной науке криминологии профилактика преступности традиционного делится на три взаимосвязанных уровня: общесоциальный (связан с решением социально-экономических и культурно-воспитательных задач, нейтрализующих причины и условия криминального поведения), специальный (предупредительные мероприятия, имеющие своей целью предупреждение определенных преступлений путем недопущения реализации криминогенных свойств и качеств отдельных социальных групп) и индивидуальный (индивидуальная профилактическая работа с людьми, которые, судя по совокупности их личностных характеристик и социальной микросреды, могут с большой вероятностью стать преступниками)[1]. Полагаем, что криминологическая модель профилактики вовлечения российской молодежи в террористические и экстремистские формирования должна основываться на таком методологическом подходе и включать в себя все три уровня предупреждения.

Цели и задачи мер общесоциального предупредительного компонента криминологической модели профилактики вовлечения российской молодежи в террористические и экстремистские организации оказываются за рамками собственно профилактики терроризма и экстремизма и затрагивают область решения крупных социальных, экономических, морально-психологических, идеологических и правовых проблем, наличие которых порождает преступность в целом, включая терроризм и экстремизм. Средства и методы профилактики на общесоциальном уровне вбирают в себя мероприятия по повышению материального благосостояния населения, по нравственному воспитанию молодого поколения в системе традиционных для Российской Федерации этических и духовных ценностей, по развитию юридической культуры, правосознания и нетерпимости к любым проявлениям преступности среди молодежи, по оптимизации деятельности и повышению информированности правоохранительных органов и других субъектов системы профилактики.

Убеждены, что общесоциальный уровень предупреждения вовлечения российской молодежи в ряды террористов и экстремистов в числе приоритетных направлений должен включать в себя действенные меры по решению проблем безработицы, достойной оплаты труда и доступного жилья, так как многие молодые люди пополняют сообщества террористов и экстремистов по материальным причинам – ввиду отсутствия работы и желания получить быстрый и высокий финансовый доход от занятия такой деятельностью, имеющей существенную иностранную ресурсную (денежную, организационно-техническую и пр.) подпитку.

Предупреждение общесоциального типа затрагивает область брачно-семейного благополучия, так как кризис этой социальной сферы прямо связан с радикализацией современной молодежи: российские подростки из неблагополучных и неполных семей, а равно воспитанники детских домов и интернатов наиболее часто становятся жертвами вербовщиков, агентов и пропагандистов. Другой стороной проблемы семейного воспитания является недостаточный социальный контроль за этой важной для каждого человека сферой в современном индустриальном обществе. В результате нередко возникают ситуации, когда вовлечение в экстремистские организации происходит путем использования не столько идеологии или каких-либо религиозных учений, сколько родственных отношений [6, с. 40]. В настоящее время в процессе профилактики вербовки несовершеннолетних в экстремистские и террористические сообщества имеет место недооценка значения семейного окружения как одной из основ воспитания детей и социализации молодежи.

Общесоциальное предупреждение с необходимостью затрагивает законодательную деятельность: постоянное совершенствование и приведение в соответствие с усложняющими-

[1] *Козаченко И. Я., Корсаков К. В.* Криминология : учеб. и практикум для бакалавриата и специалитета. М. : Юрайт, 2021. С. 28–29.

ся социальными реалиями действующего законодательства является условием эффективного преодоления экстремистских проявлений и распространения террористической идеологии. Обратим внимание на то, что общесоциальный уровень касается совершенствования не только национального законодательства, но и, как верно пишут А. В. Бриллиантов и В. А. Бурковская [7, с. 105], международных актов, так как без прочных и выверенных правовых основ межгосударственного взаимодействия и сотрудничества в борьбе с терроризмом и экстремизмом добиться значимых успехов невозможно.

Специальный уровень профилактики вербовки российской молодежи в террористические и экстремистские структуры предполагает выявление, анализ и устранение путей, цепочек и материальной основы этой деятельности, а равно выявление и проведение предупредительной работы с разными категориями и группами российской молодежи, отличающимися повышенными вербовочными рисками. К последним относятся как нейтральные по отношению к терроризму и экстремизму подростковые объединения с асоциальным и девиантным поведением, так и экстремистски ориентированные социальные группы молодежи, которых агенты, агитаторы, эмиссары и вербовщики террористов стремятся вовлечь в террористическую деятельность. В структуру таких молодежных групп входят неформальные (дворовые (районные, квартальные), спортивные, ученические, приятельские и др.) сообщества, объединенные по признакам места жительства, национальности, религии, языка, профессии, социального происхождения, получаемого образования и т. д. В таких объединениях всегда выделяется и играет ключевую роль во взаимодействии и влиянии на остальных членов коллектива лидер. В данной связи видится интересным мнение А. В. Родионова о том, что «одним из эффективных методов противодействия является компрометация лидера экстремистской группы, ее активных участников путем создания неприязненных отношений между ними и группой» [8, с. 177]. Полагаем, что формирование неприязненных отношений требует проведения большой и серьезной работы со стороны правоприменителей, включая легендированное оперативное внедрение, а компрометация лидера в плане развенчания его возвышенного образа в глазах участников таких групп и т. п. вполне возможна в ходе профилактических бесед и иных контактов, направленных на разобщение объединений такого рода.

Среди основных и приоритетных задач профилактики данного типа, на наш взгляд, должна присутствовать задача организации молодежного досуга, так как досуг обладает большим профилактическим, регулятивно-адаптивным и компенсационным потенциалом и играет большую роль в формировании социально одобряемых паттернов поведения и навыков позитивной и общественно полезной деятельности. В целом же предупредительные цели и задачи на этом уровне должны решаться, помимо продолжения реализации федеральных целевых программ (ФЦП) класса «Антитеррор» и «Федеральный, региональный и локальный уровни управления антитеррористической деятельностью» и внедряемых в учебный процесс вузов, ссузов и школ образовательных программ, направленных на развитие толерантности, межнационального согласия, кросс-культурного диалога, гражданственности и патриотизма, за счет специального криминологического программирования – разработки и использования программ по дерадикализации, направленных на подростков и молодежь (граждан в возрасте до 35 лет).

Считаем, что эффективность криминологических мер, используемых на специальном уровне профилактики агитации и склонения молодых людей к экстремистской и террористической деятельности, может быть увеличена за счет дополнения их средствами активного духовно-культурного воспитания, а также расширения круга субъектов такой профилактики – включения в их число, помимо государственных и муниципальных органов и ведомств, учреждений искусства, спорта, образования, культуры и молодежной политики, религиоз-

ных организаций, землячеств и иных институтов гражданского общества. Такое социально-государственное партнерство в формате тесного межведомственного и общественного взаимодействия позволит укрепить информационно-когнитивную составляющую профилактической работы, делиться и передавать положительный предупредительный опыт, совместно реагировать на новые вызовы явлений экстремизма и терроризма. Думается, что в перспективе ввиду особой значимости рассматриваемой проблемы было бы правильным *сформировать на федеральном уровне специальный орган для координации действий по профилактике распространения идеологии терроризма и экстремизма* и включить в состав его руководства ведущих российских экспертов – юристов, педагогов, психологов, признанных в научном и профессиональном сообществах специалистов в этой области. На уровне субъектов Российской Федерации целесообразно создать экспертно-координационные советы при региональных органах власти.

Профилактика на индивидуальном уровне конструируемой криминологической модели предполагает осуществление мер, направленных на предотвращение и пресечение вовлечения в террористические и экстремистские организации конкретных лиц из числа молодых россиян. Они реализуются по двум направлениям: выявление процесса вербовочной активности в отношении таких лиц и его своевременное прекращение и предупреждение внутреннего стремления, желаний конкретного молодого человека поучаствовать в экстремистской или террористической деятельности. Помимо криминалистических и оперативно-розыскных приемов и способов пресечения арсенал мер такой профилактики включает в себя психолого-педагогические формы и методы. Результатами их применения должны быть положительные личностные изменения в сознании и мышлении объектов профилактики: повышение критичности восприятия действительности, развитие адекватной самооценки, закрепление стойкой антиэкстремистской установки, формирование самоуважения и просоциальных ценностных ориентиров.

Как правильно отметил Д. А. Зоиров, в настоящее время механизмы и каналы вовлечения молодых людей в экстремистскую и террористическую активность носят преимущественно информационно-телекоммуникационный характер, а в качестве основных ресурсов агитаторами и вербовщиками используются социальные сети, интернет-мессенджеры и различные онлайн-игры [9, с. 76–77]. В данной связи профилактические меры следует осуществлять путем своевременного обнаружения и оперативной блокировки вербовочного экстремистского контента, распространяемого в сетях социальной коммуникации и потребляемого конкретными подростками. Для поиска такой информации нами была разработана и успешно апробирована специальная компьютерная программа «Звирбуль», названная в честь известного отечественного ученого-криминолога, выпускника Свердловского юридического института имени Р. А. Руденко, ветерана Великой Отечественной войны, доктора юридических наук, профессора Владимира Карловича Звирбуля (1925–1994). Среди субъектов рассматриваемого вида предупреждения следует выделить Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), функции и полномочия которой в этом профилактическом направлении, на наш взгляд, следует расширить.

Заметим, что в 2025 г. в российское законодательство был внесен целый ряд значимых изменений и дополнений, направленных на усиление мер противодействия экстремистской и террористической активности. Основные новеллы касались текстов УК РФ, КоАП РФ, федеральных законов о СМИ и противодействии экстремизму. Некоторые из них породили отрицательный эффект: после вступления в силу изменений о запрете поиска экстремистских материалов в сети «Интернет» возникли сложности с криминологическим изучением и инициативным гражданским мониторингом и передачей таких материалов в правоохранительные

органы, так как такие действия при отсутствии каких-либо примечаний, оговорок и исключений попали под признаки административного правонарушения. В данной связи мы предлагаем внести соответствующие поправки в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114 «О противодействии экстремистской деятельности»[2], которые разрешат поиск, фиксацию и копирование экстремистских материалов в научно-исследовательских и профилактических целях.

Такие же исключения, как мы считаем, следует предусмотреть в отношении так называемых репостов (переотправок; вторичных (повторных) публикаций сообщений, размещенных другими пользователями в социальной сети либо в блоге, со ссылкой на источник). В сложившейся правоприменительной практике (ввиду сложностей требуемого законодательством доказывания направленности умысла и мотивов совершения данных действий) репост зачастую трактуется как форма распространения информации, при которой субъект несет юридическую ответственность за ее содержание безотносительно особенностей и условий распространения, однако помимо содержания информации, думается, необходимо учитывать контекст такого дублирования. Контекст может содержать комментарий, замечание или личную оценку пользователя, прямо и резко осуждающие или порицающие содержание передающейся информации либо направленные на привлечение внимания общественности к ней с целью противодействия изложенному.

Подобные репосты имеют все признаки контрмер, а не способов распространения общественно опасного и вредоносного контента. Для решения этого важного вопроса в тексты постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»[3] и от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”»[4] следует внести четкие разъяснения, препятствующие привлечению к юридической ответственности в последнем случае. Подчеркнем, что отсутствие описанного выше контекста может приводить к юридической ответственности, так как простая вторичная публикация экстремистского контента, не сопровождаемая никакими оправдывающими ее копирование комментариями и пояснениями, представляет собой преследуемое законом воспроизводство информации, запрещенной к распространению.

Нами также предлагается еще одно криминологически оправданное и обоснованное законодательное изменение – нововведение, связанное с дополнением ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности» квалифицирующим признаком. В настоящее время ч. 2 указанной статьи содержит такой отягчающий уголовную ответственность признак состава данного преступления, как «деяния, предусмотренные частями первой или первой.1 настоящей статьи, совершенные в отношении несовершеннолетнего или лицом с использованием своего служебного положения». Мы считаем, что в ст. 205.1 УК РФ следует поместить ч. 2.1, изложив ее текст следующим образом: «деяния, предусмотренные частями первой или первой.1 настоящей статьи, совершенные с использованием средств массовой информации, телекоммуникационных или информационно-коммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”».

Закрепление в уголовном законодательстве такого квалифицирующего признака позволит повысить предупредительный эффект мер уголовно-правового воздействия в отношении криминального вовлечения российской молодежи в террористические организации.

---

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.
[3] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 8.
[4] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8.

Список источников

1. Пшеничнов И. М. Незаконный наем в экстремистских и террористических преступлениях: вопросы взаимообусловленности и противодействия // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2. С. 183–188.

2. Miller-Idriss C. Extremist recruitment and extremist sentiment normalization // The Journal of Intelligence, Conflict, and Warfare. 2023. Vol. 5, no. 3. P. 164–168.

3. Бастрыкин А. И. Противодействие Следственного комитета Российской Федерации терроризму и экстремизму // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, вып. 4. С. 836–846.

4. Щербаков В. А. О криминологическом моделировании эффективного предупреждения преступности в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 132–135.

5. Арямов А. А. Реалии современной антитеррористической криминологии (постановка проблемы) // Российское правосудие. 2024. № 12. С. 61–69.

6. Голяндин Н. П., Горячев А. В. Мотивации вербовки в экстремистские и террористические организации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 2. С. 37–40.

7. Бриллиантов А. В., Бурковская В. А. К вопросу о направлениях унификации законодательств государств – участников СНГ о борьбе с терроризмом и захватом заложника // Уголовное право. 2003. № 1. С. 105–107.

8. Родионов А. В. Лидер в молодежной среде – проблемы противодействия молодежному экстремизму // Общество и право. 2008. № 1. С. 174–178.

9. Зоиров Д. А. Механизмы вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность в сети Интернет (по материалам Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 2. С. 74–78.

References

1. Pshenichnov I. M. Illegal hiring in extremist and terrorist crimes: issues of interdependence and counteraction. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;(2):183-188. (In Russ.)

2. Miller-Idriss C. Extremist recruitment and extremist sentiment normalization. *The Journal of Intelligence, Conflict, and Warfare*. 2023;5(3):164-168.

3. Bastrykin A. I. Countering terrorism and extremism by the Investigative Committee of the Russian Federation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law.* 2021;12(4):836-846. (In Russ.)

4. Shcherbakov V. A. On criminological modeling of the effective crime prevention in the present. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2012;(10):132-135. (In Russ.)

5. Aryamov A. A. The realities of modern anti-terrorist criminology (problem statement). *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2024;(12):61-69. (In Russ.)

6. Golyandin N. P., Goryachev A. V. Motivation for recruitment in extremist and terrorist organizations. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;(2):37-40. (In Russ.)

7. Brilliantov A. V., Burkovskaya V. A. On the issue of unifying the legislation of the CIS member states on combating terrorism and hostage-taking. *Criminal Law*. 2003;(1):105-107. (In Russ.)

8. Rodionov A. V. Leader in the youth environment: problems of countering youth Extremism. *Society and Law*. 2008;(1):174-178. (In Russ.)

9. Zoirov D. A. Mechanisms of involvement of young people in extremist activities on the internet (based on the materials of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan). *Humanities, Social-Economic and Social Sciences.* 2024;(2):74-78. (In Russ.)

Информация об авторе

К. В. Корсаков – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник.

Information about the author

K. V. Korsakov – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Senior Researcher.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 05.04.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 01.07.2026.

The article was submitted 05.04.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 01.07.2026.

Российское правосудие. 2026. № 9. С. 94–104
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 9. P. 94–104
УДК 341.783 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.9.94-104

Научная статья

Международно-правовое регулирование статуса международных служащих постоянно действующих органов Евразийского экономического союза (к 10-летию практики Суда ЕАЭС)

Павел Петрович Мысливский
Суд Евразийского экономического союза, Минск, Республика Беларусь, pavelmyslivskiy@gmail.com

Аннотация. Международные служащие постоянно действующих органов Евразийского экономического союза обладают специальным статусом, установленным в актах международного и национального права. Данные субъекты имеют международные привилегии, иммунитеты, ограничения и льготы. Целью настоящей статьи является проведение обзора ключевых правовых позиций международного судебного органа по данной категории дел, выявление проблемных аспектов регулирования статуса международных служащих и формулирование предложений по дальнейшему совершенствованию права ЕАЭС, касающихся создания актов внутреннего права международной организации.
В статье использованы дедуктивный и индуктивный, аксиоматический методы исследования, а также анализ и синтез.
Статус международных служащих в ЕАЭС обусловливает наличие у Суда Евразийского экономического союза компетенции по разъяснению права Союза по делам, возникающим из трудовых отношений в рамках публичной службы органов Союза. С момента вынесения первого консультативного заключения Суда ЕАЭС от 3 июня 2016 г. прошло более 10 лет, за которые Суд выработал важные правовые позиции в данной сфере права ЕАЭС.
Результатами исследования стали обобщение и систематизация правовых позиций Суда ЕАЭС по названной тематике, выявление соотношения правового регулирования свободы движения трудовых ресурсов и статуса международных служащих Союза, изложение возможных вариантов развития материального и процессуального права.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, внутреннее право международной организации, международный служащий, наднационализм, пенсионное обеспечение, учет стажа

Для цитирования: Мысливский П. П. Международно-правовое регулирование статуса международных служащих постоянно действующих органов Евразийского экономического союза (к 10-летию практики Суда ЕАЭС) // Российское правосудие. 2026. № 9. С. 94–104. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.94-104.

Original article

International Law Regulation of the Status of International Servants of Permanent Bodies of the Eurasian Economic Union (for the 10th Anniversary of the Practice of the Court of the EAEU)

© Мысливский П. П., 2026

Pavel P. Myslivskiy

Court of the Eurasian Economic Union, Minsk, Republic of Belarus, pavelmyslivskiy@gmail.com

Abstract. International servants of the permanent bodies of the Eurasian Economic Union enjoy a special status, as described in international and national law. These entities enjoy international privileges, immunities, restrictions, and benefits. The purpose of this article is to review the key legal positions of the international judicial body in this category of cases, identify problematic aspects of regulating the status of international civil servants and formulate proposals for the further improvement of the law of the EAEU concerning the creation of acts of the internal law of an international organization, as well as the adaptation of the competence of the Court.

The article uses deductive and inductive, axiomatic research methods, as well as analysis and synthesis. The status of international civil servants of the EAEU determines the competence of the Court of the Eurasian Economic Union to interpret the law of the Union in cases arising from labor relations within the framework of the public service of the Union's bodies. More than 10 years have passed since the first advisory opinion of the Court of the EAEU (June 3, 2016), during which time the Court has set out important legal positions in this area of EAEU law.

The results of the study included a generalization and systematization of the legal positions of the EAEU Court on the aforementioned topic, identification of the relationship between the legal regulation of the freedom of movement of labor and the status of international employees of the Union, and a presentation of possible options for the development of substantive and procedural law.

Keywords: Eurasian Economic Union, internal law of an international organization, international civil servant, supranationalism, pension provision, seniority accounting

For citation: Myslivskiy P. P. International law regulation of the status of international servants of permanent bodies of the Eurasian Economic Union (for the 10th anniversary of the practice of the Court of the EAEU). *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(9):94-104. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.94-104.

Деятельность международных организаций – независимых субъектов международного права – обеспечивается международными служащими, составляющими штат (персонал) таких организаций. Международные служащие имеют в силу норм международного права особый международно-правовой статус: независимость от государств, привилегии, иммунитеты, высокий уровень материального обеспечения. Статус и деятельность международных служащих следует изучать ввиду того, что эти лица оказывают существенное влияние на реализацию функций, возложенных на саму международную организацию. Наиболее явно это проявляется в наднациональных международных организациях, которым государства-участники передали на реализацию соответствующие публичные функции, которые ранее реализовывали государства самостоятельно в своей юрисдикции (например, правоохранительной – привлечение к ответственности лиц за нарушение норм права) [1].

В постоянно действующих органах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) работают международные служащие, наделенные специальным статусом согласно праву Союза. В 2026 году исполняется 10 лет с тех пор, как Суд Евразийского экономического союза начал рассматривать дела, связанные с проблемами аспектов регулирования статуса международных служащих постоянно действующих органов ЕАЭС. Данная практика Суда ЕАЭС будет рассмотрена в настоящей статье.

Структура органов ЕАЭС и понятие «международный служащий» органа ЕАЭС

ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции, в рамках которой обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы (п. 1 ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.[1] (далее – Договор).

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

В реализации полномочий ЕАЭС участвуют четыре органа: Высший Евразийский экономический совет (политический орган на уровне глав государств – членов Союза), Евразийский межправительственный совет (политический орган на уровне глав правительств стран, входящих в Союз), Евразийская экономическая комиссия (постоянно действующий регулирующий орган) и Суд Евразийского экономического союза (постоянно действующий орган, обеспечивающий единообразие применения права Союза).

Как было разъяснено Судом ЕАЭС[2], право Союза относит к международным служащим членов Коллегии ЕЭК, судей Суда Союза, должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда ЕАЭС (п. 1 ст. 18, п. 1 ст. 19 Договора). Все указанные лица работают в ЕЭК и Суде на постоянной основе и заняты реализацией функций международной организации ЕАЭС по созданию единого рынка товаров, капитала, услуг, рабочей силы.

Соотношение общего регулирования свободы движения рабочей силы в ЕАЭС и статуса международных служащих

В рамках ЕАЭС реализуется в том числе свобода движения трудовых ресурсов (п. 1 ст. 1 Договора). Из этого логично следует закрепление в разделе XXVI Договора положений, регулирующих трудовую миграцию, а также гарантии трудящихся[3].

Несмотря на то что работа граждан государств – членов Союза в органах ЕАЭС может считаться выражением установленной Договором свободы движения рабочей силы, трудовые гарантии международных служащих постоянно действующих органов ЕАЭС регулируются специальными нормами права Союза, определяющими их статус. Они закреплены в нескольких источниках: Договоре, Положении о Евразийской экономической комиссии[4], Статуте Суда[5], соглашениях о пребывании органов Союза в соответствующем государстве[6], актах Высшего Евразийского экономического совета[7], Комиссии[8], Суда[9], а также судебной практике (международной на уровне Суда Евразийского экономического союза[10] и нацио-

---

[2] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 21 марта 2022 г (п. 3 раздела «Выводы Суда»).

[3] Теория и практика правового регулирования мировых интеграционных процессов : учеб. : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В. В. Войников, М. Л. Энтин. М. : Норма : Инфра-М, 2026. С. 701–707.

[4] Положение о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.).

[5] Статут Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.).

[6] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Евразийской экономической комиссией об условиях пребывания Евразийской экономической комиссии на территории Российской Федерации от 8 июня 2012 г.; Соглашение между Евразийским экономическим союзом и Республикой Беларусь об условиях пребывания Суда Евразийского экономического союза на территории Республики Беларусь от 29 апреля 2016 г.

[7] См., например, Решение № 81 Высшего Евразийского экономического совета (в ред. от 8 мая 2015 г.) «Об утверждении общей штатной численности и структуры Суда Евразийского экономического союза».

[8] См., например, Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 24 мая 2025 г. № 27 «Об утверждении плана зарубежных командировок членов Коллегии Евразийской экономической комиссии, должностных лиц и сотрудников Евразийской экономической комиссии на первое полугодие 2025 г.».

[9] См., например, Правила организации и деятельности Суда Евразийского экономического союза (утв. приказом Председателя Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2015 г. № 8).

[10] См., например, Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 21 марта 2022 г.

нальной[11]). При этом к неурегулированным вопросам применяется национальное законодательство государства пребывания соответствующего органа Союза, если это допускается правом Союза[12].

В данном контексте исходя из практики Суда ЕАЭС действует общий принцип права – «специальный закон вытесняет общий закон»: те нормы, которые содержатся в праве Союза и посвящены статусу международных служащих, имеют приоритет перед нормами, регламентирующими общие вопросы реализации трудовой миграции в ЕАЭС[13]. Из этого можно сделать вывод, что регулирование международной гражданской службы в органах ЕАЭС подчиняется специальным международным нормам права ЕАЭС, выработанным для регулирования статуса международных служащих. Общее регулирование свободы движения труда, закрепленное в Договоре, на них не распространяется. При этом уровень защиты международных служащих не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах – членах Союза[14].

Конкурсные процедуры как механизм занятия должности: соотношение с национальным законодательством

Должностные лица и сотрудники органов Союза по общему правилу проходят конкурсный отбор в ходе замещения соответствующих вакансий (ст. 9 Договора). Отметим, что конкурсный отбор для занятия должностей является распространенным механизмом для международных организаций[15]. Суть его сводится к подаче кандидатом документов (резюме, справок, документов об образовании и прочего), прохождению собеседования и вынесению конкурсной комиссией решения о рекомендации или отказе в рекомендации руководителю органа назначить кандидата на соответствующую должность[16].

Напомним, что конкурсный отбор в органах ЕАЭС осуществляется с учетом принципа долевого участия государств в органах Союза[17]: соответственно, чем больше государство наполняет бюджет Союза, тем больше граждан этого государства должны участвовать в работе организации. Долевой взнос Российской Федерации составляет более 85%[18].

Согласно подходу Суда ЕАЭС конкурсная процедура распространяется в том числе на ситуации, когда происходит оптимизация штатной численности органов Союза, и действует не-

---

[11] См., например, определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31 октября 2024 г. по делу № 2-4594/2023.

[12] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 11 декабря 2017 г. (п. 14).

[13] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 13 января 2026 г. (п. 14).

[14] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 20 декабря 2018 г. (п. 3.1 раздела «Выводы Суда»).

[15] См., например: Selection procedures for permanent positions // Официальный сайт Европейского союза. URL: https://eu-careers.europa.eu/en/competitions-permanent-positions (дата обращения: 10.06.2026).

[16] Порядок проведения конкурса на занятие вакантных должностей в Секретариате Суда Евразийского экономического союза (утв. приказом Председателя Суда Евразийского экономического союза от 25 февраля 2015 г. № 4) (ред. от 19.02.2024).

[17] Порядок проведения конкурса на занятие вакантных должностей в Секретариате Суда Евразийского экономического союза (утв. приказом Председателя Суда Евразийского экономического союза от 25 февраля 2015 г. № 4) (п. 8).

[18] Решение Высшего Евразийского экономического совета «О размерах (шкале) долевых взносов государств – членов Евразийского экономического союза в бюджет Евразийского экономического союза» от 10 октября 2014 г. № 79 (ред. от 11.12.2020).

зависимо от того, что в национальном законодательстве может быть предусмотрен механизм автоматического предоставления должности при сокращении[19]. В этом смысле Суд ЕАЭС разъяснил, что национальное трудовое законодательство не обладает приоритетом перед императивными нормами международного договора в части комплектования штата. В международной организации этот процесс регламентируется нормами международного права с учетом гарантий «обоснованности, объективности, законности, недискриминации, стабильности, предоставления необходимого уровня гарантий и адекватных средств правовой защиты сокращаемым (высвобождаемым) международным служащим»[20].

Учет периода работы в органах ЕАЭС в стаже государственной службы в государствах – членах Союза

Органы международной организации не являются государственными органами и составляют институциональную структуру независимого субъекта международного права. Данное утверждение в полной мере применимо в том числе к ЕЭК и Суду ЕАЭС – Комиссия не встроена в систему органов государственной (исполнительной, законодательной) власти стран, входящих в Союз, Суд Союза не входит в судебные системы государств – членов ЕАЭС. Союзные органы являются наднациональными [1].

Тем не менее опыт работы на государственной службе государства – члена Союза является важным аспектом в ходе оценки кандидата на предмет соответствия требованиям к назначению на должности в органах ЕАЭС и делает кандидата более перспективным для занятия соответствующей должности в органах Союза[21]. Кроме того, нередки случаи, когда после пребывания на международной службе специалист изъявляет желание продолжить свою карьеру на государственной службе. Соответственно, крайне важным является то, чтобы период работы на международном уровне при переходе в национальную юрисдикцию мог бы быть конвертирован в стаж государственной службы.

Исходя из этого, важной гарантией для международных служащих органов ЕАЭС является учет (включение) периода работы в органах ЕАЭС в стаже государственной службы. Данная гарантия закреплена в п. 48, 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе. Однако, несмотря на это, проблема учета такого стажа довольно активно рассматривалась в российских судах, а также на уровне Суда ЕАЭС. В этой связи Суд выработал правовые позиции в следующих ситуациях.

Во-первых, зачастую до работы в органах ЕАЭС у международных служащих Союза уже был стаж государственной гражданской службы. Но что происходит в ситуации, когда до работы в ЕЭК или Аппарате Суда ЕАЭС специалист ранее не работал на государственной службе в государстве своего гражданства? Суд ЕАЭС выработал правовую позицию, согласно которой начало течения стажа государственной службы возможно при приеме на работу в органы Союза даже в ситуации, когда на момент приема на работу в органы ЕАЭС стажа государственной службы у конкретного работника не было[22].

---

[19] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 12 сентября 2017 г. (п. 7).

[20] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 11 декабря 2017 г. (п. 13).

[21] Порядок проведения конкурса на занятие вакантных должностей в Секретариате Суда Евразийского экономического союза (утв. приказом Председателя Суда Евразийского экономического союза от 25 февраля 2015 г. № 4) (ред. от 19.02.2024) (п. 13).

[22] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 20 декабря 2018 г. (п. 2 раздела «Выводы Суда»).

Во-вторых, Суд ЕАЭС в период своего становления был вынужден до момента проведения конкурса на замещение вакантных должностей нанимать на работу лиц на должности «исполняющий обязанности» консультанта, советника, хотя такие должности не были предусмотрены правом Союза. Такая практика привела к проблемным аспектам в контексте учета стажа работы в Суде ЕАЭС в стаже государственной службы Российской Федерации для целей назначения пенсии за выслугу лет[23]. Суд ЕАЭС пришел к выводу о том, что в данной ситуации в стаж государственной службы включается стаж работы в качестве исполняющего обязанности должностного лица, сотрудника органа ЕАЭС, если а) между органом Союза и работником был заключен трудовой договор (контракт); б) в отношении работника перечислялись средства на пенсионное обеспечение[24].

Запрет конфликта интересов в международной службе ЕАЭС

Общественная природа человека подразумевает его социальное взаимодействие с другими лицами: другими гражданами, объединениями любых видов, государственными органами. Это порождает различные социальные связи, интересы, которые могут вступать в конфликт между собой. Усложнение и диверсификация таких связей, возможность использования современных средств коммуникации приводят к тому, что ситуации, в которых наблюдается конфликт интересов, постоянно эволюционируют. Соответственно, запрет конфликта интересов получает развитие в общем международном праве, праве международных организаций, национальном законодательстве.

Как следствие, запрет конфликта интересов является нормой, встречающейся в подавляющем большинстве актов внутреннего права международных организаций[25]. Данный запрет напрямую связан с запретом недобросовестного поведения (принципом добросовестности) [2]. Средством исключения конфликта интересов является раскрытие самим международным служащим сведений о каком-либо интересе к третьему лицу или фактическим обстоятельствам (англ. disclosure)[26].

В праве Союза также существуют нормы, предусматривающие запрет конфликта интересов (например, п. 56, 61 Положения о Евразийской экономической комиссии). С точки зрения права Союза под абсолютным запретом находятся следующие действия международных служащих: запрашивание или получение указаний от органов власти или должностных лиц государств-членов, совмещение работы в Комиссии с другой работой или прочей оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной или иной творческой деятельности, в течение всего срока действия своих должностных и служебных обязанностей.

Очевидно, что ситуаций, порождающих конфликт интересов, может быть бесконечное множество. В связи с этим отметим, что детально понятие «конфликт интересов» в праве Союза не раскрывается, открывая пространство для толкования Суду ЕАЭС.

---

[23] Определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31 октября 2024 г. по делу № 2-4594/2023.

[24] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 28 марта 2024 г. (п. 20, 21.3).

[25] См., например, Разъяснения Международной организации труда для работников Секретариата от 17 июня 2009 г. // Международная организация труда : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/media/20631/download&ved=2ahUKEwjjivmL4_mUAxUYQ_EDHZKtJLk4ChAWegQIGBAB&usg=AOvVaw0O6iLp_bzKEGe7w0_JYNEU (дата обращения: 10.06.2026).

[26] Там же (п. 16).

Рассмотрим выработанные на этот счет правовые позиции Суда ЕАЭС.

Впервые с вопросом о содержании понятия «конфликт интересов» Суд ЕАЭС столкнулся в 2016 г. Ключевыми аспектами данного дела являлось наличие конфликтной ситуации между руководством одного из департаментов Комиссии и работниками данного департамента, а также обязанность служащих пройти аттестацию в комиссии, в состав которой входит в том числе конфликтующая сторона. Соответственно, служащие просили разъяснить, не подпадает ли участие их руководителя в аттестационной комиссии под запрет ситуации конфликта интересов.

В 2016 году Суд ЕАЭС высказал правовую позицию касательно содержания понятия «конфликт интересов» в контексте аттестационного процесса международных служащих. По мнению Суда ЕАЭС, в такой ситуации *конфликт интересов* означает «…наличие существенных связей (в том числе родственных, протекционистских, дружеских, финансовых и так далее) между лицами, участвующими в таком процессе, которые могут быть расценены с точки зрения стороннего разумного лица как ставящие под сомнение объективность такого процесса. В таком контексте конфликт интересов возникает в том случае, когда личные интересы участника аттестационного процесса не соотносятся с исполнением его официальных обязанностей»[27].

Впоследствии подход касательно содержания понятия «конфликт интересов» был дополнен Судом ЕАЭС в деле о возможности работы должностного лица (директора Правового департамента ЕЭК) в другой международной организации – Содружестве Независимых Государств в качестве судьи Экономического суда[28].

Подчеркнем, что в международной практике нередки ситуации, когда практикующие в международном праве адвокаты назначаются арбитрами при рассмотрении споров в международном арбитраже. Так, судьи Международного Суда ООН избираются арбитрами в соответствующих инвестиционных и коммерческих арбитражах. С течением времени такая практика начала активно критиковаться как в доктрине, так и самим Международным Судом ООН[29].

Применительно к ЭС СНГ отметим, что статус данного международного судебного органа был серьезным образом изменен: с 2017 г. он функционирует в формате *ad hoc*[30], что не требует постоянного пребывания судей в штаб-квартире Суда в г. Минске (Республика Беларусь). В консультативном заключении Суда ЕАЭС от 14 апреля 2025 г. Суд ЕАЭС избрал подход, согласно которому «возникновение (наличие) возможного конфликта интересов подлежит установлению в каждом конкретном случае в соответствии с применимыми правовыми нормами». При этом право Союза не содержит прямого запрета на назначение (избрание) должностного лица Комиссии в реестр судей Суда СНГ[31], что не было поддержано судьей Суда ЕАЭС от Российской Федерации Н. В. Павловой[32].

Актом, разъясняющим содержание понятия «конфликт интересов», стало также консультативное заключение от 13 января 2026 г., касающееся права международных служащих владеть ценными бумагами.

---

[27] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 3 июня 2016 г. (п. 12).

[28] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2025 г.

[29] Speech by President of the International Court of Justice A. Yusuf on the Occasion of the Seventy-Third Session of the United Nations General Assembly. 25 October 2018. URL: https://www.icj-cij.org/public/files/press-releases/0/000-20181025-PRE-02-00-EN.pdf (дата обращения: 10.06.2026).

[30] Протокол о внесении изменений в Соглашение о статусе Экономического суда Содружества Независимых Государств от 6 июля 1992 г. (подписан 7 июня – 13 сентября 2017 г.).

[31] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2025 г. (п. 9, 21.1).

[32] Особое мнение судьи Суда ЕАЭС Н. В. Павловой от 17 апреля 2025 г.

Физическим лицам, не являющимся международными служащими, на пространстве ЕАЭС не запрещено приумножать (инвестировать) свой капитал, в частности владеть ценными бумагами. Тем не менее данное дозволение дополняется запретом в отношении отдельных категорий лиц, которым запрещено владеть иностранными финансовыми инструментами, в том числе ценными бумагами[33].

Практика международных организаций показывает, что участие в акционерном капитале компаний может рассматриваться в качестве конфликта интересов, поскольку акционер получает не только прибыль, но и право на участие в управлении организацией. Из этого следует, что существует вероятность столкновения интересов компании по приумножению капитала и международного органа по реализации своих публичных функций[34].

В отношении международных служащих органов ЕАЭС такие запреты прямо не предусмотрены. С точки зрения Суда ЕАЭС инвестирование в ценные бумаги создает «серьезные риски возникновения конфликта интересов в случае реализации международным служащим Комиссии намерения инвестировать в финансовые инструменты, в том числе с привлечением доверительного управляющего»[35].

Пенсионное обеспечение международных служащих ЕАЭС

Привлекательность международной организации как работодателя включает надлежащий уровень накопления пенсионного капитала после завершения международной службы. Фундаментальным решением вопроса о пенсионном обеспечении международных служащих является создание и функционирование обособленного пенсионного фонда соответствующей международной организации. Такой вариант реализован, например, в системе Организации Объединенных Наций[36].

Государства – члены ЕАЭС в настоящее время решили вопрос о пенсионном обеспечении иным образом и предусмотрели специальный порядок: органы Союза перечисляют пенсионные отчисления в фонды государства гражданства соответствующего международного служащего[37]. Соответственно, процедура накопления пенсионного капитала не отличается от той, которая действует в государстве гражданства международного служащего. Вероятнее всего, такой вариант претендует на определенную стабильность в гарантировании пенсионных прав международных служащих на тот случай, если ЕАЭС будет преобразовываться. Тем не менее пенсионная реформа в России затрагивает международных служащих органов ЕАЭС, являющихся гражданами России: в 2022 г. изменились условия в части назначения пенсии за выслугу лет – стаж государственной гражданской службы в соответствующем году

---

[33] См.: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 19. Ст. 2306.

[34] См., например, Разъяснения Международной организации труда для работников Секретариата от 17 июня 2009 г. (п. 9). URL: https://www.ilo.org/media/20631/download&ved=2ahUKEwjjivmL4_mUAxUYQ_EDHZKtJLk4ChAWegQIGBAB&usg=AOvVaw0O6iLp_bzKEGe7w0_JYNEU (дата обращения: 10.06.2026).

[35] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 13 января 2025 г. (п. 21).

[36] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 7 декабря 1948 г. № 248 (III). URL: https://docs.un.org/ru/a/res/248(iii) (дата обращения: 10.06.2026).

[37] Положение о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.) (п. 44).

должен обладать продолжительностью, установленной законодательством Российской Федерации для назначения пенсии за выслугу лет федеральным государственным гражданским служащим (ранее такой нормы не существовало), а также был увеличен необходимый срок работы в органе ЕАЭС перед выходом на пенсию до трех лет (ранее продолжительность составляла один год)[38].

С точки зрения Суда ЕАЭС реализация суверенных полномочий государств в виде допустимости внесения изменений в международный договор в части условий назначения пенсии должна соотноситься с доктриной «приобретенных прав». Это предполагает, что должностные лица и сотрудники Комиссии и Суда Союза, которые приобрели право на пенсию за выслугу лет в соответствии с прежней редакцией Договора о ЕАЭС и были освобождены от должностей, замещаемых в Комиссии или Суде Союза (за исключением случаев освобождения, связанных с виновными действиями), сохраняют свое право на пенсию за выслугу лет на прежних условиях[39].

Процессуальные гарантии защиты прав международных служащих ЕАЭС

Взаимоотношения международной организации (как работодателя) и международного служащего (как работника) неминуемо предполагают возможность возникновения споров по различного рода вопросам (от отказа в приеме на работу до несогласия с увольнением). Из этого следует необходимость в наличии таких механизмов разрешения споров, которые учитывают особенности международно-правового статуса международной организации и работника. Поэтому в настоящее время споры международной организации со своими работниками, как правило, рассматриваются в специализированных международных трибуналах гражданской службы. Данное явление достаточно подробно исследовано в российской доктрине [3].

Важно подчеркнуть, что в настоящее время механизм разрешения споров между органом ЕАЭС и его работником довольно сложен. Так, работник органа ЕАЭС не может обратиться в какой-либо международный орган по разрешению споров с иском к этому органу (как работодателю), если его трудовые права предположительно могли быть нарушены. Соответственно, основным вариантом защиты является обращение в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении права Союза (п. 46 Статута Суда ЕАЭС).

Тем не менее в 2025 г. зафиксирован случай обращения Кыргызской Республики в высший орган евразийской интеграции – Высший совет ЕАЭС – в ситуации, когда победителю конкурса на замещение должности в Суде (гражданину Кыргызстана) было отказано в приеме на работу[40]. Высший совет ЕАЭС встал на сторону гражданина Кыргызстана.

Вероятнее всего, данный прецедент следует считать уникальным случаем рассмотрения на уровне глав государств – членов Союза фактически трудового спора об отказе в приеме на работу.

---

[38] Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. в части пенсионного обеспечения должностных лиц и сотрудников Евразийской экономической комиссии и Суда Евразийского экономического союза, являющихся гражданами Российской Федерации (Подписан в городе Москве 24 марта 2022 года) (ст. 1).

[39] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 28 марта 2024 г. (п. 17).

[40] Распоряжение Высшего Евразийского экономического совета от 21 декабря 2025 г. № 5 «О некоторых вопросах деятельности Председателя Суда Евразийского экономического союза по кадровым вопросам».

В настоящее время истцы – международные служащие, имеющие международный статус в силу норм и принципов международного права, используют национальную юрисдикцию для разрешения своих разногласий[41]. Так, с 1 января 2023 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации обеспечивает представительство и защиту интересов Российской Федерации в Суде ЕАЭС[42]. Практика показала, что содействие органов прокуратуры также предполагается в процессе защиты прав международных служащих в российских судах.

Например, прокуратура г. Москвы принимала активное участие в деле об оспаривании решения Министерства труда Российской Федерации об отказе в назначении пенсии за выслугу лет международному служащему, в том числе путем участия в судебных заседаниях, направления представления[43].

По нашему мнению, в этой части следует учесть опыт работы других международных организаций, предполагающий создание отдельного суда по делам международной публичной службы, либо наделить Суд ЕАЭС полной компетенцией по подобного рода делам [4].

Заключение

Первое десятилетие практики Суда ЕАЭС по делам, связанным с международно-правовым регулированием международной службы в постоянно действующих органах ЕАЭС, демонстрирует востребованность Суда как важного органа по разрешению данной категории дел.

В то же время в ЕАЭС еще предстоит реализовать важные правовые позиции Суда в части создания унифицированного международного регулирования публичной службы, предполагающего принятие актов внутреннего права международной организации, которые охватывали бы максимальный спектр вопросов трудовых отношений в органах ЕАЭС без содержания отсылок к национальному законодательству[44].

Кроме того, сохраняет свою актуальность и поддерживается постановка вопроса о расширении компетенции Суда в целом[45], а также в части наделения его полномочиями по делам публичной службы, что позволило бы оптимизировать порядок рассмотрения споров в пользу его упрощения и повышения эффективности.

Список источников

1. Нешатаева Т. Н. Наднационализм: развитие внутреннего права ЕАЭС // Российское правосудие. 2019. № 5. С. 38–57.

2. Седова Ж. И. Конкурент в составе совета директоров: вопросы конфликта интересов и защиты от недобросовестной конкуренции // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 4. С. 39–44.

3. Попова А. Н. Механизмы рассмотрения трудовых споров между международными межправительственными организациями и их служащими : дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. 271 с.

---

[41] См., например, дело № 02-0668/2019 Хамовнического районного суда г. Москвы. Решение от 22 марта 2019 г.

[42] Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 265-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «О внесении изменений в Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”».

[43] Определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31 октября 2024 г. по делу № 2-4594/2023.

[44] Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 12 сентября 2017 г. (п. 12).

[45] Теория и практика правового регулирования мировых интеграционных процессов. Т. 1. С. 153–159.

4. Нешатаева В. О., Мысливский П. П. Международные и наднациональные суды на евразийском пространстве // Разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности в евразийском регионе / под ред. Г. П. Ивлиева, Т. Н. Нешатаевой. М. : Городец, 2024. С. 41–44.

References

1. Neshataeva T. N. Supranationalism: development of the institutional law of the EAEU. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2019;(5):38-57. (In Russ.)

2. Sedova Zh. I. Competitor on the board of directors: issues of conflict of interest and protection against unfair competition. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava = Journal of Entrepreneurship and Corporate Law.* 2021;(4):39-44. (In Russ.)

3. Popova A. N. *Mechanisms for the consideration of labor disputes between international intergovernmental organizations and their employees.* Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2020. 271 p. (In Russ.)

4. Neshataeva V. O., Myslivskiy P. P. International and supranational courts in the Eurasian space. In: G. P. Ivliev, T. N. Neshataeva, eds. *Settlement of disputes in the field of intellectual property in the Eurasian region*. Moscow: Gorodets; 2024. Pp. 41–44. (In Russ.)

Информация об авторе

П. П. Мысливский – кандидат юридических наук, советник судьи.

Information about the author

P. P. Myslivskiy – Candidate of Science (Law), Judge's Advisor.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 04.06.2026; одобрена после рецензирования 18.06.2026; принята к публикации 01.07.2026.

The article was submitted 04.06.2026; approved after reviewing 18.06.2026; accepted for publication 01.07.2026.

Российское правосудие. 2026. № 9. С. 105–112
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 9. P. 105–112
УДК 347.962:004.8 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.9.105-112

Научная статья

Алгоритмизация как основа цифровой модели конкурсного отбора судей в Республике Казахстан

Мурат Берикович Жаксылыков

Высший Судебный Совет Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан, zhmb50919@gmail.com, https://orcid.org/0009-0007-4563-1235

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации правовых и институциональных основ конкурсного отбора судей в Республике Казахстан в условиях цифровизации судебных органов. Выдвигаются предложения ограничить действующую модель конкурсного отбора судей и модернизировать ее на основе современных цифровых аналитических решений.

Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и институциональный методы, а также анализ практики функционирования Высшего Судебного Совета Республики Казахстан.

Установлено, что действующая система судейского отбора характеризуется зависимостью от дискреционных критериев, ограниченностью используемых информационных ресурсов и незавершенностью цифровых инструментов оценки кандидатов. В исследовании обоснован переход к цифровой модели конкурсного судейского отбора, основанной на применении алгоритмов контролируемого искусственного интеллекта и технологий анализа данных. Предложены механизмы совершенствования процедуры отбора, включающие внедрение цифровых кейс-тестов для оценки поведенческих и этических характеристик, формирование интегрированного цифрового профиля кандидата на основе анализа профессиональной деятельности, а также использование предложенных цифровых сред имитационного моделирования для проверки практических навыков. Реализация предложенных подходов направлена на повышение объективности и прозрачности конкурсного отбора судей, а также обеспечение единообразного применения критериев оценки при формировании судейского корпуса.

Ключевые слова: алгоритмическое принятие решений, Высший Судебный Совет, оценка компетенций, конкурсный отбор судей, Республика Казахстан, судебная система, судейская реформа, цифровизация правосудия

Для цитирования: Жаксылыков М. Б. Алгоритмизация как основа цифровой модели конкурсного отбора судей в Республике Казахстан // Российское правосудие. 2026. № 9. С. 105–112. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.105-112.

Original article

Algorithmization as the Basis of a Digital Model of Judicial Selection in the Republic of Kazakhstan

Murat B. Zhaksylykov

High Judicial Council of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan, zhmb50919@gmail.com, https://orcid.org/0009-0007-4563-1235

© Жаксылыков М. Б., 2026

Abstract. The article examines the transformation of the legal and institutional foundations of judicial selection in the Republic of Kazakhstan in the context of the digitalization of the judiciary. The central focus of the study is the analysis of the limitations of the current competitive judicial selection framework and the substantiation of directions for its modernization through the integration of advanced digital analytical solutions.

The methodological framework is based on formal legal, comparative legal, and institutional approaches, as well as an analysis of the practice of the High Judicial Council of the Republic of Kazakhstan.

The study reveals that the existing selection system is characterized by a reliance on discretionary criteria, limited use of information resources, and the incomplete development of digital assessment tools. In this regard, the transition to a digital model of judicial selection is substantiated, based on the application of controlled artificial intelligence and data analytics technologies. Mechanisms for improving the judicial selection process are proposed, including the implementation of digital case-based assessments to evaluate candidates' behavioural and ethical competencies, the development of an integrated digital candidate profile based on the analysis of professional experience and performance, as well as the use of digital simulation environments to assess practical competencies. The implementation of the proposed approaches is intended to enhance the objectivity and transparency of the judicial selection process while ensuring the consistent application of assessment criteria in the formation of the judiciary.

Keywords: algorithmic decision-making, High Judicial Council, competency assessment, judicial selection, Republic of Kazakhstan, judicial system, judicial reform, digitalization of justice

For citation: Zhaksylykov M. B. Algorithmization as the basis of a digital model of judicial selection in the Republic of Kazakhstan. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(9):105-112. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.9.105-112.

Несмотря на достигнутые результаты цифровизации судебных органов[1], национальная инфраструктура кадрового отбора Высшего Судебного Совета Республики Казахстан характеризуется институциональной незавершенностью. Единственным относительно сформированным цифровым решением пока выступает «Портал судебного персонала Верховного суда Республики Казахстан» через удаленный ограниченный доступ, тогда как иные информационные сервисы функционируют разрозненно, а их интеграция носит преимущественно ручной и несистемный характер. Данное состояние ограничивает уровень объективности и сопоставимости оценочных процедур, снижает прозрачность конкурсного отбора и препятствует формированию единой аналитической среды принятия кадровых решений.

В 2025 году Республика Казахстан заняла 66-е место среди 143 стран в Индексе верховенства закона[2] и 96-е место среди 182 государств в Индексе восприятия коррупции[3], что отражает сохраняющиеся институциональные ограничения в сфере обеспечения верховенства права и противодействия коррупции.

Поэтому можно признать, что существующая модель конкурсного отбора судей в Республике Казахстан характеризуется наличием институциональных ограничений, препятствующих обеспечению объективности и нормативной прозрачности процедур оценки кандидатов.

Научная новизна исследования заключается в формировании концептуальной модели цифровой трансформации конкурсного отбора судей в Республике Казахстан, основанной на

---

[1] Согласно Отчету о деятельности Республики Казахстан по обеспечению верховенства закона, в 2015 г. количество поданных в электронном формате исков составляло 5%, тогда как в 2024 г. данный показатель достиг свыше 95% за счет функционала Судебного кабинета (с. 68–69). См.: Национальный доклад по конкурентоспособности Казахстана. URL: https://eri.kz/documents/news/news_inst/2025/jan25/National_report_2024.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

[2] URL: https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/global/2025/Kazakhstan/ (дата обращения: 18.03.2026).

[3] URL: https://www.transparency.org/en/cpi/2025 (дата обращения: 18.03.2026).

интеграции технологий искусственного интеллекта, анализа больших данных и алгоритмической оценки профессиональных и этических компетенций кандидатов по балл-критериям оценки. В работе впервые: 1) предложена модель количественной оценки морально-этических характеристик кандидатов посредством цифровых кейс-тестов; 2) обоснована необходимость формирования интегрированного цифрового профиля кандидата на основе анализа его профессиональной деятельности; 3) разработан подход к внедрению цифровых сред имитационного моделирования для оценки практических навыков кандидатов в режиме реального времени. Предложенные решения направлены на снижение влияния субъективной экспертной оценки на результаты конкурсного отбора, обеспечение стабильности и единообразия принимаемых кадровых решений.

Модель цифровизации судебной власти Республики Казахстан характеризуется переходом от частичного внедрения информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) к системной трансформации судебной деятельности, охватывающей процессуальные, организационные и управленческие элементы [1, с. 412–415]. Это позволяет рассматривать цифровизацию не как вспомогательный инструмент, а как самостоятельный фактор институциональной эволюции судебных органов.

Как отмечалось, механизм отбора сосредоточен на Высшем Судебном Совете Республики Казахстан (далее – ВСС), при этом кандидаты оцениваются по знаниям, моральным качествам (штатными психологами и членами ВСС), результатам квалификационных экзаменов, при этом их реальный юридический опыт остается без надлежащей оценки. Указанный процесс отбора подрывается субъективными морально-этическими критериями оценки, расплывчатыми законодательными формулировками, такими как «безупречная репутация», и незримым влиянием председателей судов на результаты отбора.

Анализ автором концептуальных и нормативных основ конкурсного отбора судей в Республике Казахстан ставит ряд вопросов, в том числе:

1) субъективизм в оценке морально-нравственных (этических) качеств;

2) ограниченность информации о кандидатах;

3) недостаточная цифровизация процедур отбора судей [2, с. 50].

Ситуация усугубляется тем, что уровень автоматизации в сфере судейского конкурсного отбора остается не на должном уровне, что ограничивает возможности для объективной оценки кандидатов [2, с. 50]. Обсуждаемые в научной среде проблемы назначения, например, председателей судов [3] разрешаются благодаря усилиям ВСС.

С января 2024 г. процедура конкурсного отбора ВСС реформирована: полномочия по изначальной селекции кандидатов, в том числе из числа самовыдвиженцев и кадрового резерва, делегированы расширенным территориальным пленарным заседаниям. Данный механизм, предусматривающий и альтернативное самовыдвижение (не менее двух претендентов на вакансию), свидетельствует о завершении этапа формирования устойчивой институциональной архитектуры кадровой политики. Эволюционный переход от ведомственно-администрируемого подхода к нормативно-единообразному применению критериев оценки (в период 2016–2024 гг.) позволил повысить правовую легитимность и прозрачность процессов комплектования руководящего состава судебных органов [4].

Оптимизация конкурсного отбора судей в Республике Казахстан требует скоординированных единых действий сразу по трем направлениям: развертывание единой цифровой платформы с автоматизированным подсчетом рейтинг-баллов и онлайн-мониторингом (для конкурсантов) с обязательной заменой ручных процессов аналитики алгоритмами искусственного интеллекта (далее – ИИ), реструктуризация механизма отбора для снижения влияния председателей судов и введение обязательного психодиагностического обследования с

объективными *балл-рейтинговыми критериями оценки.* Это потребует внесения изменений в Конституционный закон о судебных органах[4] с целью замены расплывчатых формулировок (подобных определению «безупречная репутация») на измеряемые критерии оценки (единые для всех), законодательного закрепления требований к получению степени магистра и установления исчерпывающего перечня оснований для отклонения рекомендаций кандидатов.

Решение проблемы субъективизма: «цифровые кейс-тесты»

Интеллектуализация правосудия рассматривается в научном мире (А. В. Ермаков) как императив цифровой реформы. ИИ позиционируется в качестве когнитивного ассистента, призванного обеспечить технологическую поддержку через оптимизацию информационных потоков, систематизацию судебной практики и минимизацию трудозатрат при отправлении правосудия [5, с. 27–29].

Национальные информационные сервисы (далее – ИС) работы судей – «Төрелік», «Е-примирение», «Онлайн-беседа», «Поиск судебных дел», «Онлайн-конструктор заявлений», «Банк судебных актов», «Е-уголовное дело»[5], программа защищенной видеосвязи «TrueConf»[6] и другие сервисы Республики Казахстан, а также введенные нормы об экстерриториальной подсудности[7], в соответствии с которыми онлайн-сервис случайным методом должен распределять дела судьям из другого региона, позволяют утверждать, что достигнуты значимые результаты [6, с. 22–26].

Поскольку техническими ИС Верховного казахстанского суда ведется документальная фиксация судебных процессов и в последующем базы данных сохраняются, целесообразно не только отслеживать в моделях поведения отклонения от действующих процессуальных норм законодательства и соответствие нормам судейской этики[8] в режиме реального времени, но и формировать базу подобных видеокейсов.

Вместо того чтобы полагаться на усмотрение членов комиссии ВСС при оценке «морально-этических компетенций» по количеству совершенных административных правонарушений, необходимо перевести оценку кандидатов в измеримую плоскость через ***внедрение обязательного этапа автоматизированного интеллектуального тестирования на основе ситуационных суждений***. К примеру, кандидату предлагаются видеокейсы или текстовые сценарии реальных этических дилемм (например, скрытая попытка давления со стороны родственников или предложение «ускорить» процесс), сгенерированные ИИ. Система по единым критериям оценивает не только «правильность», но и соответствие моделей поведения кандидата в судьи Кодексу судейской этики.

---

[4] Конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 г. № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» (в ред. от янв. 2024) // Информационно правовой портал «Әділет». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021164 (дата обращения: 18.03.2026).

[5] Электронно-цифровые дела, возбужденные правоохранительными органами, через сервисы органов прокуратуры попадают в сеть судебных органов.

[6] См.: TrueConf – Простая видео-конференц-связь : [сайт]. URL: https://trueconf.com/company/about.html (дата обращения: 18.03.2026).

[7] Согласно нормам Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан (ст. 32) введена в действие с 1 августа 2022 г. А с 1 марта 2025 г. экстерриториальная подсудность начала применяться и по административным делам (споры с госорганами). Это позволяет истцу ходатайствовать о рассмотрении дела в любом регионе страны, чтобы исключить влияние местных властей на суд.

[8] Кодекс судейской этики (утв. IX Съездом судей Республики Казахстан 4 октября 2024 г.) // Союз судей Республики Казахстан : [сайт]. URL: https://krso.kz/storage/app/media/dockz/kodeks-rus.pdf (дата обращения: 18.03.2026).

Результат выдается в виде объективного цифрового коэффициента этической устойчивости, который **комиссия ВСС не может игнорировать или произвольно изменить**. Если же комиссия ВВС все же усмотрит предвзятость алгоритмов [7], то разработчикам программного обеспечения ИС оценки кандидатов придется устранить алгоритмические ошибки. Для реализации предложенного Академии правосудия предстоит прежде создать, оцифровать и апробировать балл-рейтинговую систему оценки кандидатов в судьи, которая будет полезна и руководству Верховного суда для мгновенной онлайн-оценки качества отправления правосудия (с учетом независимости судебного решения).

Решение проблемы ограниченности информации: «интегрированный цифровой профиль компетенций»

Для преодоления устаревших рамок «анкеты и экзамена» следует использовать накопленные массивы цифровых данных. Создание автоматизированной системы сбора сведений о профессиональной деятельности кандидата и его морально-этических качествах позволит применительно к кандидатам (выходцам из ИС судебных органов (секретарь, помощник судьи) отслеживать и анализировать: а) процент подготовленных ими проектов решений, которые были изменены или отменены вышестоящими инстанциями; б) соблюдение процессуальных сроков в делах, которые они вели; в) отсутствие аффилированности со сторонами по частоте участия определенных лиц в их процессах.

Таким образом, ВСС получит «360-градусный обзор» реальной работы кандидата за годы, а не его «лучшую версию» на 15-минутном собеседовании. Предстоит еще продумать детали так называемой «системы цифрового контроля качества», при котором качество подготовленных документов и проектов оценивалось ИС по критериям качества за долгие годы. Тем самым сотрудники системы правосудия будут мотивированы на качественное исполнение функциональных обязанностей.

Опыт Китайской Народной Республики в использовании защищенных национальных облачных платформ «умных судов» [8; 9] и деятельность дата-центров прибалтийских стран по хранению судебных и правовых данных, доступных всем (органы дознания, прокуратура, суд) [10], обязательное обучение судей и персонала органов правосудия принципам ответственного использования ИИ [11], передовой зарубежный опыт внедрения технологий ИИ в сферу правосудия [12, с. 80–82, 87] следует признать полезными для использования в национальной IT-архитектуре ВСС.

Решение вопросов недостаточной цифровизации

Цифровизация должна быть не просто «сканированием документов», а изменением самой среды отбора. Как отмечает А. Н. Фролов, автоматизация подготовки судебных актов средствами искусственного интеллекта повышает производительность труда работников суда и одновременно обеспечивает большую унифицированность судебной практики посредством использования типовых формулировок и единой структуры судебных документов, создания дополнительных условий, способствующих повышению судьями компетенций в реализации правосудия [13, с. 108–110].

Внедрение прототипа условной платформы «цифровой среды имитационного моделирования конкурсного отбора судей» как финального этапа по сути уже применяется ВСС. При отборе кандидат помещается в изолированную цифровую среду, где он должен в режиме реального времени рассмотреть 5–10 задач на основе деперсонализированных архивных дел, написать протокол, вынести определение, подготовить проект судебного решения. Пока оценка действий кандидата проводится вручную, хотя ИС способен по заданным алгоритмам ав-

томатически замерять скорость его работы, грамотность применения норм права и логику обоснования. При этом все действия кандидата в ИС должны фиксироваться (логироваться) технологией блокчейн, что исключает возможность подмены результатов или «подсказок» со стороны.

В данном направлении ВСС продолжает осуществлять работу через аутсорсинг, хотя для динамичных изменений программного обеспечения требуется постоянное взаимодействие с разработчиками. Перевод юридической логики в цифровую форму и создание полнофункциональных интеллектуальных систем, способных формировать выводы и решения на основе анализа данных, сопоставимые по качеству с деятельностью экспертного сообщества, возможны исключительно при институционализированном междисциплинарном взаимодействии юристов как носителей предметной экспертизы, специалистов в области лингвистики и обработки естественного языка, а также разработчиков, обеспечивающих алгоритмическую и программную реализацию соответствующих решений [14, с. 91].

Заключение

Исследование показало, что действующая модель конкурсного отбора судей в Республике Казахстан находится на переходной стадии между административно-дискреционной и цифрово-алгоритмической парадигмами. При сохранении формально зафиксированных процедур отбора первостепенные этапы оценки кандидатов продолжают зависеть от субъективных интерпретаций и ограниченных по интеграции информационных (баз данных) массивов, что снижает предсказуемость принимаемых решений по конкурсному отбору судей.

В проведенном исследовании обоснована необходимость институционального перехода к цифровой парадигме формирования судейского корпуса, предполагающей замену качественно-описательных критериев количественно верифицируемыми показателями. Предложена модель отбора, основанная на использовании технологий искусственного интеллекта, анализе больших данных и алгоритмической оценке поведенческих и профессиональных моделей поведения кандидатов, что позволит сформировать принципиально новую архитектуру кадровых решений в судебных органах.

Научный результат исследования заключается в формализации механизмов IT-модели комплексной оценки морально-этических характеристик кандидатов, концептуализации интегрированного цифрового профиля кандидата и обосновании применения сред имитационного моделирования как инструмента объективной верификации профессиональных компетенций. Внедрение данной модели позволит, на наш взгляд, минимизировать влияние неформальных факторов, стандартизировать процедуры оценки и обеспечить их алгоритмическую прозрачность. В долгосрочной перспективе это позволит сформировать эффективный механизм отбора судей, способный обеспечить приток в судейское сообщество кандидатов с соответствующим уровнем профессиональной и этической компетентности, а также повысить степень институционального доверия к деятельности Высшего Судебного Совета Республики Казахстан.

Практическая значимость исследования состоит в обосновании внедрения цифровой модели конкурсного отбора судей в практику деятельности Высшего Судебного Совета Республики Казахстан. Предложенные алгоритмические механизмы оценки кандидатов, включая цифровые кейс-тесты, интегрированные профили профессиональной деятельности и направления для среды имитационного моделирования, могут быть использованы при создании разрабатываемой единой информационно-аналитической платформы судейского конкурсного отбора судей.

Реализация данных решений при проектировании цифрового портала позволит формализовать оценочные процедуры, минимизировать субъективные факторы принятия кадровых

решений и обеспечить переход к повышению предсказуемости и единообразия формирования судейского корпуса.

Список источников

1. Сидорова Н. Казахстанская модель цифровизации судебной власти // Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. : в 6 т. Т. 1 / ред. И. Р. Бегишев, Е. А. Громова, М. В. Залоило и др. Казань : Познание, 2022. С. 411–416.

2. Жаксылыков М. Б. К вопросу оптимизации правовых и институциональных основ отбора судей (по материалам Республики Казахстан) // Российское правосудие. 2025. № 10. С. 45–52.

3. Жаманбаев Б. М. Выборность председателей судов: обзор организационно-правовых аспектов в контексте новых реалий // Вестник Торайгыров университета. Юридическая серия. 2023. № 1. С. 16–27.

4. Муратбеков Д. Б. К проблемам функционирования отбора в кадровый резерв на судейские должности (по материалам Республики Казахстан) // Российское правосудие. 2025. № 11. С. 63–70.

5. Ермаков А. В. Цифровизация правосудия и искусственный интеллект // Закон и право. 2024. № 4. С. 26–30.

6. Егежанова Д. Р. Некоторые вопросы развития и совершенствования цифрового образования судей // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Сер.: Право. 2023. № 2. С. 21–31.

7. Borgesano F., De Maio A., Laghi P., Musmanno R. Artificial intelligence and justice: a systematic literature review and future research perspectives on Justice 5.0 // European Journal of Innovation Management. 2025. Vol. 28, issue 11. P. 349–385.

8. Liu Y., Zhang H. Data security and privacy protection in China's smart courts // China Legal Science. 2023. Vol. 11, no. 3. P. 45–63.

9. Shi C. The smart court – a new pathway to justice in China? // International Journal for Court Administration. 2021. Vol. 12, issue 1. Art. 4.

10. Limantė A., Sukyte M. Comparative insights and future directions of AI in the courts of the Baltic States // International Journal of Law and Information Technology. 2025. Vol. 33, eaaf002.

11. Адилов С. А., Шульгин Е. П. Роль искусственного интеллекта в трансформации правосудия: вызовы и перспективы для общества // «Хабаршы – Вестник» Карагандинской академии МВД РК им. Б. Бейсенова. 2024. № 4. С. 4–9.

12. Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex russica. 2019. № 11. С. 79–87.

13. Фролов А. Н. Перспективные вопросы внедрения информационных технологий и искусственного интеллекта в деятельность судов // Правосудие в современном мире (к X Всероссийскому съезду судей) : сб. материалов Всерос. межвед. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 22–24 сент. 2022 г.) : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. И. Поправко, Ю. В. Журавлевой, Р. В. Ярцева. Н. Новгород : Автор, 2022. С. 108–114.

14. Крыгина С. В., Кропачев С. Ю. Цифровизация судебной системы: проблемы и перспективы // Правосудие в современном мире (к X Всероссийскому съезду судей) : сб. материалов Всерос. межвед. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 22–24 сент. 2022 г.) : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. И. Поправко, Ю. В. Журавлевой, Р. В. Ярцева. Н. Новгород : Автор, 2022. 2022. С. 88–93.

References

1. Sidorova N. The Kazakhstan model of digitalization of judicial power. In: I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, et al., eds. *Digital technologies and law.* Collection of scientific papers of the First International Scientific and Practical Conference. In 6 vols. Vol. 1. Kazan: Poznanie; 2022. Pp. 411–416. (In Russ.)

2. Zhaksylykov M. B. On the issue of optimization of legal and institutional foundations of judicial selection (based on the materials of the Republic of Kazakhstan). *Rossijskoe pravosudie* = *Russian Justice*. 2025;(10):45-52. (In Russ.)

3. Zhamanbaev B. M. Election of court chairmen: review of organizational and legal aspectsin the context of new realities. *Bulletin of Toraigyrov University. Law Series*. 2023;(1):16-27. (In Russ.)

4. Muratbekov D. B. Criteria for selection into the judicial personnel reserve (based on materials of the Republic of Kazakhstan). *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2025;(11):63-70. (In Russ.)

5. Ermakov A. V. Digitalization of justice and artificial intelligence. *Law and Legislation.* 2024;(4):26-30. (In Russ.)

6. Yegezhanova D. R. Some issues of development and improvement of digital education of judges. *Bulletin of L. N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Law*. 2023;(2):21-31. (In Russ.)

7. Borgesano F., De Maio A., Laghi P., Musmanno R. Artificial intelligence and justice: a systematic literature review and future research perspectives on Justice 5.0. *European Journal of Innovation Management.* 2025;28(11):349-385.

8. Liu Y., Zhang H. Data security and privacy protection in China's smart courts. *China Legal Science.* 2023;11(3):45-63.

9. Shi C. The smart court – a new pathway to justice in China? *International Journal for Court Administration.* 2021;12(1):4.

10. Limante A., Sukyte M. Comparative insights and future directions of AI in the courts of the Baltic states. *International Journal of Law and Information Technology.* 2025;(33):eaaf002.

11. Adilov S. A., Shulgin E. P. The role of artificial intelligence in transforming justice. *"Khabarshi – Vestnik" of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan.* 2024;(4):4-9. (In Russ.)

12. Biryukov P. N. Artificial intelligence and "predicted justice": foreign experience. *Lex Russica.* 2019;(11):79-87. (In Russ.)

13. Frolov A. N. Perspective issues of the introduction of information technologies and artificial intelligence in the activities of courts. In: V. I. Amendment, Yu. V. Zhuravleva, R. V. Yartseva, eds. *Justice in the modern world (for the X All-Russian Congress of Judges).* Collection of materials of the All-Russian International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, 22–24 September 2022). In 2 pts. Pt. 1. N. Novgorod: Avtor; 2022. Pp. 108–114. (In Russ.)

14. Krygina S. V., Kropachev S. Yu. Digitalization of the judicial system: problems and prospects. In: V. I. Popravko, Yu. V. Zhuravleva, R. V. Yartseva, eds. *Justice in the modern world (for the X All-Russian Congress of Judges).* Collection of materials of the All-Russian International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, 22–24 September 2022). In 2 pts. Pt. 1. N. Novgorod: Avtor; 2022. Pp. 88–93. (In Russ.)

Информация об авторе

М. Б. Жаксылыков – магистр права, руководитель отдела организации конкурсного отбора и формирования кадрового резерва.

Information about the author

M. B. Zhaksylykov – Master of Law Degree, Head of the Department for Competitive Selection and Personnel Reserve Formation.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2026; одобрена после рецензирования 28.05.2026; принята к публикации 01.07.2026.

The article was submitted 17.04.2026; approved after reviewing 28.05.2026; accepted for publication 01.07.2026.